

Академия наук Республики Татарстан
Институт истории им.Ш.Марджани

Шеф-редактор — **Рафаэль Хакимов**

Редактор — **Евгений Казаков**

Редакционная коллегия:

Леонид Арсланов

(Елабужский педагогический институт, Россия)

Иван Васильев

(Министр экономики Республики Марий Эл, Россия)

Римма Голдина

(Удмуртский государственный университет, Россия)

Поль Грандволь

(Межуниверситетский центр венгерских исследований, Франция)

Маргарита Иванова

(Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН)

Христиан Карпелан

(Хельсинкский государственный университет, Финляндия)

Сергей Кузьминых

(Институт археологии РАН)

Аин Мязсалу

(Тартусский университет, г.Тарту, Эстония)

Николай Мокшин

(НИИ языка, литературы, истории и экономики при СМ Мордовии)

Татьяна Никитина

(Марийский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории им.В.Н.Васильева)

Роман Ковалев

(Миннесотский университет, США)

Элеонора Савельева

(Институт языка, литературы и истории Коми филиала РАН)

Ксенофонт Сануков

(Марийский государственный университет, Россия)

Петр Старостин

Иштван Фодор

(Институт истории АН РТ)

(Венгерский национальный музей, Венгрия)

✉ Адрес: 420111, г. Казань, ул. Кремлевская, 9.

Институт истории АН РТ. Редакция ж. "ПАНОРАМА-ФОРУМ".

☎ Телефон/факс: (8432) 92-92-64; 92-84-82. ✉ E-mail: history@ih.kazan.ru

Дизайн обложки — Миляуши Хасановой. Оригинал-макет — Лии Зигангареевой.

"Finn-Ugrica" издается в качестве приложения к журналу "ПАНОРАМА-ФОРУМ",
зарегистрированному Министерством информации и печати Республики Татарстан (№440).

Отпечатано в множительном центре Института истории АН РТ

Тираж 500 экз. Объем п.л. Цена свободная.

Мнения авторов статей могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Содержание

От редакции	3
Андрей Чижевский. Еще раз об ананьинских (постмаклашеевских) стелах. Вопросы планиграфии и хронологии	5
Владимир Иванов. О роли прикамских племен в формировании раннебулгарского и древнемадьярского этносов	17
Константин Руденко. Защитные пластины Предуралья и Зауралья	27
Игорь Пастушенко. К вопросу о чияликских «погребальных масках»	36
Александр Вискалин, Геннадий Уланов. Находка женских украшений угров IX века в Ульяновском Предволжье	43
Екатерина Юнина. Социальный и сакральный статус женщины в традиционной культуре обскоугорских и самодийских народов	48
Михаил Атаманов. Из истории формирования этнолингвистических групп удмуртов. Арская группа	58
Леонид Арсланов. Финно-угорские элементы в топонимии Альметьевского района Республики Татарстан	68
Раиса Иванова, Евгений Казаков, <u>Вера Шаландина</u> Характеристика стратиграфических слоев Приустьевского Закамья с использованием археологических и биологических методов	71

Критика и библиография

Таисия Останина. Рецензия на книгу «История Удмуртии (конец XV – начало XX века)». Ижевск, 2002 г.	74
Андрей Астайкин. Критический разбор карты «Войны Киевской Руси в 9 – нач. 12 вв.» // Атлас офицера. М., 1984. С. 260	77
Список сокращений	112
Сведения об авторах	112

От редакции

Данный сдвоенный номер журнала включает статьи по широкому спектру истории, идеологии, языка народов финно-угорского мира и их соседей. Он открывается работой А.А.Чижевского, посвященной рассмотрению ананьинских (постмак-лашеевских) каменных стел, которые ставились в некрополях древнего финно-угорского населения, проживающего в IX-VII вв. до н.э. на Нижней Каме и сопредельной территории. Основываясь на форме стел и изображенных на них предметов вооружения автор предлагает типологию изделий и их хронологию. Он отмечает также, что данные своеобразные проявления погребального обряда появились в Прикамье под влиянием степного мира и были связаны с культом предков.

В статье В.А.Иванова освещается роль прикамских племен в формировании раннебулгарского и древнемадьярского этносов. Она предназначена для юбилейного сборника одного из редакторов журнала «Finno-Ugrica», но в связи с некоторой задержкой выхода его в свет было решено статью поместить в данном журнале. Несомненно, что указанный труд, посвященный такой актуальной и сложной проблеме, как этногенез волжских болгар, вызовет интерес у читателей, привлечет их внимание к ряду дискуссионных моментов.

В статье К.А.Руденко представлен анализ достаточно широко известных пластин, характерных для материальной культуры средневековых угров. Функционально исследователи определяли их как изделия, защищавшие руку воина при стрельбе из лука. Рассмотрев орнаментальные мотивы таких предметов, изготовленных из кости или серебра, автор предположил, что они являются не столько воинским предметом, сколько символом охранительной магии.

Как в археологии, так и в этнографии уральских угров широко известны погребальные маски, связанные с глубокими и сложными идеологическими представлениями. И.Ю.Пастушенко в своей работе склонен отрицать, что металлические круглые или разрубленные пластины у черепов, на черепах или в глазницах погребенных в памятниках чияликского типа являются остатками масок, да и вообще последние, по его мнению, не являются этнокультурным признаком угров. Заслуживают высокой оценки то трудолюбие и скрупулезность, которые проявил автор для доказательства этого, но к сожалению, более широкие и массовые материалы, в том числе и приведенные в статье, позволяют утверждать обратное. Как известно, маски состояли из матерчатого покрытия лица, на которое на место глаз и рта нашивались пластины.

С уграми же связывают в небольшой заметке А.В.Вискалин и Г.В.Уланов находку комплекса украшений IX в. на правом берегу р. Волги в Ульяновской обл. В составе его имеются бронзовые круглая ажурная и коньковые культовые подвески, характерные для уральских угров. Данные, впервые встреченные в указанном регионе материалы могут свидетельствовать или о передвижении мадьяр к западу после поражения их от печенегов, или о

проживании угорских мигрантов на правом берегу р. Волги в составе населения Волжской Болгарии.

По этнографическим материалам подготовлена статья Е.А.Юниной, посвященная освещению положения женщины в традиционной культуре угров и самодийцев Западной Сибири. В ней предпринята попытка комплексной характеристики статуса женщины в хозяйственной, социальной, семейной, культурной и других сферах жизни в разные возрастные периоды. В работе использованы новые материалы, полученные в процессе этнографических экспедиций 2001, 2004 гг.

На материале письменных, топонимических, этнографических и других данных в статье М.Г.Атаманова освещается история формирования этнолингвистических групп удмуртов, проживающих в сопредельных районах Татарстана, Марий Эл и Кировской обл. Исследователь склонен связывать их происхождение с древними арами, привлекая при этом и археологические данные.

В короткой заметке Л.Ш.Арсланова отмечаются финно-угорские элементы в топонимике Альметьевского р-на Татарстана.

В небольшой статье Р.Г.Ивановой, Е.П.Казакова, В.Шаландиной освещена на основе археологических и биологических данных стратиграфия древних памятников приустьевого Закамья. На основе этого выявлены изменения климата на данной территории от эпохи мезолита до средневековья.

В разделе «Критика и библиография» помещены две статьи. Т.И.Останина подготовила рецензию на книгу «История Удмуртии (конец XV – начало XX вв.)», вышедшей в Ижевске в 2002 г.

В обширной работе А.А.Астайкина представлен критический разбор карты «Войны Киевской Руси в 9 – начале 12 вв.», вышедшей в качестве атласа офицера в 1984 г. Хотя статья не связана прямо с тематикой журнала, однако в ней на основе широкого и тщательного подбора источников подобраны материалы, связанные с историей многих, в том числе финно-угорских и тюркских, народов Восточной Европы (мари, удмуртов, коми, огузов, печенегов и др.); со взаимодействием Руси с Венгрией, Хазарией, Волжской Болгарией и др. Для читателя представляет интерес и применяемая методика автора – специалиста по исторической картографии. Указанная работа публикуется в сокращенном варианте.

Андрей Чижевский

Еще раз об ананьинских (постмаклашеевских) стелах. Вопросы планиграфии и хронологии

Эта статья рассматривает одно из самых интересных явлений эпохи раннего железного века Северной Евразии – каменные изваяния Нижнекамского региона. Традиционно нижнекамские каменные изваяния связывают с кругом памятников ананьинской культуры. В литературе они даже получили название ананьинских стел. Но при внимательном анализе оказывается, что это далеко не так. Дело в том, что т.н. ананьинские памятники располагаются на огромной территории, занимая пространства от Самарской Луки на юге, до Европейского Северо-Востока на севере. На западе ареал их распространения достигает северо-восточной части Волго-Окского междуречья, на востоке – Уфимского течения р. Белой. В настоящее время на территории, занимаемой ананьинской культурно-исторической областью, выделено четыре археологических культуры: аозинская, постмаклашеевская, ананьинская культура шнуровой керамики и ананьинская культура гребенчато-шнуровой керамики (1). По своему происхождению и культурным традициям эти культуры очень специфичны и объединены лишь влиянием наиболее мощной из них – постмаклашеевской, в среде которой были выработаны наиболее яркие элементы традиционной культуры, такие как линзовидные в сечении кельты, бронзовые прорезные наконечники копий, очень специфический и яркий набор украшений (налобные венчики, украшения конской сбруи и т.д.).

При анализе карты распространения т.н. «ананьинских» стел становятся очевидными их концентрация в низовьях Камы и на прилегающих участках Волги и совпадение с границами распространения постмаклашеевской культуры (рис.1). Таким образом, «ананьинские» стелы правильнее было бы называть постмаклашеевскими.

Общее количество известных на данный момент каменных изваяний достигает 86 экземпляров. Они были выявлены на девяти постмаклашеевских могильниках: Ананьинском (2), Измерском VII (3), Мурзихинском II и I (2), Новомордовском I и VIIIa (4), Семеновском VI (5), Тетюшском (6) и Морквашинском (1), а также в одном могильнике маклашеевской культуры – Ильичевском (1).

По оформлению верхней части постмаклашеевские стелы подразделяются на два типа: **тип один** 82 экз. (рис.2,3; 3,1-4; 4,1-6; 5,1-5; 6,1-5) – с полукруглым завершением верхней части (новомордовский тип) и **тип два** 4 экз. (рис.2,1,4-6) – с подпрямоугольным завершением верхней части (ильичевский тип) (2).

Стелы из Ананьинского могильника (рис.2, 2, 3) найдены случайно и не имеют точной привязки к территории некрополя. К тому же и подлинность их в настоящее время подвергается сомнению (7), поэтому в данной работе вопросы, связанные со стелами из Ананьинского некрополя, не рассматриваются.

Часть изваяний найдена на размытых памятниках (Новомордовский I и VIIIa, Семеновский VI и Мурзихинский I) и соотнесение их с определенным участком некрополя затруднено (рис.3,1-4; 4,1,2,4; 5,2). Однако большая часть изваяний (66 экз.) обнаружена *in situ*, что позволяет со значительной долей вероятности предпринять попытку анализа назначения стел в системе некрополя.

Ананьинские (постмаклашеевские) стелы располагаются в межмогильном пространстве в 1-6 м от могильных рядов. Наиболее полно планиграфия постмаклашеевских могильников прослежена на Мурзихинском II могильнике. На этом памятнике стелы располагались между могильными рядами; здесь выделяется три ряда стел, которые находятся между четырьмя рядами погребений. Таким образом, использование стел как надмогильных камней было невозможным, соответственно необходимо искать другое объяснение назначению этих изваяний. Вопрос о назначении стел и их роли в погребальном ритуале постмаклашеевцев очень сложен. Для его решения необходимо привлечь данные этнографических источников и особенно материалы по этнографии финно-угорских народов, предками которых были народности, оставившие памятники ананьинской культурно-исторической общности (АКИО).

Свидетельства наличия у хантов и манси каменных изваяний имеются у Палласа (8). Угорские народы считали эти изваяния вместилищем духов, причем, обожествлялись как грубо высеченные изображения, так и природные камни, имеющие сходство с человеческой фигурой (9). Однако наиболее распространенной формой изображения духов у этих народов были изображения из дерева, как в виде простых столбов, так и в виде достаточно сложных фигур из толстых обтесанных досок с приостренными, плоскими и полукруглыми завершениями верхней части (10). Изображения духов устанавливались на священных местах, которые чаще всего располагались на древних поселениях и кладбищах, «потерявших свое прежнее значение, но сохранивших в памяти народа славу в качестве местопребывания теней мертвых» (11).

Данные аналогии позволяют отождествить постмаклашеевские стелы с изображениями духов, которые устанавливали на священном родовом кладбище. А.Х. Халиков считал, что стелы ставили в честь военных вождей как напоминание об их выдающемся военном положении (12). Это мнение не противоречит данным этнографии, согласно которым умерший человек может стать духом, особенно если этот человек при жизни был героем (13). Тут необходимо процитировать В.Я. Проппа, который считал, что резные изображения из дерева, глины, в нашем случае из камня, связаны с культом предков и первых людей, а камни могли быть вместилищами «силы или души человека» (14). Сфера деятельности духов у финно-угров охватывала все области жизни, но основная их цель была оберегать человека, защищать его от вредоносных сил. Духи, обитающие на священных местах, оберегали их от человека, особенно опасным было присвоение собственности духа (11).

Расположение постмаклашеевских стел в междурядьях погребений, а не над могилами, подчеркивает указанную защитную функцию изваяний, а также свидетельствует о том, что отделяют ряды захоронений друг от друга. В этой связи необходимо провести аналогии с оленными камнями, которые, как считают некоторые исследователи, несли особые «магически-охранительные» функции (16).

Рядом со стелами фиксируются остатки ритуальных действий в виде зубов и фрагментов черепов животных (лошадь, крупный рогатый скот, медведь), зафиксированы здесь и фрагменты разбитой керамики.

Таким образом, постмаклашеевские стелы – явление значительно более сложное, чем это казалось исследователям 60-80 гг. XX в. Они совмещали в себе мемориальные и охранительные функции, а также обеспечивали механизм взаимодействия мира живых и мертвых посредством ритуальных действий.

Традиция установки постмаклашеевских каменных изваяний не имеет местных корней, она возникла под сильнейшим влиянием степного мира, под влиянием традиций, ведущих свое начало от «оленных» камней Евразии. В предлагаемой статье не будут рассматриваться эти вопросы, однако появление данной традиции в Волго-Камье, протяженность существования и затухание этого обычая необходимо рассмотреть несколько подробнее.

Наиболее ранней датой установки Волго-Камских изваяний является эпоха финальной бронзы. Об этом свидетельствует находка стелы на Ильичевском могильнике (рис.2,1), относящемся к маклашеевской культуре – XI-IX вв. до н.э. Стелы подобного типа обнаружены также на Мурзихинском II (стела №15, 16; рис.2,5,6) и Измерском VII (стела №2; рис.2,4) могильниках рядом с погребениями маклашеевского времени. Все они принадлежат к стелам II типа, которые являются, вероятно, самой ранней формой каменных изваяний в Волго-Камье и могут быть отнесены к эпохе перехода от бронзового века к железному, т.е. к IX в. до н.э.

Датировка стел эпохи раннего железа определялась по изображенным на них предметам и погребальным комплексам могильников, на которых они были зафиксированы. Одной из наиболее многочисленных категорий изображений были рисунки кинжалов. Еще А.Х. Халиков выделял 3 типа кинжалов, изображенных на Новомордовских стелах (17), в дальнейшем он отнес третий тип «короткие кинжалы с полукруглым навершием и коротким перекрестием, с опущенными приостренными краями» к кинжалам типа I, 1а т.е. изображениям кинжалов 2 типа (18).

1 тип изображений кинжалов (рис.3,3). С грибовидным навершием и прямым перекрестием. К данному типу относится всего одно изображение кинжала (стела №1 Новомордовского I могильника). Данное изображение наиболее близко к биметаллическим кинжалам т.н. кабардино-пятигорского типа, известного по многочисленным находкам на Северном Кавказе (19; 20), в Поднепровье и Венгрии (21; 22), где они датируются ранним (черногоровским) временем

– первой половиной IX – сер. VIII вв. до н.э. или даже второй половиной VIII – первой половиной VII вв. до н.э. (23; 24; 25.). Подобный меч изображен на оленем камне из Большого Гумаровского кургана, датированном автором раскопок началом VII в. до н.э. (26), однако А.А. Ковалев относит это изваяние ко второй половине VIII в. до н.э. (27). На памятниках ананьинской КИО также появляются кинжалы этого типа в самом начале раннего железного века, как привозные, так и подражания им (28). Исходя из вышесказанного, вслед за А.Д. Таировым (29), изображенный на стеле №1 Новомордовского могильника кинжал первого типа датируется мною в пределах IX-VIII вв. до н.э.

2 тип изображений кинжалов (рис.3,1,2,4; 4,1; 5,2,4; 6,5,4) с грибовидным навершием и изогнутым «луновидным» перекрестием (стелы №2, 3, 4, 6 Новомордовского могильника; стела №1 1980 г. Тетюшского могильника; стела №1 Мурзихинского I могильника; стелы №20, 22, 23 Мурзихинского II могильника). Кинжалы этого типа также относятся к кабардино-пятигорским и датируются в пределах VIII-VII вв. до н.э. (30; 31) или же 750-650 гг. до н.э., т.е. новочеркасским временем (32). Биметаллические кинжалы данного типа известны и на могильниках АКЮ, где они датируются второй половиной VIII в. до н.э.- VII вв. до н.э. (33; 34). Таким образом, изображения кинжалов 2 типа датируются, вероятно, в пределах второй половины VIII в. до н.э.- VII вв. до н.э.

Во многом эту дату установки каменных стел подтверждают изображения топоров с четырехлепестковыми розетками, изображающими ромбовидный значок новочеркасского времени сер. VIII- сер. VII вв. до н.э. (рис.3,2,4) стелы №1 и 2 Новомордовского I могильника (35). Этим же периодом датированы изображения цилиндрических проушных молотков на стеле №22 Мурзихинского II могильника (рис.5,4) и стеле №4 Новомордовского I могильника (рис.3,2) (36).

Пять стел сочетают изображения меча и кинжала, что позволяет скорректировать дату установки этих изваяний. Изображенные на стеле №1 Новомордовского I могильника кинжал 1 типа и топор с ромбовидным значком (рис.3,3) позволяют определить дату установки этого изваяния в пределах середины – второй половины VIII столетия до н.э. Датировка остальных четырех изваяний не столь узка, изображенные на них предметы датируются в пределах сер. VIII – сер. VII вв. до н.э. Это стелы №22, №32 Мурзихинского II могильника (рис.5,4; 6,3), а также №2 и №4 Новомордовского могильника (рис.3,2,4).

Наиболее поздними изваяниями являются стелы №12 и 18 Мурзихинского II могильника (рис.4,3,6). Изображенный на стеле №18 Мурзихинского II могильника (рис.4,6) топор наиболее близок к железным топорам-чеканам с выпуклой спинкой тип IA, датированным концом VII-VI вв. до н.э. (37). Рисунок на стеле №12 Мурзихинского II могильника (рис.4,3) близок к двулезвийным топорам-секирам – тип III, по Халикову, и датируется VI в. до н.э. (38).

Таким образом, наиболее значительное количество изображений на стелах приходится на период сер. VIII – сер. VII вв. до н.э. – это время расцвета тради-

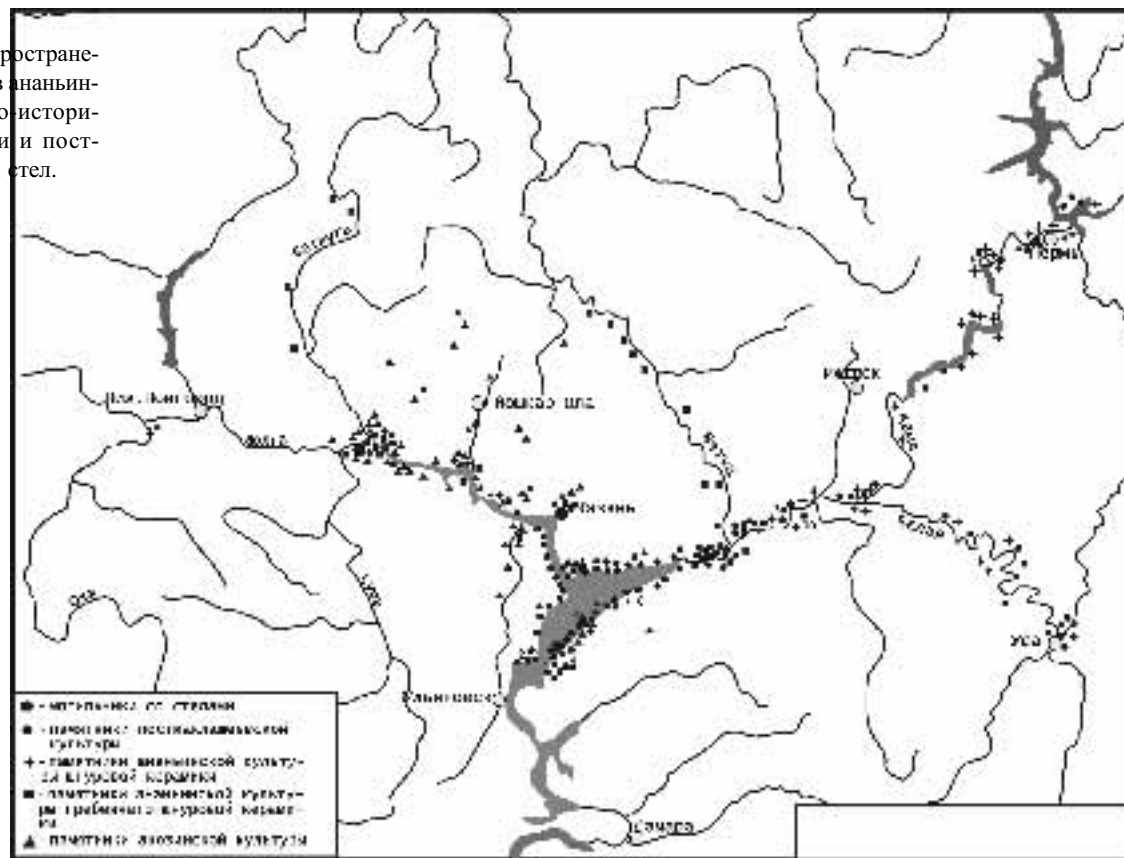
ции установки постмаклашеевских стел. Предшествующие стелы ильичевского типа не имели изображений и представлены единичными экземплярами. Изображения конца VII-VI вв. до н.э. также малочисленны, известно лишь два изваяния этого времени, что, вероятно, свидетельствует о постепенном затухании к VI в. до н.э. традиции установки каменных изваяний в Нижнем Прикамье.

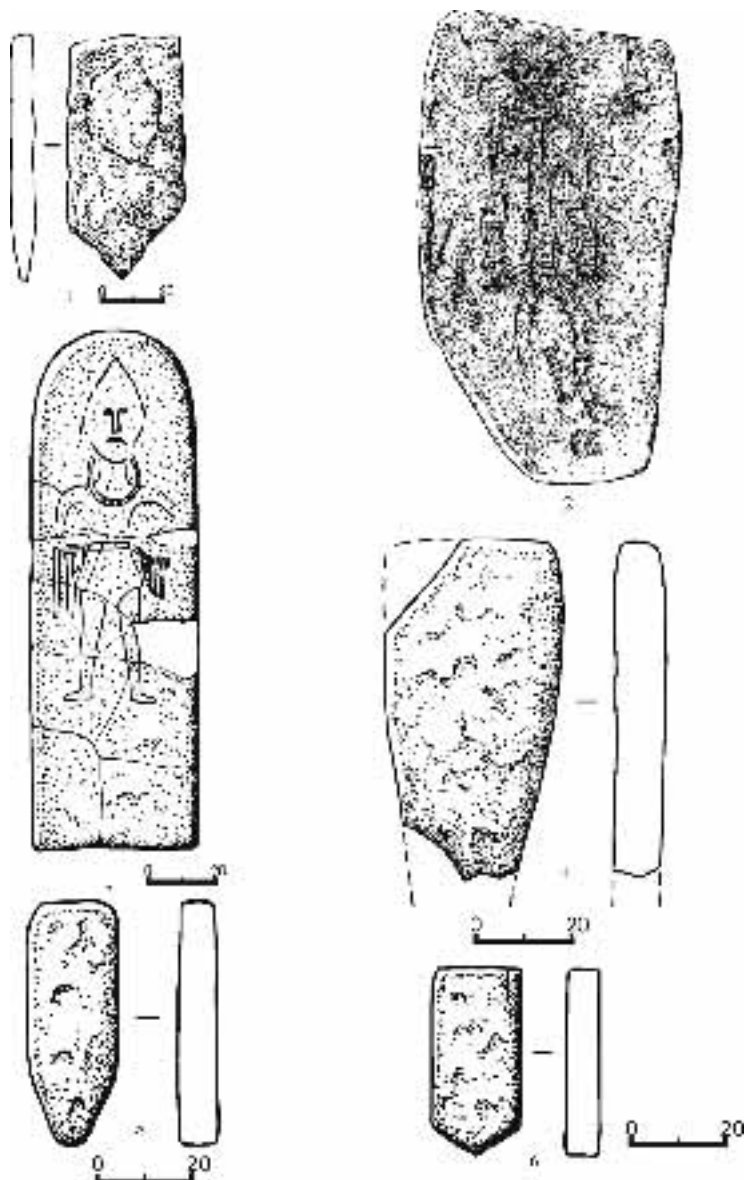
Литература:

1. Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области). Автореферат дис... канд. ист. наук. М., 2002.
2. Чижевский А.А., Марков В.Н. Стелы ананьинского типа (классификация и назначение) // Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья. Болгар, 1999. – С. 15-16.
3. Казаков Е.П. Измерский VII могильник // Памятники древней истории Волго-Камья. Казань, 1994. – С. 104-123.
4. Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII-VI вв. до н.э.). М., 1977. – С. 77-82.
5. Казаков Е.П. Новый ананьинский могильник в низовьях р. Камы // СА, 1977, № 3. – С. 197-203.
6. Халиков А.Х. Волго-Камье... – С. 50-75.
7. Марков В.Н. Ананьинская проблема // Памятники древней истории Волго-Камья. Казань, 1994. – С. 88-93.
8. Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства. – Спб., 1776. Ч.2. К.1. – С. 332.
9. Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов. Томск, 1995. т.2. – С. 34.
10. Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов. – Рис. 16, 28.
11. Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов. – С. 65, 66.
12. Халиков А.Х. Стелы с изображением оружия Раннего Железного Века // СА. 1963. №3. – С. 188.
13. Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов. – С. 159.
14. Пропп В.Я. Мотив чудесного рождения // Сказка, эпос, песня. М, 2001. – С. 99.
15. Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов. – С. 67.
16. Вайнштейн С.И. Искусство Тувы. М., 1974. – С. 32.
17. Халиков А.Х. Стелы с изображением оружия раннего железного века // СА. 1963. №3. – С. 184-185.
18. Халиков А.Х. Волго-Камье ... – С. 159.
19. Иессен А.А. К вопросу о памятниках VIII-VII вв. до н.э. на юге Европейской части СССР // СА. 1953. №XVIII. – С. 75-76.
20. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. – С. 201-203.
21. Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976. – С. 137.
22. Tögök Guyla. Pecs-Jakabhegyi földvar es tumudo-sok // Arhaeologiai Értesito. 1950. №77. I. Табл. III-IV.
23. Дударев С.Л. К характеристике кинжалов предскифского времени из Закубанья // Вторая кубанская археологическая конференция: Тезисы докладов. Краснодар, 1993. – С. 33.

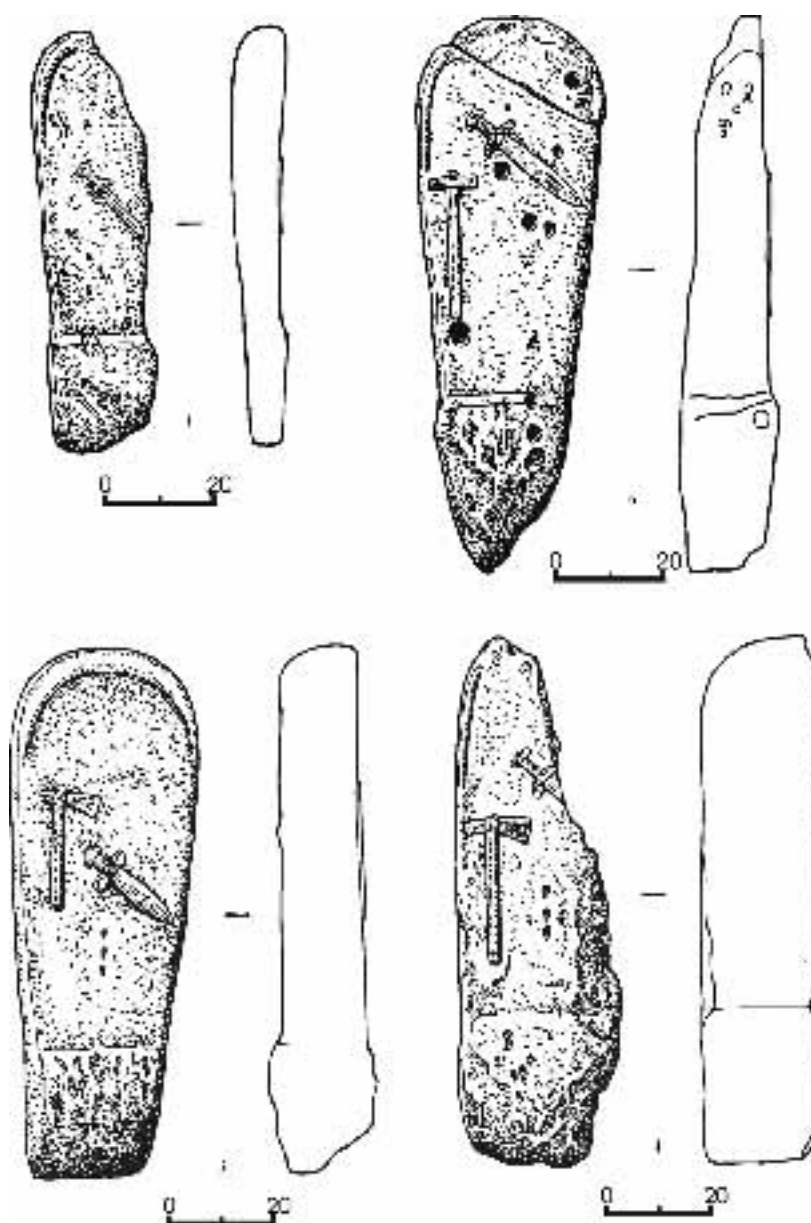
24. Козенкова В.И. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант // САИ. В 2-5. 1995. – Вып. 4. – С. 52-55.
25. Таиров А.Д. «Киммерийские» кинжалы из Южного Зауралья // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2002. – Вып. 5. – С. 194-196.
26. Исмагилов Р.Б. Погребение Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье и проблема происхождения скифской культуры // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1988. – Вып. 29. – С. 45.
27. Ковалев А.А. О происхождении оленных камней западного региона // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М., 2000. – С. 162.
28. Розанова Л.С., Терехова Н.Н. Этнокультурный фактор в становлении железообработки у населения Среднего Поволжья в ананьинскую эпоху // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее. Тезисы конференции. М., 2003. – Ч. 2. – С. 43-45.
29. Таиров А.Д. «Киммерийские» кинжалы... С. 199.
30. Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Рунич А.П. Киммерийско-кавказские связи // Скифия и Кавказ. Киев, 1980. – С. 196.
31. Савинов Д.Г., Членова Н.Л. Северокавказские оленные камни в ряду оленных камней Евразии // КСИА. Вып. 162, М., 1980. – С. 10.
32. Тереножкин А.И. Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев, 1961. – С. 112, 114, 123, 208.
33. Халиков А.Х. Волго-Камье ... – С. 165-166.
34. Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке: (Медь и бронза). М., 1983. – С. 128.
35. Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976. – С. 174.
36. Тереножкин А.И. Киммерийцы... – С. 140-141.
37. Халиков А.Х. Волго-Камье ... – С. 177.
38. Халиков А.Х. Волго-Камье ... – С. 179.

Рис.1. Распространение памятников ананьинской культурно-исторической области и постмаклашевских стел.

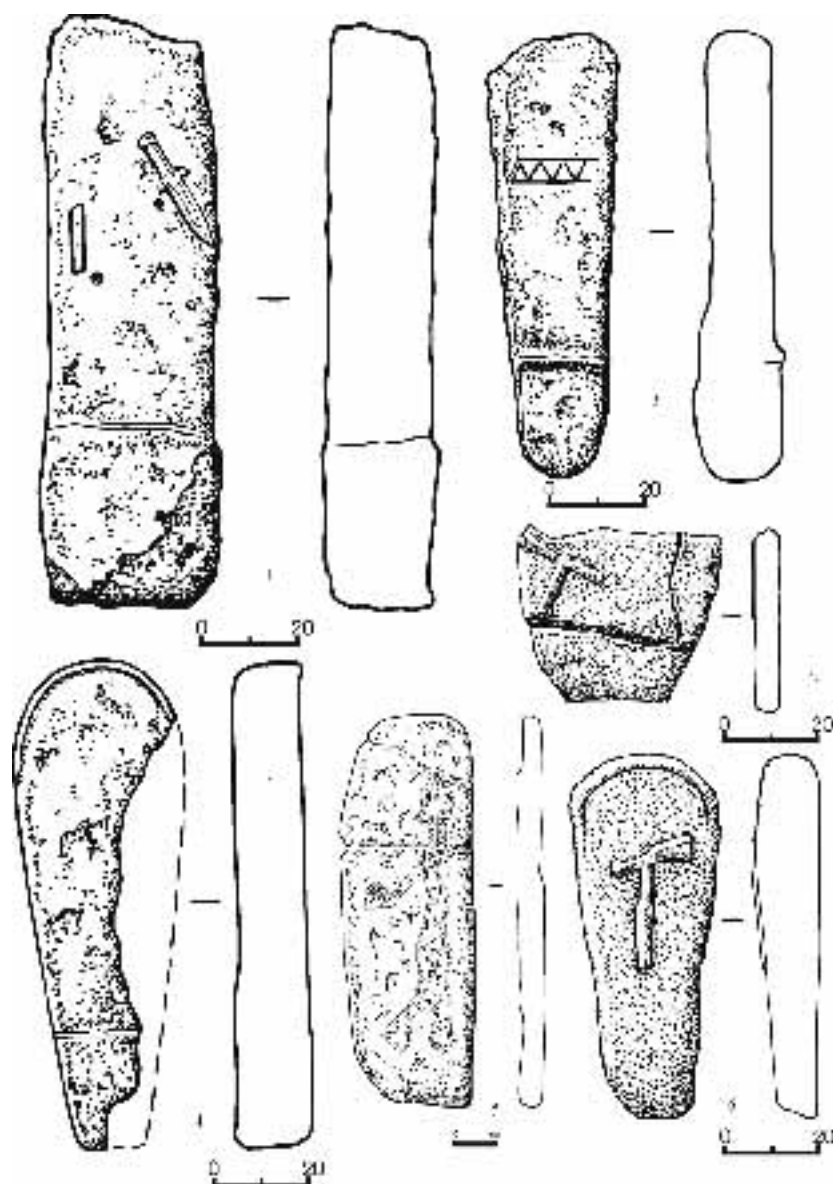

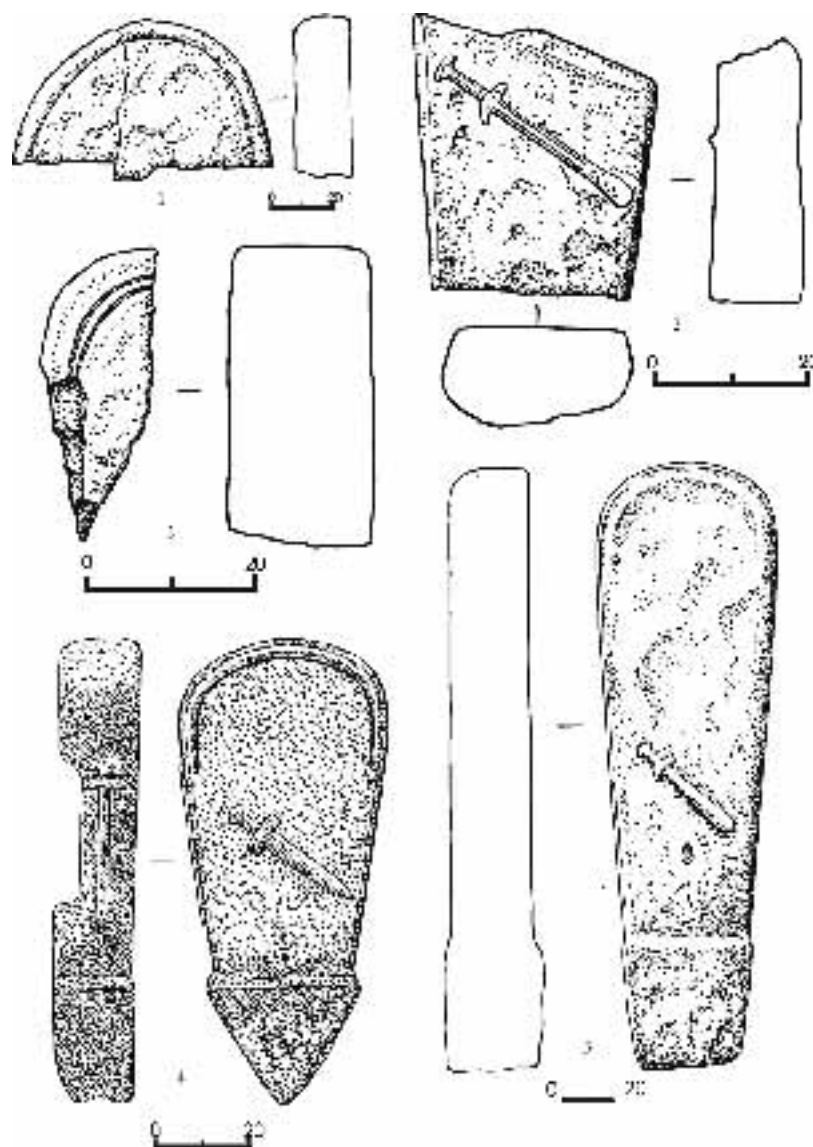
Рис.2. 1 – Ильичевский могильник стела № 1; 2 – Ананьинский могильник стела № 2 по А.В. Збруевой без масштаба; 3 – Ананьинский могильник стела № 1; 4 – Измерский VII могильник стела № 2; 5 – Мурзихинский II могильник стела № 16; 6 – Мурзихинский II могильник стела № 15.

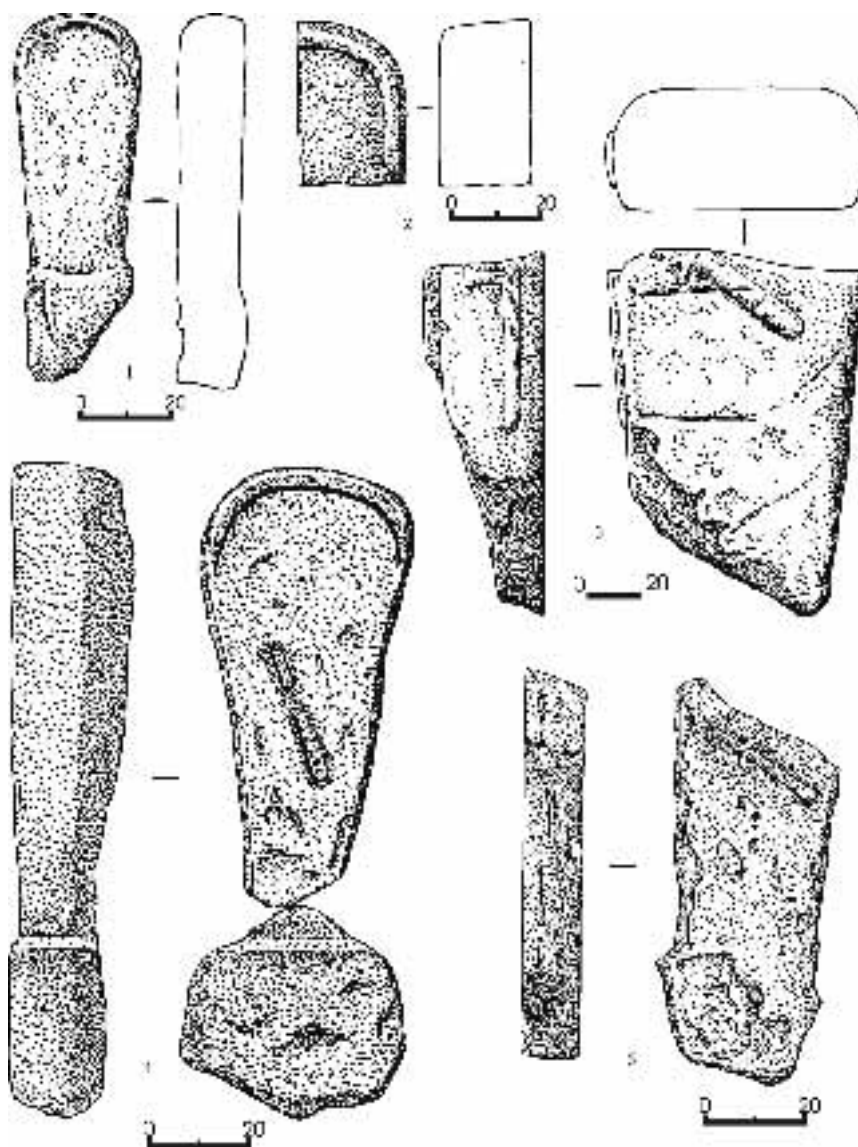
Рис.3. Стелы Новомордовского I могильника. 1 – стела № 6; 2 – стела № 4; 3 – стела № 1; 4 – стела № 2.

Рис. 4. 1 – Новомордовский I могильник стела № 3; 2 – Новомордовский I могильник стела № 5; 3 – Мурзихинский II могильник стела № 12; 4 – Новомордовский I могильник стела № 7; 5 – Измерский VII могильник стела № 1; 6 – Мурзихинский II могильник стела № 18.

Рис.5. 1 – Измерский VII могильник стела № 4; 2 – Мурзинский могильник стела № 1; 3 – Пустоморквашинский могильник стела № 1; 4 – Мурзинский II могильник стела № 22; 5 – Мурзинский II могильник стела № 30.

Рис.6. Мурзихинский II могильник. 1 – стела № 31; 2 стела № 27; 3 – стела № 32; 4 – стела № 23; 5 – стела 20.

Владимир Иванов

О роли прикамских племен в формировании раннебулгарского и древнемадьярского этносов

Данная статья выступает как бы в двух ипостасях: с одной стороны, будучи представленной автором в сборник, посвященный славному юбилею крупного ученого-археолога и прекрасного, интересного человека – Евгения Петровича Казакова, она носит характер поздравления коллеги коллегой по многолетним научным интересам. С другой, она является ответом юбиляру на его реплику по поводу ошибочной оценки автором этих строк роли и степени участия прикамских племен эпохи средневековья в формировании этноса и культуры ранней Волжской Болгарии и древних угров-мадьяр периода обретения ими новой родины на Дунае [1, с.119]. Возможно, у кого-то подобный подход к юбилейной тематике вызовет недоумение. Но в том-то и заключается ценность наших с Е.П.Казаковым научных взаимоотношений, что в их основе всегда лежала и лежит доброжелательная критика (с его стороны в мой адрес – чаще), без которой я свою работу уже и не мыслю.

Для того, чтобы глубже вникнуть в суть проблемы, следует обратиться к истории трактовки этнического состава ранней Волжской Болгарии. Собственно, историография трактовки этнического состава ранней Волжской Болгарии подробно изложена в книге Е.П.Казакова [2, с.17-27], поэтому здесь я остановлюсь только на интересующем, в данном случае, меня аспекте.

Уже в самой первой публикации материалов I Большетарханского могильника его исследователями – В.Ф.Генингом и А.Х.Халиковым – ставился вопрос о полиэтничности населения, оставившего раннеболгарские памятники в Волго-Камье. В частности, В.Ф.Генинг связывал с западносибирскими уграми лепную круглодонную посуду, украшенную резным и гребенчатым орнаментом, а А.Х.Халиков предполагал наличие, кроме тюрок, среди населения, оставившего Танкеевский могильник, и носителей финно-угорского этноса [3, с.83, 139].

Следующее слово в выяснении этнокультурной принадлежности населения ранней Волжской Болгарии принадлежит Е.А.Халиковой и Е.П.Казакову. В своем докладе на научной сессии по этногенезу башкир, проходившей в г.Уфе в мае 1969 года, Е.А.Халикова, анализируя погребальный обряд и инвентарь Танкеевского могильника, исследованного ею вместе с Е.П.Казаковым, пришла к выводу «о преобладающей роли племен Прикамья и башкирского Приуралья в формировании танкеевского населения». Причем, выделив параллели в погребальном обряде Танкеевского могильника, могильников кушнаренковско-каракуповского типа с территории Башкирии и древневенгерских могильников Паннонии (западная ориентировка погребенных, размеры и глубина могильных ям, ассортимент и расположение сопровождающего инвентаря, наличие лицевых масок, захоронения головы и ног коня), исследовательница делает зак-

лючение о том, что общим этническим компонентом в составе населения башкирского Приуралья, Волжской Болгарии и складывающегося одновременно с ней Венгерского государства был угро-мадьярский компонент [4].

Аналогичным образом Е.П.Казаков, анализируя керамику Танкеевского могильника, выделяет «ряд погребений с глиняной посудой, имеющей полные аналогии в памятниках Башкирии второй половины I тыс. н.э.». На этнической принадлежности этого населения исследователь тогда своего внимания не заострял, но параллели между керамикой Танкеевского могильника, кушнаренковско-караякуповских памятников бассейна р.Белой и памятников верхнекамско-чепецкого типа провел самые прямые [5].

В развернутом виде идею о многокомпонентности этнического состава ранней Волжской Болгарии Е.П.Казаков обосновывает в кандидатской диссертации, защищенной им в 1972 г. На материале Танкеевского могильника автор выделяет два культурных комплекса, ставших основой для формирования культуры населения, оставившего указанный памятник – болгаро-салтовский и прикамско-приуральский. Во втором исследователе, в свою очередь, выделяет собственно прикамские (ломоватовско-раннеродановские и полемско-раннечепецкие) и приуральские (кушнаренковско-караякуповские) компоненты [6, с.15-17].

Концепция об активном, если не решающем, участии прикамского населения в формировании этнокультурного облика волго-камских болгар свое дальнейшее развитие и подкрепление получила в результатах анализа погребального обряда Большетарханского могильника, проведенного Е.А.Халиковой. Рассматривая его как самый ранний и «чистый» болгарский памятник в регионе, исследовательница на его материале выделила типологические признаки собственно болгарских захоронений – неглубокие могилы, положение погребенного на спине с вытянутыми руками, кости животных и гончарный сосуд в изголовье, подвески-«костыльки» и перстни в составе погребального инвентаря. Погребения, характеризующиеся перечисленными признаками, составляют одну, болгарскую этнокультурную группу захоронений на Большетарханском могильнике. Вторую, по мнению Е.А.Халиковой, составляли погребения с угорскими признаками – длинные и глубокие могилы, частичные захоронения коней, наличие в составе погребального инвентаря принадлежностей конской сбруи, оружия, деталей поясных наборов, ножей, кресал, серег-колечек и серег салтовского типа, одинарных и шумящих подвесок, лепных круглодонных сосудов [7, с.77-78]. То есть, уже самый ранний из известных в Волго-Камье болгарских могильников свидетельствует о сложном этническом облике волго-камских болгар. И хотя А.Х.Халиков трактовал это обстоятельство как результат ассимиляции местного финно-язычного населения пришлыми тюркоязычными, тюрко-угорскими и угорскими племенами [8, с.99; 9, с.40], однако материалы Танкеевского и Тетюшского могильников, хронологически следующих за Большетарханским, свидетельствуют об обратном. Соотнесение типологической характеристики раннеболгарского погребаль-

ного обряда с типологической статистикой погребений Танкеевского могильника, привели исследователей к выводу о том, что этот памятник «оставлен одной из этнических групп населения ранней Волжской Булгарии в период ее формирования. На нем имеются болгаро-салтовские захоронения, однако **большинство оставлено приуральскими племенами, культура которых ярко представлена кушнареновскими, ломоватовскими и полемскими материалами** (выделено мной – В.И.)» [10, с.154].

Последующие разработки исследователей в области реконструкции этнического состава ранней Волжской Булгарии однозначно заканчиваются выводом о выраженном (если не преобладающем) присутствии финно-угорского компонента в раннеболгарском этносе. По А.Х.Халикову – это эсегелы – племена, связанные своим происхождением с прикамско-приуральским (ломоватовско-поломским) этническим массивом [11, с.78].

Е.П.Казаков же вообще считает, что в этногенезе ранних волго-камских болгар «период с середины – второй половины IX – середины X в. был временем наиболее сильного, если не преобладающего, влияния прикамско-приуральского населения» [2, с.272].

Итак, тот факт, что прикамско-приуральское (читай – ломоватовско-поломское) финно-угорское население играло решающую роль в формировании этнического облика волго-камских болгар, сейчас, как будто, сомнений у исследователей не вызывает. А поскольку автор этих строк в данном вопросе полностью придерживается точки зрения своих названных выше коллег, то ниже приводятся данные, полученные мною в ходе анализа погребального обряда Танкеевского могильника, которые, на мой взгляд, не только дополняют выводы предшественников, но и придают им дополнительный усиливающий аспект.

Первое, что бросается в глаза при анализе погребального обряда этого памятника – отсутствие устойчивого сочетания этнодиагностирующих признаков, зафиксированное в погребениях различных (болгаро-тюркских и угорских) этнических групп, оставивших указанный могильник. Так, из 126 погребений с гончарными (болгаро-салтовскими) кувшинами в 19 (15,0 + 6,2%) найдены также остатки конской шкуры (череп и кости ног), а в 11 (8,7 + 4,9%) – серебряные маски-наглазники, т.е. – признаки, с болгарами никак не связанные. Сочетание таких признаков, как «кувшин и кость животного» обнаружено в 42 погребениях, что составляет 33,3 + 8,2% от погребений с круговой посудой или 26,9 + 6,69% от погребений, содержащих кости животных (всего – 156 погребений), но среди них столь же часто встречаются погребения с круглодонной лепной посудой ломоватовско-поломских типов (25,6 + 6,8%).

В данном случае не является этнодиагностирующим признаком и глубина могильных ям (как это установлено Е.А.Халиковой на материале Большетарханского могильника): прежде всего, основная масса могил Танкеевского могильника (83%) имеет глубину от 81 до 160 см и более, а главное – сочетание признаков

«тип керамики – глубина могилы» таковы, что не дают возможности выделить внутри рассматриваемого памятника какие-либо этнокультурные группы (табл.1).

Из таблицы следует, что разница между показателями распределения типов керамики и глубины могильных ям на Танкеевском могильнике такова, что позволяет считать общими для погребений с круговыми кувшинами и лепными поломско-ломоватовскими сосудами могильные ямы глубиной от 101 до 120 см и от 141 до 160 см.

Таблица 1.

**Корреляция глубины могил и типов керамики
в погребениях Танкеевского могильника (в %)**

Глубина могил в см	Тип керамики	
	Круговые кувшины	Лепная круглодонная
до 60	–	5,8 + 3,3
60-80	1,6 + 2,2	15,3 + 5,1
81-100	12,9 + 5,8	30,7 + 6,5
101-120	33,0 + 8,2	24,3 + 6,1
121-140	27,4 + 7,8	13,7 + 4,9
141-160	14,5 + 6,2	8,4 + 3,9
более 160	10,5 + 5,4	1,6 + 1,8
Всего погребений	124	189

И наоборот, для погребений, содержащих круговые кувшины, более характерны глубокие ямы от 121 до 140 см и глубже 160 см (т.е. –«угорские» по Е.А.Халиковой), а для погребений с лепной круглодонной керамикой – сравнительно неглубокие ямы от 60 до 100 см («болгарские»). Впрочем, было бы неверно утверждать, что модуль болгарского погребального обряда в Танкеевском могильнике совсем не представлен: 25 погребений (3,6 + 1,4%) из 683 языческих погребений могильника действительно характеризуется сочетаниями таких признаков как круговые кувшины, невыразительный и малочисленный инвентарь и кости животных (остатки мясной пищи), правда, относить появление последнего признака в Волго-Камье только на счет пришлых болгар было бы чересчур односторонне, поскольку наличие остатков мясной пищи в могиле – признак, характерный и для угорских, и для финно-угорских (поломских) племен.

Таким образом, приведенные данные позволяют рассматривать Танкеевский могильник не просто как памятник местного, ломоватовско-поломского (финно-угорского) населения, вошедшего в состав ранней Волжской Болгарии, но и как памятник, иллюстрирующий процесс ассимиляции прикамскими племенами пришлых болгаро-тюркских этнических групп. Так что Е.П.Казаков безусловно прав в своем мнении о сильном, если не преобладающем, влиянии прикамско-приуральского (финно-угорского) населения на формирование раннеболгарского эт-

носа [2, с.272]. Правда, на мой взгляд, влияние это охватывало более широкий хронологический диапазон, нежели это представляется исследователю (по Е.П.-Казакову – сер.IX – сер.X вв.). Точно так же мне, как и Е.П.Казакову, представляется, что именно преобладанием финно-угорского компонента в составе раннеболгарского этноса обусловлено неоднократное использование Ибн-Фадланом этнонима «саклаб» или «сакалаб», применительно к волго-камским болгарам (в отличие от других известных ему, безусловно, тюркских народов, встретившихся на пути движения арабского посольства на Волгу).

Итак, из сказанного можно заключить, что в формировании культуры и этнического состава ранней Волжской Болгарии доминирующая роль принадлежала не пришлым болгарам, чьи памятники в «чистом» виде сейчас также известны в Поволжье [12;13], и не угорским (кушнарниковским и караякуповским) племенам Приуралья [14], а финно-угорскому (или финно-пермскому – по Р.Д.Голдиной [15, с.366]) населению Прикамья – носителям ломоватовской и полумской культур. Этот тезис, в частности, подтверждается результатами сравнительно-типологического анализа погребального обряда раннеболгарских могильников и могильников ломоватовской, полумской и неволинской культур, обнаруживших между собой высокий коэффициент типологической близости: от 0,70 (ломоватово – ранние болгары) до 0,87 (полумская – ранние болгары) [16, с.64-69].

Из вышесказанного не трудно заметить, что в основе выявления компонентов раннеболгарского этноса лежит анализ погребального обряда. И это логично, поскольку, с точки зрения классической этнологии, обряд – это действие, **имеющее регламентацию, связанное с важнейшими событиями социальной, семейной и духовной жизни этноса** [17]. То есть, действие, отнюдь неординарное. Более того, в жизни этноса обряды (ритуалы) выступают «эффективным средством социального регулирования. Они представляют собой исторически сложившиеся или специально учрежденные **стереотипные формы массового поведения, выражающиеся в повторении стандартизированных действий** (выделено мной – В.И.). Смысл ритуала, однако, заключен не в самих составляющих его движениях, а в том, что они обозначают (символизируют). В силу своего символического характера обрядовые действия лишены непосредственной целесообразности. Но в конечном счете **они выполняют функцию неосознанного приобщения индивидов к господствующей в данном обществе системе нормативных требований** (выделено мной – В.И.)» [18, с. 70 и сл.]. То есть, в контексте этнической культуры обряд (в данном случае – погребальный) является одним из важных этнодиагностирующих и этнодифференцирующих признаков.

В своих исследованиях мы, естественно, имеем дело только с теми материальными компонентами (признаками) обряда, которые доступны нам в ходе археологического изучения погребального памятника.

Применительно к интересующим нас археологическим культурам таких признаков в общей сложности удастся выделить 20 (см. табл.2). На их основании высчитываем коэффициент парного формально-типологического сходства между ними – C_2 .

Из данных, приведенных в табл.3, следует, что наибольшую типологическую близость обнаруживают между собой могильники ломоватовской и поломской культур Прикамья ($C_2 = 0,70$), а наименьшую – ломоватовские и неволинские могильники ($C_2 = 0,38$). Это вполне логично, если исходить из того обстоятельства, что носители неволинской культуры – суть пришедшие из-за Урала угры, а носители ломоватовской и поломской культур – прикамские финно-пермяки образующие в регионе свою особую этнокультурную общность [15, с.364].

Таблица 2

Представительные признаки погребального обряда финно-угров Прикамья и Приуралья, ранних болгар и древних венгров (в %%)

№ признака	Ломоватово	Полом	Неволино	Болгары	Венгры
1	100	100	100	100	100
2	98,5	99,4	100	86,8	91,2
3	–	–	–	2,6	–
4	–	–	–	10,6	–
5	3,8	44,0	–	23,5	–
6	–	–	33,0	–	–
7	8,5	8,2	–	10,6	20,7
8	11,7	8,4	30,0	7,1	34,1
9	50,6	98,8	100	100	100
10	49,4	–	–	–	–
11	–	8,0	8,0	72,7	60,6
12	8,2	23,3	15,0	4,8	–
13	64,0	64,0	3,0	–	–
14	–	–	14,0	–	–
15	–	–	3,0	17,3	–
16	–	–	4,0	3,2	–
17	7,5	–	–	–	31,6
18	11,8	–	–	–	–
19	13,5	29,4	6,0	9,9	27,7
20	20,0	66,6	30,0	50,4	4,4
Всего погреб.	445	159	412	839	270

Перечень признаков: 1 – могильники грунтовые; 2 – могила простая; 3-могила с одной ступенькой; 4 – могила с заплечиками; 5 – кости животных в могиле (жертвенная пища); 6 – кости коня в засыпи могилы; 7 – кости коня (череп, ноги) в могиле; 8 – наличие деталей конской сбруи без коня; 9 – ингумация; 10 – кремация; 11 – ориентировка погребенного на запад; 12 – ориентировка на восток; 13 – ориентировка на север; 14 – ориентировка на юг; 15 – на юго-запад; 16 – на юго-восток; 17 – на северо-запад; 18 – на северо-восток; 19 – руки погребенного согнуты в локтях; 20 – глиняные сосуды в могиле.

Таблица 3.

**Коэффициенты парного типологического сходства
погребального обряда прикамско-приуральского населения,
ранних болгар и древних венгров**

	1	2	3	4	5
Ломоватовская	–	0,70	0,38	0,44	0,53
Поломская	–	0,56	0,65	0,64	
Неволинская	–	0,55	0,41		
Ранние болгары	–	0,50			
Древние венгры	–				

Данные таблицы 3 показывают также, что погребальный обряд поломской культуры обнаруживает высокое типологическое сходство с погребальным обрядом волжских болгар и древних венгров (коэффициент C_2 , соответственно, равен 0,65 и 0,64). Это вполне определенно свидетельствует об этнокультурном родстве населения трех названных этнокультурных групп.

По данным табл.2 мы можем установить, какие из 20 признаков погребального обряда оказываются для сравниваемых групп памятников наиболее сближающими. Для этого устанавливается т.н. «норма распределения» признаков внутри рассматриваемых групп и их тенденция для каждой из сравниваемых выборок [19, с.84-87]. Последняя как раз и позволит выделить тот набор признаков обряда, который окажется общим для тех или иных сравниваемых выборок (табл.4). «Норма распределения» означает условный среднеарифметический процент каждого признака внутри всего рассматриваемого массива памятников, т.н. условную «норму», а «тенденция признака» – реальное отношение частоты встречаемости данного признака внутри каждой из сравниваемых выборок: повышенное, если показатель более 1; нормальное – если показатель равен 1 или близок к ней, и пониженное, если показатель менее 1.

По этим показателям (табл.4) мы видим, что все рассматриваемые группы погребальных памятников близки между собой по двум признакам: тип могильника (грунтовые) и тип могильной ямы (простые). Правда, у ранних болгар и древних венгров чаще встречаются могилы усложненной конструкции – со ступеньками-заплечиками – поэтому показатель тенденции признака №2 у них несколько понижен по сравнению с «ломоватовцами», «поломцами» и «неволинцами».

Таблица 4.

**Норма распределения и тенденция признаков
погребального обряда прикамско-приуральского населения,
ранних болгар и древних венгров**

№ призна.	Норма распределения	Тенденция признака				
		Ломоват.	Поломск	Неволин	Болгары	Венгры
1	100	1	1	1	1	1
2	95,18	1,03	1,04	1,05	0,91	0,95
3	0,52	–	–	–	5	–
4	2,12	–	–	–	5	–
5	14,26	0,26	3,09	–	1,65	–
6	6,5	–	–	5	–	–
7	9,6	0,88	0,85	–	1,1	2,1
8	18,26	0,64	0,46	1,64	0,38	1,86
9	89,88	0,56	1,09	1,12	1,12	1,12
10	9,88	5	–	–	–	–
11	29,86	–	0,26	0,26	2,4	2,02
12	10,26	0,8	2,27	1,46	0,46	–
13	26,2	2,44	2,44	0,11	–	–
14	2,8	–	–	5	–	–
15	4,06	–	–	0,73	4,2	–
16	1,44	–	–	2,77	2,22	–
17	7,82	0,96	–	–	–	4,04
18	2,36	5	–	–	–	–
19	17,3	0,78	1,7	0,35	0,57	1,6
20	34,28	0,58	1,94	0,87	1,47	0,13

Далее наблюдается разнობой: наличие остатков жертвенной пищи в могиле (признак №5) у «неволинцев» и древних венгров (и те и другие – угры) не фиксируется, зато обнаруживает выраженную повышенную тенденцию у носителей ломоватской культуры и ранних болгар; захоронения вместе с человеком черепа и костей ног коня (признак, традиционно связываемый с уграми) (признак №7) имеет пониженную тенденцию распространения у прикамских финно-пермяков – «ломоватовцев» и «поломцев», но заметно повышенную у ранних болгар и древних венгров; наличие в могиле принадлежностей конской сбруи, но без конского захоронения (признак, характерный для кочевых и полукочевых народов) (признак № 8) у «неволинцев» и древних венгров встречается в несколько раз чаще, чем у других народов Волго-Камья; ориентировка погребенного головой на запад (признак №11) более характерна для ранних болгар и древних венгров; восточная ориентировка погребенных (признак, характерный

для угорских и угро-самодийских погребений Южного Урала и Западной Сибири (признак №12), имеет повышенную тенденцию встречаемости в поломских и неволинских могильниках, тогда как северная ориентировка (тоже, в общем-то более характерная для угров) (признак №13) чаще встречается в могильниках ломоватовской и неволинской культур.

Выразительно выглядит признак №19 – положение погребенного с руками, согнутыми в локтях и кистями, уложенными на таз – объединяющий поломские и древневенгерские погребения, и признак №20 – наличие в могиле глиняной посуды – объединяющий поломские погребения с раннеболгарскими.

Приведенные результаты сравнительно-статистического анализа погребального обряда ломоватовских, поломских, неволинских и раннеболгарских могильников Прикамья и Приуралья вполне определенно подтверждают мысль Е.П.Казакова о формировании в Среднем Поволжье «специфической общности с яркой и своеобразной языческой культурой» [20, с.36]. Применительно к погребальному обряду, стержнем этой общности являлись носители поломской культуры.

Данную общность исследователь определяет ее как «тюрко-угорскую», в которой тюркский компонент представлен болгаро-салтовскими материалами, угорский – ломоватовско-поломскими. Здесь его мнение перекликается с мнением А.М.Белавина и Н.Б.Крыласовой, которые также полагают, что в конце I тыс. н.э. территории, расположенные к западу и востоку от Уральского хребта, «представляли собой зону преимущественного расселения угров» [21, с.145].

Иной позиции в данном вопросе, как уже было отмечено выше, придерживается Р.Д.Голдина. По ее мнению, основанному на результатах сопоставления археологических, антропологических и лингвистических материалов, поломская культура есть производное от ломоватовской и представляет один из локальных вариантов последней [15, с.364-366]. То есть, в этническом контексте носители поломской культуры должны отождествляться с носителями финно-пермского (коми-пермяцко-удмуртского) этноса.

Итак, в контексте поднятой в данной статье темы вопрос об участии прикамско-приуральского (поломского) населения в формировании раннеболгарского и древнемадьярского этносов едва ли может быть оспорен. Думаю, здесь Е.П.Казаков с автором этих строк спорить не будет. Другое дело, насколько я был прав, говоря о преимуществе пермского населения в формировании этноса и культуры ранней Волжской Болгарии и о вхождении «пермяков» в состав древнемадьярского этнокультурного объединения? Здесь уместно вспомнить, что в свое время Е.П.Казаков, не отрицая этногенетической связи памятников кушнаренковско-караякуповского типа на Южном Урале с культурами штампо-ребенчатой керамики Западной Сибири, окончательное решение вопроса об их этнической принадлежности ставил в прямую зависимость от решения вопроса об этносе носителей западносибирских культур [См. например: 22, 23, 24]. Возвращаясь сейчас к этой мысли, я думаю, что точку в вопросе о том, чьей крови больше текло в жилах ранних волж-

ских болгар – угорской или пермской – можно будет поставить только после окончательного решения вопроса об этносе носителей поломской культуры.

Литература:

1. Казаков Е.П. Финно-угорская археология Урало-Поволжья 1995-2000 гг. (публикации по раннему железному веку и средневековью) // *Finno-Ugrica*, №1(5-6), 2001-2002.
2. Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. М., 1992.
3. Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964.
4. Халикова Е.А. Общий компонент в составе населения Башкирского Приуралья и Волжской Болгарии в VIII-X вв. // АЭБ. Т.IV Уфа, 1971.
5. Казаков Е.П. О башкиро-приуральском компоненте в материальной культуре ранней Волжской Болгарии. // АЭБ. Т.IV. Уфа, 1971.
6. Казаков Е.П. Танкеевский могильник (К вопросу об этнокультурных компонентах ранней Волжской Болгарии: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Казань, 1972.
7. Халикова Е.А. К вопросу о контактах древних венгров с болгаро-тюркскими племенами в Восточной Европе // Плиска-Преслав, 2. София, 1981.
8. Халиков А.Х. Великое переселение народов и его роль в образовании варварских государств // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987.
9. Халиков А.Х. Изучение археологической культуры ранних болгар на Волге // Плиска-Преслав, 2. София, 1981.
10. Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х. Археологические памятники Татарской АССР. Казань, 1987.
11. Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. Казань, 1989.
12. Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара, 1997.
13. Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара, 1998.
14. Иванов В.А. О характере этнокультурного взаимодействия ранних волжских болгар с уграми Южного Урала и Приуралья // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань, 1990.
15. Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999.
16. Иванов В.А. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. Уфа, 1999.
17. Свод этнографических понятий и терминов. Вып.1. М., 1986.
18. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973.
19. Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Рычков Н.А., Пустовалов С.Ж. Формализованно-статистические методы в археологии. Киев, 1990.
20. Казаков Е.П. Волжская Болгария и финно-угорский мир // *Finno-Ugrica*, №1, 1997.
21. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Этнокультурное взаимодействие средневекового населения Западного Урала с ближними и дальними соседями // Урал в прошлом и настоящем. Материалы научной конференции. Часть I. Екатеринбург, 1998.
22. Казаков Е.П. 1979. Об этнической принадлежности памятников кушнаренковского типа // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Тезисы докладов областной конференции. Омск.
23. Казаков Е.П. 1981. О кушнаренковских памятниках на территории Татарии // Вопросы археологии Урала. Свердловск.
24. Казаков Е.П. 1981. Кушнаренковские памятники Нижнего Прикамья // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань.

Константин Руденко Защитные пластины Предуралья и Зауралья

В болгарских древностях особую категорию находок представляют *костяные пластины*, атрибутированные как приспособления для защиты запястья при стрельбе из лука (Полубояринова М.Д., 1986). Они исследовались как специалистами по оружию (Медведев А.Ф., 1966, табл.10), так и искусствоведами, поскольку часть их украшена резными рисунками (Валеева Д.К., 1983, с.47, рис.13; Валеев Ф.Х., 1975, рис.47-3). С XIX в. аналогичные изделия, выполненные из серебра, известны в Прикамье и Зауралье. Исследователи по технике исполнения и стилистике считают их болгарскими (Федорова Н.В., 2003, с.138-139). Аналогичные костяные изделия в XX в. были выявлены в верховьях Камы – на городищах X- XV в. в Пермской области.

Дата производства и бытования этих изделий определяется в довольно широких рамках – X – XIV вв. (Полубояринова М.Д., 1986; Очерки, 2002, рис.72-5,8). В целом можно сказать, что такие предметы производились и в более поздний период. Известны они в археологических материалах XVI-XVII вв. (Мангазея), и в этнографических коллекциях конца XIX – первой половины XX в. обских угров.

Из региональных особенностей археологических предметов отметим, что в болгарских и пермских материалах известны только костяные изделия. Встречены они в находках с крупных болгарских городищ – Билярского и Болгарского, с Кыласова городища в Пермской области. Причем, датируются они по стратиграфии и комплексу сопутствующих находок – XI-XII вв. в Биляре и XIV в. в Болгаре. В Зауралье встречаются, как правило, серебряные пластины (рис.1;2), хотя известны и костяные изделия. Практически все они происходят из угорских культовых мест и кладов. Датировка их в таком контексте достаточно широкая – XI-XV вв.

По морфологическим признакам все они относятся к одному типу – овално-выпуклых¹. Различаются изделия рисунком и сюжетом изображений.

Вариант 1к² (3 экз.) характеризуется находками из Болгарского, Билярского и Рождественского (Пермская обл.) городищ. Изделия украшены резным бордюром из плетенки; изобразительное поле не имеет рисунка. Датируются они XI-XIV вв. Близкий орнамент встречен на двух щитках с городища – жертвенного места Усть-Полуй (сборы Б.И.Василенко), датированного I в. до н.э. (Археология, 2002; Усть-Полуй, 2003, №186,187).

¹ Пластина прямоугольной формы (Медведев А.Ф., 1966, табл.10-4) вряд ли относится к этому типу изделий.

² Литера «к» означает принадлежность данного варианта к костяным изделиям; пластины без литеры выполнены из серебра.

Вариант 2к (1 экз.) (рис.3) представлен пластиной из коллекции А.Ф.Лихачева с Билярского городища в собрании Национального музея РТ. Датируется она по материалам памятника XI- началом XIII в. В композицию включено несколько изображений животных и птиц. Это заяц, филин (сова), глухарь или тетерев / тетерка (?). Фигурируют здесь и три птичьих яйца.

Образ филина («Филин – старик») – особо почитаемый дух фратрии Пор, всесильный хозяин леса (Мифы, 1990, с.339-342, №№131, 132). По мифам он охотится на зайца – символа фратрии Мось. Не исключено, что в иконографии на этой пластине нашло отражение символическое противопоставление мифологических сюжетов, связанных с миром человека и миром дикой природы, олицетворенной в лесных, звериных образах (Петрухин В.Я., 2003, с.412).

Другой образ – глухарь. У обских утров глухарь входил в круг духов -хозяев отдельных видов животных (Зенько А.П., 1997, с.43). Отдельные группы хантов и манси вели свое происхождение от определенных животных, в том числе от тетерева, филина, совы (Зенько А.П., 1997, с.54,55). Не исключено, что глухарь/тетерев или тетерка олицетворял в данном контексте птицу сна – «урум уйрис» – манси, «урум уй» у хантов. Обычно она обитала в лесу в виде птицы и прилетала к человеку только во время сна. В случае утраты «птицы сна» из-за похищения злыми духами или смерти от руки охотника человек умирал от бессонницы. Однако эту птицу можно было восстановить – вырастить из любого тетеревиного яйца (Зенько А.П., 1997, с.75,76; Косарев М.Ф., 2003, с.108-109). Не трудно связать с этим поверьем изображения трех яиц на этой пластине.

Кроме этого, изображения трех яиц могут быть истолкованы в связи с мифом о происхождении человека из яйца, сохранившимся в обрядовой песне медвежьего праздника фратрии Пор. Суммируя сказанное, можно утверждать, что изображения на пластине в большей степени характерны для тотемов фратрии Пор (Петрухин В.Я., 2003, с.412-413) и отражают, с одной стороны, символы удачной охоты и благополучия самого охотника. С другой стороны, данная композиция является своего рода космограммой: филин относится к небесной сфере, тетерки и заяц символизируют земной мир с установленным порядком взаимоотношений между людьми (Пор и Мось), родством с окружающим миром природы в целом, как по рождению (три яйца), так и по тотемическому родству (филин, тетерев).

Отметим, что образ птицы и яйцо как символ «души-птицы» и воплощения представлений о связи птицы с началом жизни получили распространение и у тюркских народов (Традиционное, 1989, с.153-154).

Пластина из Кыласова городища (Медведев А.Ф., 1966, табл.10-3) украшена циркульным орнаментом. По периметру ее идет пояс одинарных кружочков, далее – поясок из парных кружочков и в центре – розетка из четырех кружочков. Орнамент в данном случае имеет декоративный характер.

Металлические пластины имеют разное оформление.

Вариант 3 (2 экз.) (рис.1-8) Пластина из района п.Шурышкары (городище Лор-Вож (Лаврож) (коллекция Тобольского музея) украшена только растительным орнаментом (Сыркина И.А., 1983, рис.10). Отсюда известна и вторая аналогичная ей пластина с таким же рельефным орнаментом, выполненным чеканкой (коллекция Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного комплекса им. И.С.Шимановского) (Сокровища, 2003, №34).

Вариант 4 (1 экз.) (рис.2-4) Пластина из Салехарда не имеет рисунка. Изобразительное поле пересечено крест накрест двумя орнаментальными полосками.

Вариант 5 (1 экз.) (рис.2-2) Вторая пластина из Лаврожа отличается композицией из парных рыб в зеркальной симметрии, окантованной орнаментальным поясом из плетенки (Сыркина И.А., 1983, рис.9).

Вариант 6 (2 экз.) (рис.2-3) Аналогична предыдущей другая пластина, но здесь рыбы заменены фантастическими существами (Сыркина И.А., 1983, рис.8). Из Шурышкар происходит такое же изделие, но с вариантом в изображении – в разделительном пояске имеется изображение двухголового орла (?). Пластина хранится в фондах Музейного комплекса «Государственный окружной музей Природы и Человека (МК «ГОМПиЧ») в г. Ханты-Мансийске (История, 2001, с.11, №65).

Вариант 7 (1 экз.) (рис.2-5,5а) В деталях иконографии, трактовке образов и по сложности композиции отличается от предыдущей пластина из Салехардского музея, найденная предположительно в районе п. Ямгорт (ЯНАО) (Сокровища, 2003, №33). Показательно, что здесь существа более всего напоминают медведя (!) с туловищем и хвостом, покрытым густой шерстью. Лапы у существа пяти- или четырехпалые.

Вариант 8 (1 экз.) (рис.2-1) С Лаврожа происходит оригинальная пластина с изображениями льва и львицы (?) в круглых картушах (Сыркина И.А., 1983, рис.7). Орнамент внешней орнаментальной полосы аналогичен орнаменту на костяных изделиях первого варианта. Датируются серебряные пластины XII в.

Отметим, что подобные предметы характерны для материальной культуры угров Зауралья. Изделия такого рода, выполненные в технике литья с изображением голов медведей (?), филинов и зайцев, встречаются на ряде памятниках. В частности, они найдены на Сайгатинском I могильнике (раскопки Л.Тереховой) и датированы X – XII вв. н.э. (Археология, 2002). Ю.П.Чемякин указывает на находки из могильника Паново I (Среднее Прииртышье) и Эбаргульских курганов (Финно-угры, 1987, с.330, табл.LXXXII-19; Чемякин Ю.П., 2003, с.161).

Изобразительные и орнаментальные сюжеты. Рассмотрим основные орнаментальные мотивы, встреченные на этих изделиях.

Геометрические мотивы: двойная плетенка (рис.2-2,3), плетенка из замкнутых звеньев (рис.2-5, 5а); растительный побег (рис.2-1,5). Стилизацией мотива плетенки является орнамент из треугольников (рис.2-3) или ромбов (рис.2-2). Растительные мотивы как композиционное целое, занимающее все изобразительное поле, отмечены только на одном изделии (рис.1-8).

Из зооморфных образов использован только мотив парных рыб (рис.2-2). Символы подводного мира – рыбы – символизировали, с одной стороны, существование двух сфер Вселенной, они были своего рода входом в Нижний мир, а с другой, – свидетельством неисчерпаемости рыбных богатств и соответственно пожеланием удачного промысла (Косарев М.Ф., 2003, с.72-73).

Мифологические образы, зафиксированные на изделиях, следующие:

1.существо с туловищем животного с четырьмя ногами и головой собаки или дракона, кусающее себя за хвост. На шее имеется ошейник (?) или складки кожи. Под этим зверем изображен трилистник – символ мирового дерева (?).

2.существо, аналогичное предыдущему, только с вариантом в иконографии: существо не просто кусает себя за хвост, а за хвост, имеющий вместо кисточки змеиную или драконью голову (рис.2-3). Под туловищем существа – миниатюрное изображение дракончика с высунутым языком.

3. существо, аналогичное предыдущему, но вместо головы дракона изображена голова человека без волос на макушке, с бородой и усами. Изображения 2 и 3 соединены в парную композицию на одной пластине (рис.2-3).

4 .фантастическое существо, напоминающее медведя, но с длинным хвостом и неестественно развернутой головой.

5. образ «Сенмурва» – крылатой собаки (рис.2-1) и в парной композиции с ним – тоже существо, но без крыльев (рис.2-3).

Наиболее часто встречающийся образ – это змея и ее вариации. Это животное является хтоническим существом Нижнего Мира, хранителем земных тайн и способностью к передвижению (Петрухин В.Я., 2003, с.351). Не исключено, что здесь отражен образ «подземного» лося или оленя с символами «нижнего» мира, который впоследствии превращается в мамонта – гигантского полузверя-полурыбу, живущего под землей и охраняющего «шаманскую реку» (Косарев М.Ф., 2003, с.57). Близок к этой теме и образ медведя, способного путешествовать по разным мирам Вселенной (Косарев М.Ф., 2003, с.55).

Образ собаки имел значение охранительного символа, поскольку считалось, что собака способна видеть злых духов и отгонять их своим лаем (Зенько А.П., 1997, с.58). Собаки были особым жертвенным животным, связанным как с миром живых, так и с потусторонним (Косарев М.Ф., 2003, с.68-69).

Смысл фантастических изображений на основе известных сегодня мифов реконструировать сложно. Вполне реально можно говорить о превращениях и видоизменениях этих существ – своего рода переходах – от очеловечивания до зоологической «гибридизации». Не исключено, что это символы «перехода» – путешествия души во Внешнем Мире. Сочетание зооморфных и антропоморфных черт присуще духам болезни, и их изображения должны были охранять владельца от их агрессии (Смоляк А.В., 1991, с.44, 69). В таком же фантастическом виде изображались и некоторые таежные духи (Смоляк А.В., 1991, с.71).

Отметим и то, что отмеченные элементы декорации не единственные в художественном металле Западной Сибири. Так, мотив плетенки, отмеченный выше, встречен на серебряных очельях (рис.1-1; 2-6), найденных в Зауралье. Причем, на одном из предметов представлена и сюжетная композиция (рис.1-1). В центре пластины изображена плывущая лодка с носом, оформленным в виде головы лося (?). В лодке находится пять человек, взявшихся за руки. Лодка идет вслед за другой лодкой, в которой сидит один человек, держащий весло. На корме лодки находится готовящаяся к прыжку собака, вторая собака уже спрыгнула и плывет по мелководью и хочет вылезти на берег. Между лодками изображена плывущая утка.

Очевидно, что мастер, изготовивший эти предметы, прекрасно знал, какой именно смысл заключен в изображении, и отражал все нюансы сюжета. Если попытаться выявить смысловую нагрузку различных частей композиции, то обращает на себя внимание место действия: река/вода. Второе, что шесть изображенных персонажей являются человекоподобными существами. Кроме того, здесь изображены утка и две собаки.

Числовые показатели вряд ли в данном случае имели существенное значение – по крайней мере они могли олицетворять некий урочный срок (срок путешествия, обряда и т.п.) (Косарев М.Ф., 2003, с.130-131). Место действия, несомненно, представляет интерес, поскольку река как бы открывала путь в потусторонний Мир – Мир Смерти. В этом контексте одиночный гребец на лодке трактуется как душа-призрак, путешествующая по «живому» миру (Косарев М.Ф., 2003, с.96-97). Не противоречит этому и изображение водоплавающей птицы. Лодка служила для более быстрого достижения душой умершего Нижнего мира (Косарев М.Ф., 2003, с.99).

По верованиям манси, если во сне привидится путешествие в лодке – это к болезни и смерти. В этом случае пять существ на лодке – это духи болезни (Петрухин В.Я., 2003, с.383). Изображенные животные, видимо, играли охранительную функцию. При такой трактовке очелье с этими изображениями служило защитой от болезней и пожеланием долгой и счастливой жизни.

Таким образом можно предполагать, что рассмотренные пластины являются не столько воинским аксессуаром, сколько магическим символом – частью обрядов охранительной магии, обеспечивавших волшебную защиту его владельцам при какой-либо опасности, угрожающей жизни. Они не обязательно были исключительно принадлежностью мужчин – охранительные функции были универсальны, вне зависимости от пола владельца.

Очевидна связь зауральских пластин с изделиями, изготовленными в Волжской Булгарии. Кроме их внешнего сходства, вполне однозначно прослеживается и общая содержательная сторона этих изделий. Сходство это вовсе не говорит о непременно изготовлении пластин в Булгарии, а лишь свидетельствует о функциональной близости их как в Булгарии, так и в Зауралье в XI-XIII вв.

Установившаяся композиционная схема, связанная с каким-то мифологическим сюжетом, перешла и на другие болгарские серебряные изделия с чернью. Это прослеживается, например, на **перстнях**. Причем, распространение композиции из двух симметричных частей со стилизованным растительным орнаментом появляется не ранее начала XII в. До того (в XI в.) здесь господствуют композиции, в основе которых лежит крин и его модификации, а также изображение птицы (!). Надо сказать, что изображения птицы всегда одиночные и выполнены в единой иконографии. Черненные перстни с «узлом счастья» – плетенкой бытуют в XII и XIII в.

Примечания:

- Археология, 2002. Археология Западной Сибири в свете новейших открытий. Буклет выставки. Ханты-Мансийск.
- Валеев Ф.Х., 1975. Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. Йошкар-Ола.
- Валеева Д.К., 1983. Искусство Волжских Булгар (X- начало XIII вв.). Казань.
- Зенько А.П., 1997. Представления о сверхъестественном в традиционном мировоззрении обских угров. Структура и вариативность. Новосибирск.
- История, 2001. История Северной цивилизации. Археология. Палеонтология. Графика. Каталог выставки. Спб.
- Косарев М.Ф., 2003. Основы языческого миропонимания. По сибирским археолого-этнографическим материалам. М.: Ладога-100.
- Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие. Лук, стелы и самострел VIII-XIV вв. М. / САИ, вып. Е1-36.
- Мифы, 1990. Мифы, предания, сказки хантов и манси. М.
- Очерки, 2002. Очерки археологии Пермского Предуралья. Пермь.
- Петрухин В.Я., 2003. Мифы финно-угров. М.
- Полубояринова М.Д., 1986. Костяные детали снаряжения средневекового лучника из Болгар // Советская археология, №2.
- Смоляк А.В., 1991. Шаман: личность, функции, мировоззрение: (Народы Нижнего Амура). М.
- Сокровища, 2003. Сокровища Приобья. Западная Сибирь на торговых путях средневековья. Каталог выставки. Салехард-Санкт-Петербург.
- Традиционное, 1989. Традиционное мировоззрение тюрков южной Сибири. Новосибирск.
- Усть-Полуй, 2003. Усть-Полуй: I век до н.э. Каталог выставки. Салехард-Санкт-Петербург.
- Федорова Н.В., 2003. Торевтика Волжской Болгарии. Серебряные изделия X – XIV вв. из зауральских коллекций // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Выпуск III. Пермь.
- Финно-угры, 1987. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.1987 / Археология СССР.
- Чемякин Ю.П., 2003. Об этнической окраске одного художественного сюжета // Угры. Материалы VI – го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9-11 декабря 2003 г. Тобольск). Тобольск.

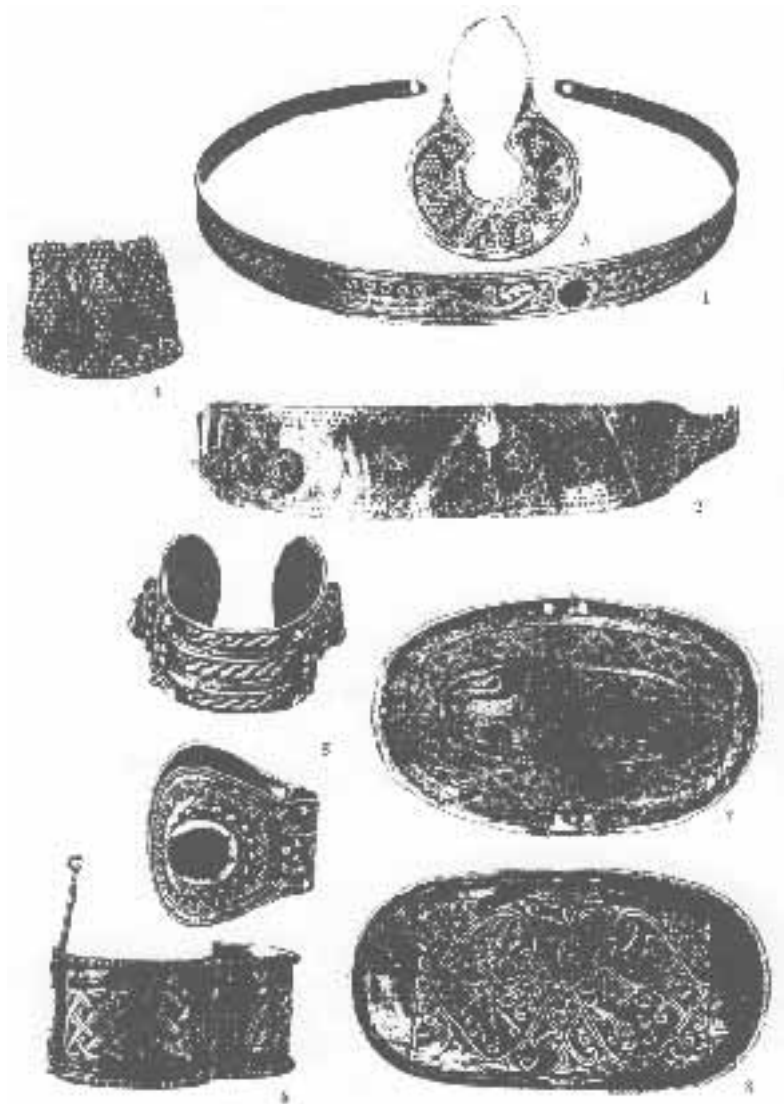

Рис.1. Изделия из серебра. Зауралье. XI-XIII вв.

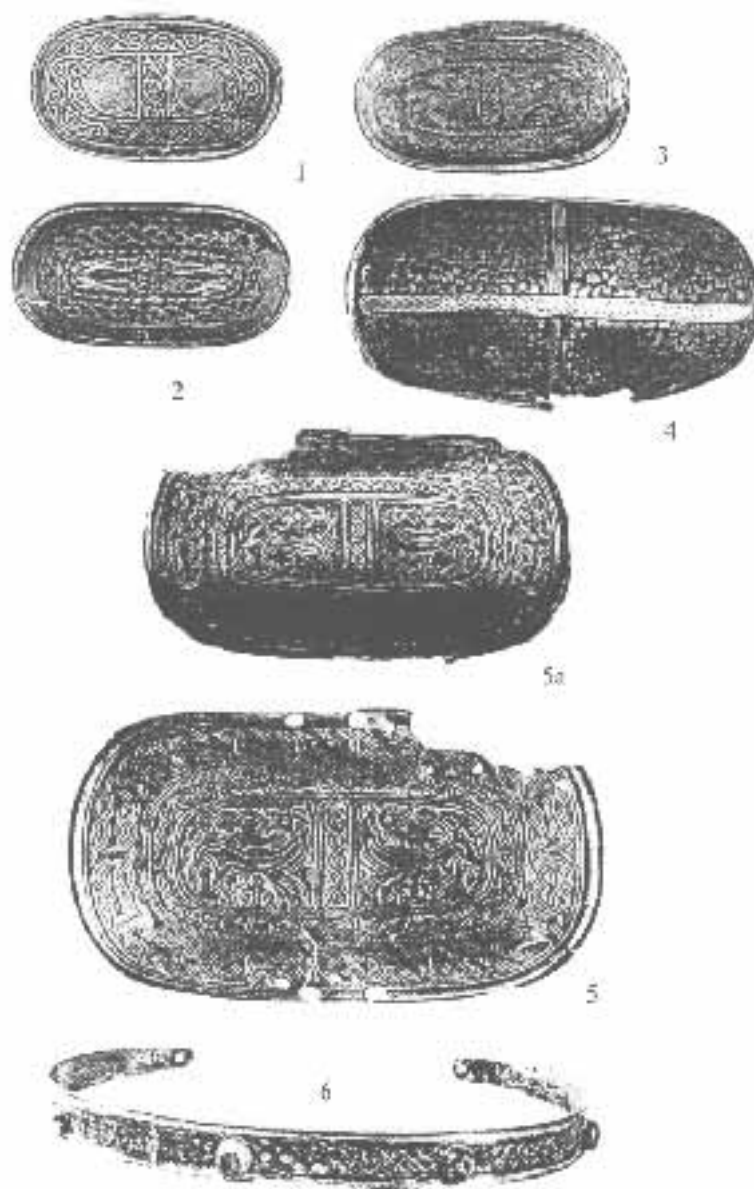

Рис.2. Изделия из серебра. Зауралье. XI-XIII вв.

Рис.3. Пластина на запястье. Кость. Волжская Булгария. Билярское городище. XI-XIII вв. Коллекция А.Ф.Лихачева (НМ РТ).

Игорь Пастушенко

К вопросу о чияликских «погребальных масках»

Погребальный обряд в целом, а также отдельные его компоненты традиционно считаются одними из лучших этно- и культуроопределяющих признаков. К числу последних относится и использование в погребальном обряде лицевых покрытий, включающих в свой состав, наряду с тканью или кожей, металлические маски или накладки (наглазники, наносники, наротники).

Впервые вопрос о металлических погребальных лицевых покрытиях-масках Прикамья был поднят Е.П.Казаковым. Проанализировав довольно значительный материал из более чем десятка раннесредневековых могильников Приуралья, он пришел к выводу об угорской принадлежности данного элемента погребальной обрядности, опираясь на аналогии в этнографии обских угров и в памятниках венгров «эпохи завоевания родины» (Казаков Е.П., 1968). Это положение стало занимать одно из основополагающих мест во всех этнокультурных построениях автора – приняв тезис об угорской этнической принадлежности погребальных лицевых покрытий за аксиому, он стал привлекать его для доказательства угрозичности или угорского происхождения той или иной группы населения Прикамско-Поволжского региона.

Мы не будем анализировать данную концепцию в целом, это тема отдельного исследования, а обратимся к материалам лишь одной группы памятников, известной в литературе как чияликские памятники или памятники кишертского и чияликского типов.

Е.П.Казаков рассматривает и данные материалы, исходя из вышеуказанных положений. Первоначально он весьма осторожно относит к остаткам погребальных лицевых покрытий серебряные и бронзовые пластинки-накладки (иногда с отверстиями), обнаруженные в погребениях Азметьевского I (погр. 33, 44, 50, 51, 93), Такталачукского (погр. 158, 294, 343) и Кушулевого могильников, отмечая их расположение на зубах (Казаков Е.П., 1977, с.100), а чуть позднее – под нижней челюстью и на ней (Казаков Е.П., 1978, с.84). Предположительно относятся им к остаткам масок и круглые серебряные бляхи из ряда погребений: Такталачук п.87, Азметьево I п.22, Кушулево, Селянино Озеро. В последнем случае автор ссылается на материал раскопок 1951 г., произведенных В.Ф.Генингом, – «... у трех скелетов рядом с черепами или на височных костях, около глазниц попарно находились ... бляхи» (Казаков Е.П., 1978, с.84). В дальнейшем Е.П.Казаков лишь констатирует наличие пережитка язычества в виде погребальных лицевых покрытий в материалах чияликских и близких им могильников, подчеркивая их угорскую этническую принадлежность, отмечая порой, что они представлены серебряными пластинами или накладками (Казаков Е.П., 1987, с.77; он же, 1988, с.83-84; он же, 1993а, с.6-7; он же, 1993б, с.76; он же, 1993в, с.44; он же, 1997, с.42; он же, 1999, с.199; Арсланов Л.Ш., Каза-

ков Е.П., Корепанов К.И., 1993, с.20-21). Но в одной из последних работ, не вдаваясь в нюансы, он безоговорочно отнес к погребальным маскам и бляхи (Арсланов Л.Ш., Казаков Е.П., Корепанов К.И., 1993, с.20-21, рис.15-8).

Отстаиваемая Е.П.Казаковым точка зрения не нашла особого отклика у других исследователей, которые рассматривают круглые бляхи как украшения, входящие преимущественно в состав ожерелий. М.Г.Иванова, анализируя погребальный обряд и инвентарь древних удмуртов XI-XIII вв., только упоминает его нетрадиционный подход к эти подвескам (Иванова М.Г., 1992, с.69-70). И лишь А.В.Старков отнес к остаткам погребальных лицевых покрытий разрубленные на части бляхи из погребений 7 и 12 Пылаевского могильника, рассматривая остальные (погр. 4, 6, 7, 19) как украшения (Кутаков Ю.М., Старков А.В., 1997, с.137-138).

Сразу же отметим некоторую неувязку у автора концепции. Так, рассматривая «погребальные маски» как пережиток языческих представлений у чияликского населения, Е.П.Казаков отмечает расположение накладок и блях «на месте рта», а для более ранних памятников, предчияликских (Селянино Озеро), – «около глазниц» (Казаков Е.П., 1978, с.84-85). Сразу же бросается в глаза достаточно странное «сохранение традиции» – глаза и рот, в лучшем случае, это кардинальная смена весьма консервативной погребальной традиции, а точнее именно пережитков домусульманских верований, которые должны сохраняться без изменений, произошла за сто лет. Да и сама «языческая традиция» крайне слабо прослеживается в ранних материалах – ведь ни в Пылаевском, ни в Кишертском, ни в Селянино Озеро, ни в ранней части Кушулевского могильников маски или лицевые покрытия не зафиксированы.

Рассмотрим конкретные материалы археологических исследований могильников, содержащих в погребальных комплексах керамику чияликского типа. Их число не велико, к более раннему времени (X – начало XIII в.) относятся Кишертский, Пылаевский, Селянино Озеро могильники и ранняя часть Кушулевского, XIII-XIV вв. датируются Азметьевский I, Такталачукский, Дербешкинский и поздняя часть Кушулевского. Начнем с памятников, предшествовавших сложению собственно чияликской культуры в Северной Башкирии и восточных районах Татарии.

Могильник Селянино Озеро, расположенный на окраине г.Кунгур, впервые обследовался А.А.Спицыным в 1901 г. К сожалению, эти материалы до сих пор не введены в научный оборот и о них можно судить лишь по архивным данным. Погребение 2 – «...кружок... вошел в череп» (Спицын А.А., Дневники, л.2/4); погребение 8 – «...выпуклая внизу (бляха)... на левой ключице» (Спицын А.А., Дневники, л.5/7); погребение 13 – «...на шее серебряная бляха и подвески» (Спицын А.А., Дневники, л.5/6). Таким образом, как расположенную «на черепе» можно трактовать только бляху из погребения 2, но сам автор относил их к «...ожерельям из небольшого количества крупных бус и больших серебряных круг-

лых блях, обыкновенно слегка орнаментированных...» (Спицын А.А., Материалы, с.113-115). В 1951 году работы на могильнике были произведены В.Ф.Генингом, вскрывшим 4 погребения. Погребение 1 – на месте левого глаза повернутого на бок черепа (Генинг В.Ф., отчет за 1951 г., рис.22); погребение 2 – «В изголовье... две круглые чуть выпуклые серебряные бляхи-подвески» справа и слева от черепа ушками к нему (Генинг В.Ф., отчет за 1951 г., рис.23); погребение 3 – «...на шее ожерелье из трех серебряных бляшек, четырех медных пронизок, двух колокольчиков и пяти пастовых бус» (Генинг В.Ф., отчет за 1951 г., рис.24); погребение 4 – «У головы остатки серебряной бляшки, ниже – еще от одной, пастовая бусина» справа у левого виска и слева под челюстью (Генинг В.Ф., отчет за 1951 г., рис.25). Судя по всему, бляхи входили в состав ожерелий из 2-3 блях, дополненных другими категориями украшений (бусы, пронизки) и имевших симметричную организацию.

Кишертский могильник, расположенный на окраине пос.Кишерть Пермской области, исследовался Камско-Вятской экспедицией в течении трех лет, в его материалах все бляхи соотносятся с нагрудными украшениями. Погребение 4 – «Под нижней челюстью серебряная подвеска» (Киржнер Е.Э., отчет за 1987 г., с.11, рис.22); погребение 21 – «Под нижней челюстью тыльной стороной вверх серебряная бляха со вставкой» (Водолаго Н.В., отчет за 1988 г., с.6-7, рис.21); погребение 22 – «На правом плече серебряная подвеска» (Водолаго Н.В., отчет за 1988 г., с.7-8, рис.43,44); погребение 26 – «Под челюстью серебряная лунница, рассыпавшаяся бляха...» (Водолаго Н.В., отчет за 1988 г., с.9, рис.60). Во всех четырех погребениях бляхи и лунница входили в состав ожерелий.

Кушулевский могильник, расположенный в Дюртюлинском районе Башкирии, исследовался на протяжении ряда лет различными авторами. Полностью его материалы в научный оборот введены не были, что несколько затрудняет работу. В первом из изученных погребений, вскрытых А.П.Шокуровым в 1957 г. «На лобной части погребенного, с обеих сторон, были обнаружены две медные пластинки треугольной формы, размер которых 1x1,5 см. Эти пластины входили, очевидно, в состав головного убора» (Шокуров А.П., отчет за 1957 г.). В 1958 г. еще 13 погребений были вскрыты И.Эрдей, в погребении – 5 «...у правого локтя, внутри, найдены обломки серебряных пластин – остатки маленького наконечника ремня или другого предмета», а в погребении 9 – «...слева, среди ребер, найдены бронзовые обломки» (Erdelyi I., 1959, p.183-184, кер.5). В 1962 и 1969 гг. памятник исследовался несколькими раскопами Н.А.Мажитовым: раскоп I погребение 6 – «На левой ключице круглая серебряная пластина, очевидно, зеркало. Пластина при помощи шпенька была прикреплена к железному предмету (рукояти)» (Мажитов Н.А., отчет за 1962 г., табл.XV-5) (именно на это погребение и ссылается Е.П.Казаков (1978, с.84)), погребение 9 – «...вокруг шеи небольшое ожерелье, состоящее из нескольких разноцветных бочонковидных, округлых бусин и одной бронзовой пластинчатой подвески», погребение 13 – «...слева от че-

репа обломок серебряной пластины» (Мажитов Н.А., отчет за 1962 г.); раскоп III погребение 65 – «...обломки серебряной пластины» (Мажитов Н.А., отчет за 1969 г.). То есть опять же нет ни одного конкретного доказательства использования металлических пластин и блях в качестве «масок».

Еще один могильник, содержащий керамику чияликского типа, Пылаевский расположен в Зауралье. Трактовка его материалов вызывает массу вопросов, так как в тексте публикации существует ряд противоречий. При классификации материала круглые бронзовые бляхи в зависимости от сохранности разделены на две группы: целые – зеркала, разрубленные – лицевые покрытия, причем в последнем случае указанное количество 5 экземпляров соответствует не числу блях, а числу фрагментов (Кутаков Ю.М., Старков А.В., 1997, с.137). Еще один фрагмент бляхи имеется на рисунке 17, но не упомянут в классификации. В описании погребального обряда читаем: «В одном из погребений глазницы и рот были закрыты частями медной бляхи, разрубленной на три части, в другом фрагментами бляхи были прикрыты только глазницы». Судя по всему, это погребения 7 и 12. Но в описании самих погребений информация кардинально отлична: погребение 7 – «...в районе затылочной и лобной части (черепа) находились три бронзовые пластины (по рисунку – просто за головой)»; погребение 12 – «На груди умершего лежала разрубленная на две части бронзовая бляшка» (Кутаков Ю.М., Старков А.В., 1997, с.132, рис.3). То есть о лицевых покрытиях речи быть не может. Расположение целых блях, также не позволяет трактовать их как маски: погребение 4 – «...у правого плеча... две круглые выпуклые бляхи», погребение 6 – «...в области таза – круглая бронзовая бляха (зеркало ?)», погребение 7 – «На груди покойного лежала круглая бронзовая бляха», погребение 19 – «В районе челюсти и ниже ее... бронзовая круглая бляха» (Кутаков Ю.М., Старков А.В., 1997, с.131, 132, 135, рис.2-4).

Данные по Азметьевскому I могильнику, расположенному у д.Азметово Актанышского района Татарстана, имеются в монографии Е.П.Казакова (1978), но преимущественно в иллюстративном материале. Вместе с тем, на рисунках четко прослеживается расположение немногочисленного погребального инвентаря. Погребение 22 – «...на ключицах... обрывки кожи и бронзовая круглая пластинчатая бляха с ушком диаметром 11,5 см»(Казаков Е.П., 1978, с.78, рис.39-III); погребение 33 – «...под черепом... фрагменты бронзовых украшений» (Казаков Е.П., 1978, с.78, рис.39-VI); погребение 44 – накладка на груди (Казаков Е.П., 1978, рис.39-IV); погребение 50 – накладка (?) справа от черепа (Казаков Е.П., 1978, рис.39-VII); погребение 51 – накладка у левой ключицы (Казаков Е.П., 1978, рис.39-VIII); погребение 93 – накладка на левой ключице (Казаков Е.П., 1978, рис.41-II). Таким образом, ни в одном случае не зафиксировано расположение бронзовых накладок или бляхи на костях черепа.

Более подробно представлены в этой же работе Е.П.Казакова (1978) материалы Такталачукского могильника, расположенного у д.Уразаево Актанышского

района Татарстана. Погребение 87 – «...слева у черепа серебряная пластинчатая подвеска с ушком» (Казаков Е.П., 1978, с.108, рис.28-III); погребение 158 – «...на левой стороне груди... квадратная бронзовая пластинчатая накладка» (Казаков Е.П., 1978, с.112, рис.26-IV); погребение 294 – «На правой лопатке под нижней челюстью... бронзовая накладка с пробитым отверстием» (Казаков Е.П., 1978, с.118, рис.27-VI); погребение 343 – «На правой ключице... накладка из цветного металла» (Казаков Е.П., 1978, с.119, рис.28-II). То есть опять же не зафиксировано ни одного случая расположения накладок на костях черепа.

Еще один могильник – Дербешкинский – также расположен в Актанышском районе Татарстана. В 1982-1983 гг. он исследовался Т.К.Ютиной, вскрывшей 84 погребения: погребение 67 – «...фрагмент бронзовой пластины слева от черепа», погребение 74 – «...в области груди справа круглая бронзовая пластинчатая бляха», погребение 75 – «...в области груди фрагмент бронзовой, вероятно, круглой пластинчатой бляхи с ушком... в области лицевых костей черепа, слева, обнаружены фрагменты бронзовой (серебряной ?) пластинки со сквозными отверстиями», погребение 80 – «...мелкие фрагменты бронзовых тонких пластинок» (под нижней челюстью и в области таза) (Ютина Т.К., отчет за 1983 г., с.6, 8-10, рис. 13, 26, 27, 32). То есть опять же нет жесткой привязки как блях, так и различных пластин к лицевому отделу черепа.

Таким образом, проанализировав материалы семи могильников, расположенных в северной части лесостепной полосы Евразии, на ее стыке с подзоной южной тайги, по обе стороны Урала и датирующихся временем с X по XIV в., объединенных как отдельными элементами погребального обряда, так и наличием специфичной керамики (чияликского типа) (Пастушенко И.Ю., 1995, с.10-15), мы можем утверждать, что следов использования в погребальной обрядности лицевых покрытий с металлическими деталями (наглазники, наротники) обнаружить не удалось. Крупные круглые пластинчатые бляхи, изготовленные из бронзы и серебра, входили в состав нагрудных украшений – ожерелий, так же как и отдельные серебряные, украшенные сканью, зернью и вставками подвески. Правда, как правило, эти ожерелья были крайне бедными и состояли чаще всего из одной бляхи, что и позволило Е.П.Казакову предположить их несколько не стандартное использование. Так же нет причин относить к погребальным покрытиям отдельные бронзовые пластинки, накладки и подвески, обнаруженные в области черепа или черепных костей. Например, наглазники, наносники и наротники, зафиксированные в погребениях 6, 8, 12, 16, 19, 23, 24, 28, 37 Большеитганского могильника, четко приурочены к глазным впадинам и лицу погребенных (Chalikova E.A., Chalikov A.N., 1981, Abb.4, Taf.V, VII, X, XIII, XVI, XIX, XX, XXIII, XXVIII).

Таким образом, произведенный нами анализ деталей погребальной обрядности кишертских и чияликских памятников позволяет с полной уверенностью утверждать, что в этих несомненно угорских могильниках нет следов использования металлических деталей («масок») лицевых покрытий при захоронении

умерших. В силу этого нам кажется несколько преждевременным принятие за данность тезиса об использовании данного элемента погребального обряда в качестве этномаркирующего признака угроззычного населения.

Примечания:

Архивные материалы:

- Водолага Н.В. Отчет о работах в ТАССР и Пермской области в 1988 году (Кишертский и Верх-Саинский могильники). Т.П. // Фонды Института истории и культуры народов Приуралья. Ф.2. Д.277.
- Генинг В.Ф. Отчет об археологических разведках в бассейне р.Сылвы, произведенных в 1951 г. по поручению Кунгурского краеведческого музея // Архив ИА РАН. Р.1. № 589. С.10-13.
- Киржнер Е.Э. Отчет об археологических исследованиях в Кишертском районе Пермской области в 1987 г. // Фонды Института истории и культуры народов Приуралья. Ф.2. Д.231.
- Мажитов Н.А. Научный отчет о результатах археологической экспедиции за 1962 г. // Архив ИА РАН. Р.1. №2531. С.11-17.
- Мажитов Н.А. Научный отчет о раскопках на Кушулевском могильнике в 1969 г. // Архив ИА РАН. Р.1. №3913.
- Спицын А.А. Дневники // Архив ИИМК РАН. Ф.5. Д.89а.
- Спицын А.А. Материалы о раскопках за 1901 год // Архив ИИМК РАН. Ф.5. Д.363.
- Шокуров А.П. Отчет об археологической работе летом 1957 г. 3-го разведочного отряда Башкирской археологической экспедиции ИИМК АН СССР // Архив ИА РАН. Р.1. №1507, 1508. С.61-65.
- Ютина Т.К. Отчет о раскопках Дербешкинского могильника в Актанышском, Варзи-Пельгинского городища в Агрызском районах Татарской АССР и Варалинского городища в Алнашском районе Удмуртской АССР // Фонды Института истории и культуры народов Приуралья. Ф.2. Д.193.

Литература:

- Арсланов Л.Ш., Казаков Е.П., Корепанов К.И., 1993. Финны, угры и самодийцы в Восточном Закамье (III в. до н.э. – XIV в. н.э.). Елабуга. 140с.
- Иванова М.Г., 1992. Погребальные памятники северных удмуртов XI-XIII вв. Ижевск. 155с.
- Казаков Е.П., 1968. О назначении погребальных лицевых покрытий Танкеевского могильника (Об одном элементе погребального обряда) // Уч. зап. ПГУ. №191. Пермь. С.230-239.
- Казаков Е.П., 1977. О памятниках болгарского времени в восточных районах Татарии // Древности Волго-Камья. Казань. С.92-102.
- Казаков Е.П., 1978. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М. 131 с.
- Казаков Е.П., 1987. О происхождении и этнокультурной принадлежности средневековых прикамских памятников с гребенчато-шнуровой керамикой // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа. С.67-75.

- Казаков Е.П., 1988. О некоторых элементах языческой культуры угров Урало-Поволжья // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа. С.79-87.
- Казаков Е.П., 1993а. Этнокультурные контакты волжских булгар и их соседей // Тезисы докладов краеведческих чтений «Народы Среднего Поволжья: история, культура». Секция археология. Казань. С.4-7.
- Казаков Е.П., 1993б. Комплексы культур Большого Урала VI-XIV вв. н.э. в Волго-Камье // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург. С.75-76.
- Казаков Е.П., 1993в. Древняя страна «Паскатири» // Татарстан. Казань. №9. С.42-46.
- Казаков Е.П., 1997. Волжская Булгария и финно-угорский мир // Finno-Ugrica. Казань. №1. С.33-53.
- Казаков Е.П., 1999. Проявление некоторых религиозных воззрений Востока в средневековых погребальных комплексах Урало-Поволжья // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В.Ломоносова: Тез. докладов юбилейной конференции, посвященной 60-летию кафедры археологии ИФ МГУ им. М.В. Ломоносова. С. 198-200.
- Кутаков Ю.М., Старков А.В., 1997. Пылаевский грунтовый могильник (Предварительная публикация) // Охранные исследования на Среднем Урале. Вып.1. Екатеринбург. С.130-147.
- Пастушенко И.Ю., 1995. История населения бассейна р.Сылвы в первой половине второго тысячелетия н.э. Автореф. дис... канд. ист. наук. Ижевск. 26 с.
- Chalikova E.A., Chalikov A.H., 1981. Altungarn an der Kama und im Ural (Das Graberfeld von Bolschie Tigani). Budapest. 132 p.
- Erdelyi I., 1959. A Kusulevoi temető // Archaeologiai Ertesito. Vol.86. Budapest. P.183-187.

Александр Вискалин, Геннадий Уланов
**Находка женских украшений угров IX века
в Ульяновском Предволжье**

Формирование Волжской Болгарии – древнейшего государства на территории Среднего Поволжья, по данным археологической науки, происходило в результате взаимодействия различных этно-культурных групп: болгар-салтовцев, сибирских тюрок, хазар, печенегов, славян, скандинавов, а также представителей разнообразных финно-угорских племен, проживающих на территории Восточной Европы в средние века. Вклад угров в сложение культуры и самой народности волжских болгар особенно весом на раннем этапе развития Волжской Болгарии [1].

К моменту расселения болгар-салтовцев на Средней Волге и в Прикамье угры являлись их восточными соседями. Они занимали все лесное, лесостепное и степное Приуралье и Зауралье. Во второй половине IX века часть угорских племен мигрирует на Среднюю Волгу, спасаясь от преследования печенегов. Здесь они сливаются с болгарами-салтовцами, положив начало формированию народности волжских болгар. Многочисленные группы угров под именем «баждардов» продолжают населять лесостепные районы Заволжья еще в конце первой четверти X в., где в 922 г. их встретил Ибн-Фадлан, оставивший красочное описание языческих обычаев и нравов этого народа [2]. Однако зона расселения угров на Средней Волге не ограничивается ее Левобережьем. Отдельные группы угорского населения проникают и на правый берег Волги, выбирая для поселения лесные районы. Одним из ярких свидетельств их присутствия на территории Ульяновского Предволжья является клад бронзовых украшений, найденный в 2004 г. во время археологических разведок в Сенгилеевском районе на территории Новослободского городища.

Памятник расположен вблизи пос. Новая Слобода Сенгилеевского района Ульяновской области в глубине речной долины у истоков реки Чугурка. При обследовании свежеспаханных участков городища вместе с характерными для культуры Волжской Болгарии X-XIII вв. обломками красноватой круговой керамики, металлическими орудиями и украшениями, костями домашних животных было обнаружено скопление необычных для здешних мест украшений из бронзы и стекла. Большинство находок залегало компактно на небольшом участке пашни площадью 4-6 кв. м. Несколько предметов из этого клада было найдено на удалении от 10 до 30 м от основного скопления по направлению пахотных борозд. На многих находках имелись свежие следы повреждения от плуга, указывающие на то, что вещи были выпажаны и растащены по пашне незадолго до обнаружения.

В состав находок входят 59 изделий из бронзы и билона (белой бронзы), цветного стекла – 9, железа – 1, раковины – 1.

Колесовидная подвеска найдена в одном экземпляре, разломанном на 3 части (рис. 2: 2). Точные аналогии изделию имеются в Аверинском могильнике ломоватовской культуры [3, табл. XIX: 7], близкие – в Тетюшском могильнике [4, рис. 36].

Коньковые подвески обнаружены в количестве 3 экземпляров (рис. 1: 1-3). Несмотря на единую форму, качество проработки деталей всех 3 изделий сильно различается, что может указывать на их отливку по одному и тому же оттиску на глине. Подобные изделия хорошо представлены в материалах Харинского, Редикарского, Б. Каневского могильников ломоватовской культуры [5, рис. 38, 47, 148; 3, табл. XIV: 17]. В небольшом количестве они известны и в материалах Большетарханского могильника [4, рис. 22: 7], имеющего сильные угорские черты [4, с. 324].

Подвески-лунницы представлены 8 экземплярами (рис. 2: 28-35). Аналогичные изделия отмечены в Бродовском могильнике неволинской культуры [6, табл. XXXIX:27], Редикарском могильнике ломоватовской культуры [5, рис. 44], а также Большетарханском могильнике [4, рис. 13: 22]. По мнению Крыласовой Н.Б., подобный тип украшений был заимствован уграми от арабов, а уже от угров и болгар они попадают к славянам [5, с. 85].

Крупные рожковые пронизки с поперечными утолщениями с обоих концов изготовлены из билона – 2 экз. (рис. 1: 13, 14). Подобные изделия можно встретить в древностях марийцев, мордвы, но основная зона их распространения находится в Прикамье. Они представлены в материалах Бродовского [6, табл. XLI: 6], Деменковского, Урынского, Агафонового, Щукинского, Аверинского, Висимского могильников ломоватовской культуры [3, табл. XXII: 9].

Трубочки-пронизки с небольшим расширением изготовлены из обычной и белой бронзы. Они обнаружены в количестве 11 поломанных и целых экземпляров (рис. 2: 8-14). И хотя данный вид изделий встречается у поволжских финнов [7, табл. XVII: 27], но их массовое использование наблюдается в Агафоновском, Щукинском, Аверинском могильниках ломоватовской культуры [3]; в поморских памятниках [8, табл. VII, 47-49, 65, 66].

Наконечники ремня (2 экз.) (рис. 2: 4, 5) с рельефным литым орнаментом зафиксированы в Плесинском могильнике ломоватовской культуры [3]; в поморских памятниках [8, табл. XIV, 25, 26].

Чашевидные пронизки в количестве 10 предметов (рис. 2: 7) и пластина с отверстиями (рис. 2: 3), видимо, входят в один набор. Сходные предметы найдены в Агафоновском могильнике ломоватовской культуры [3, табл. XXII: 17], а также Большетарханском могильнике [4, рис. 7-Б].

Пластинчатая шейная гривна с шумящими подвесками (рис. 1: 16) изготовлена из 2 слоев листовой бронзы. Один конец изделия обломан, на другом – сохранились остатки проволочной навивки и заклепка от утраченной застежки. По нижнему краю пропущен ряд шумящих привесок в форме трубочек. Точная аналогия изделию обнаружена в 1101 погребении Танкеевского могильника [4, рис. 107]. Такие же изделия известны во 2 Молотицком могильнике Муромского района Владимирской области [9, с. 111]. Подобные элементы данной гривны представлены в материалах Большетарханского могильника [4, рис. 13, 19, 20].

Вторая шейная гривна изготовлена из круглой проволоки с навивкой (рис. 2: 36). Сохранившийся конец имеет листовидное оформление. Точных аналогий гривне нами найдено не было, хотя близкие предметы встречаются от Прибалтики и до Урала. Бутыльчатая подвеска (рис. 1: 15) встречается в украшениях средневековой мордвы [7, табл. XL VI: 1], марийцев [7, табл. L: 11], но известны они также в материалах Урьинского могильника ломоватовской культуры [3, табл. XXII: 25; 5, рис. 56; 7, табл. LXIII: 40]. Фибула-сюльгама (рис. 2: 1) является важной принадлежностью костюма прибалтийских и волжских финнов. Присутствие таких фибул отмечено и на памятниках ломоватовской, бахмутинской, турбаслинской культур Приуралья, что свидетельствует о тесных контактах между родственными финно-угорскими племенами Восточной Европы [5, с. 148].

Остальные находки встречаются в древностях раннего средневековья более широко, что затрудняет их этнокультурную атрибуцию. Это пластинчатые браслеты с расширенными краями – 3 экз. (рис. 1: 5, 11, 12), ажурная ременная накладка (рис. 1: 4), пластинчатые подвески – 2 экз. (рис. 2: 6), обломки витых пронизок – 8 экз. (рис. 1: 7-10), кольцо из круглой проволоки с несомкнутыми концами (рис. 1: 6), бусины из голубого стекла – 7 экз., пастовые бусины зеленого – 1 экз. и черного цвета – 1 экз., бронзовые бусины – 4 экз. (рис. 2: 17-20), железный нож с перекрестием (рис. 2: 15), раковина-каури (рис. 2: 16).

Таким образом, большинство предметов из клада наиболее широкие аналогии находит в материалах неволинской и ломоватовской культур лесного Прикамья конца VIII – IX вв., созданных лесными угорскими племенами [10]. Присутствие лесных угров на территории Ульяновского Предволжья подтверждается еще одной случайной находкой аналогичной по форме подвески-лунницы, сделанной местным лесником в районе поселка Каранино в нескольких километрах к северу от Новослободского городища.

Литература:

1. Казаков Е.П. К вопросу о хазарском и угорском компонентах в культуре ранней Волжской Болгарии // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. Казань, 1999.
2. Крачковский И.Ю. Путешествие ибн-Фадлана на Волгу. М.-Л., 1939.
3. Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985.
4. Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. М., 1992.
5. Крыласова Н.Б. История прикамского костюма. Пермь, 2001.
6. Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры и Приуралья. Иркутск, 1990.
7. Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987.
8. Семенов В.А. Варнинский могильник // Новый памятник поломской культуры. Ижевск, 1980.
9. Кравченко Т.А. Шатрищенский могильник (по раскопкам 1966-1969 гг.) // Археология Рязанской земли. М., 1974.
10. Белавин А.М. Об этнической принадлежности так называемых «булгарских эсегел» // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. Казань, 1999.

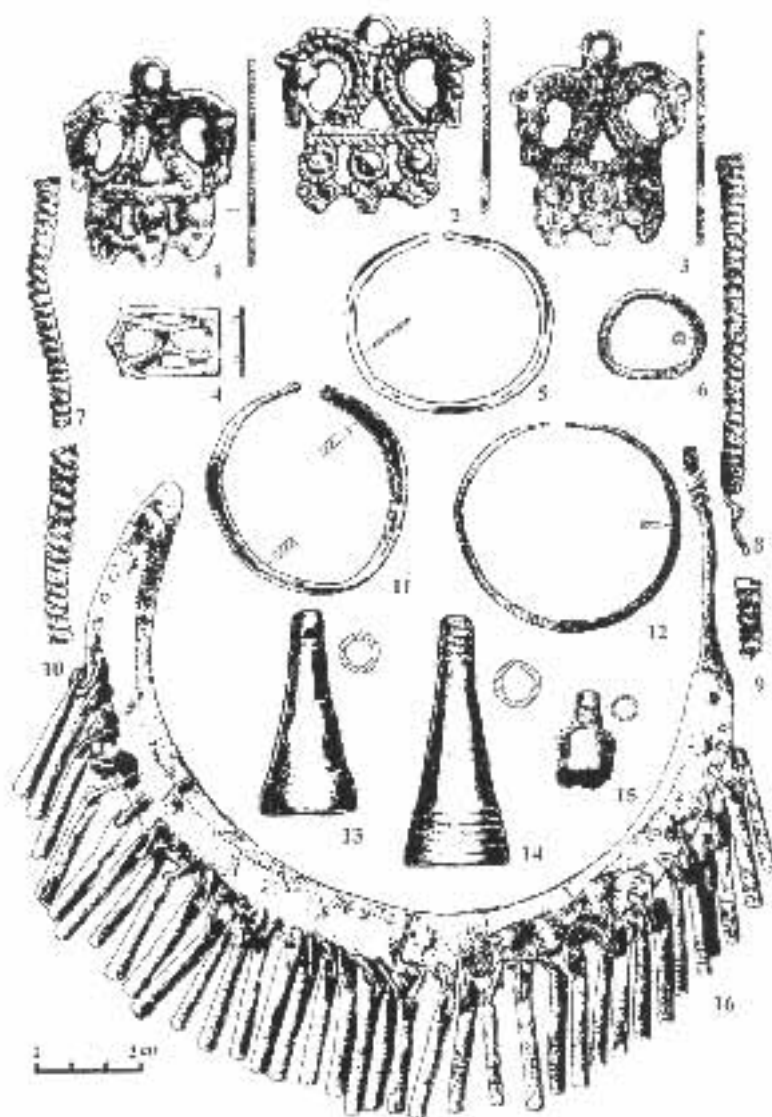
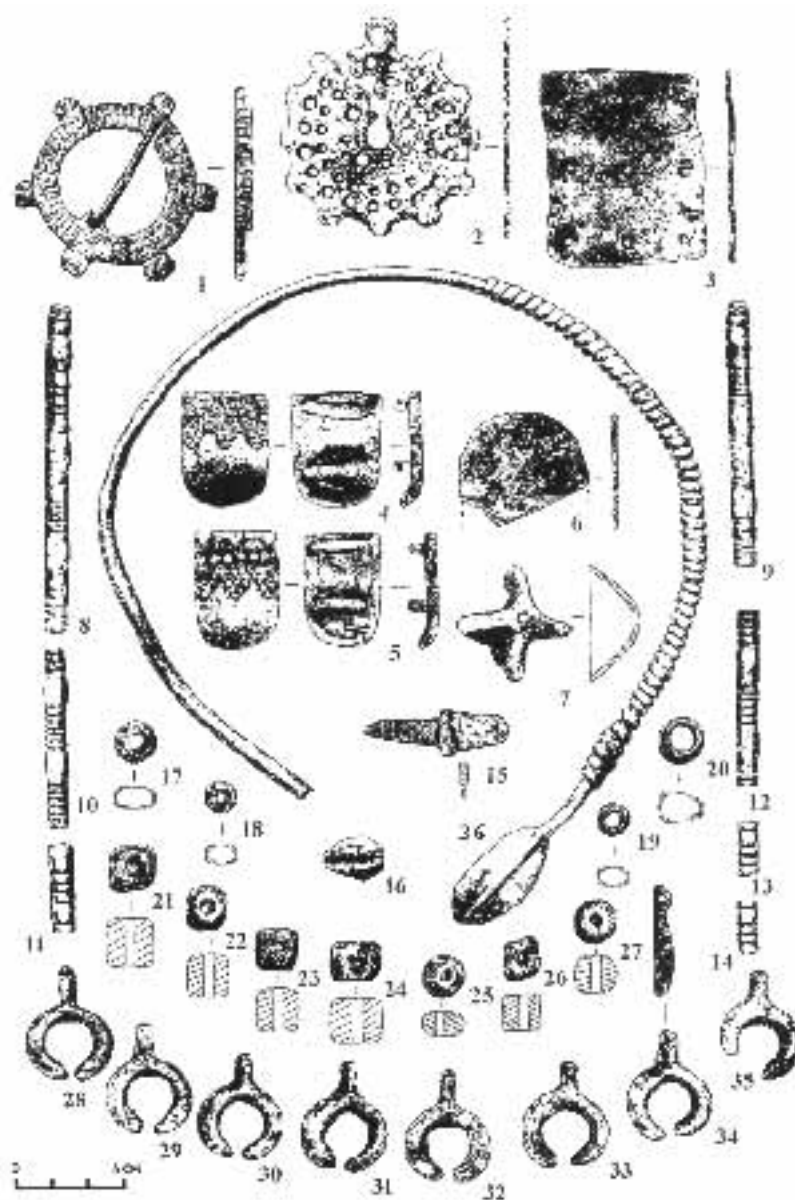

Рис. 1. Новослободской клад женских украшений: изделия из бронзы.

Рис. 2. Новослободской клад женских украшений: изделия из бронзы – 1-14, 17-20, 28-36, голубого стекла – 21 – 24, пасты – 25 – 27, железа – 15, раковина каури – 16.

Екатерина Юнина

Социальный и сакральный статус женщины в традиционной культуре обскоугорских и самодийских народов

Различные аспекты проблемы социального и сакрального статуса женщины в традиционной культуре самодийцев и обских угров нашли отражение в исследованиях таких дореволюционных авторов, как Г. Новицкий, В.Ф. Зуев, Ф.Б.Белявский, М.А. Кастрен, Б.П. Житков, К.Ф. Карьялайнен, М.Б. Шатилов и др.

Участник Гыданской экспедиции Л.В. Костиков в работе «Законы тундры: К вопросу о положении женщины у самодийцев» довольно полно и разносторонне описывает положение женщины в ненецкой семье и обществе. Эта работа по существу стала первой, специально рассматривающей роль женщины у инородцев.

Во второй половине XX века этнографическая наука вышла на качественно новый этап в изучении самодийских и обско-угорских народов; появляется множество работ, в которых представлен новый обширный материал, проанализированный на высоком профессиональном уровне. Интересующая нас тема также освещалась в трудах следующих исследователей: З.П. Соколовой, Л.В. Хомич, Н.А. Миненко, В.М. Кулемзина, Е.Г. Федоровой, А.П. Зенько и т.д.

Среди большого количества работ Е.П. Мартыновой наиболее значимой для нас является статья, посвященная реконструкции образа богини обских угров *Калтац-Анки*. Автором проводится тщательный анализ функций богини, определяется ее место в пантеоне, подробно рассматривается культ поклонения и его выражение в родильной обрядности, весь комплекс жертвоприношений и многообразие ипостасей богини [Мартынова 1992: 74-85].

А.В. Головнев в своей монографии «Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров» достаточно оригинально трактует различные вопросы духовной культуры данных народов. В контексте решаемых проблем дается оценка роли женщины в хозяйстве, рассматривается комплекс женских запретов, соотношение мужского и женского начала в культуре самодийцев и обских угров, освещаются и образы богинь женского пантеона.

Е.В. Переваловой принадлежит заслуга в рассмотрении проблемы взаимоотношения полов и эротика в культуре хантов, никогда не поднимавшейся в рамках отдельной работы [Перевалова 1992: 85-90].

В последнее время к исследованию самодийцев и обских угров присоединились и сами носители культуры, представители народов: М.А. Лапина, Г.П. Харючи, Л.В. Кирипова, Н.М. Талигина, Т.А. Молданова и др.

Настоящая работа является попыткой комплексной характеристики статуса женщины в традиционной культуре самодийцев и обских угров на основе данных литературы и результатов этнографических экспедиций 2001 г. в бассейне

реки Большой Юган Сургутского района; 2004 г. – в верховье реки Вах Нижневартовского района Ханты-Мансийского автономного округа.

Согласно традиционным представлениям угорских и самодийских народов, социальный и сакральный статус женщины меняется при переходе из одной возрастной группы в другую: «чистая» девочка, женщина в репродуктивный период, «очистившаяся» женщина, вышедшая из репродуктивного возраста. Важным представляется проследить изменения социального и сакрального положения женщины от раннего возраста до момента прекращения регул, рассмотреть трансформативные обряды, маркирующие приобретение нового статуса.

Процесс приобщения девочек к трудовой деятельности начинался довольно рано и проходил примерно одинаково как в самодийском, так и в обско-угорском обществе. До восьми лет основной функцией девочки в хозяйственно-бытовой сфере была помощь матери. Непосредственное обучение изготовлению одежды начиналось в 4-х летнем возрасте, с шитья одежды для кукол. Первой самой простой работой была выделка шкурки белки и колонка, затем более трудоемкая – обработка шкур лося [ПМА]. К 8-ми годам девочка самостоятельно заготавливала дрова, вела аргиш из нескольких нарт, управляла оленями, умела разбирать чум, шить меховую одежду, готовить пищу. В связи с тем, ребенок еще не являлся полноправным членом общества, его социальный статус не маркировался. Однако в культуре ненцев половая дифференциация отражалась в особенностях детской одежды, с 4-5 лет «глухая» меховая одежда – *парка* заменялась на соответствующую полу ребенка мужскую и женскую одежду уменьшенных размеров [Белич 1999: 80]. Половая дифференциация проявлялась также и в особенностях детских игр у рассматриваемых народов. Традиционными играми девочек (как будущих матерей и хозяек) являлись куклы *нехуко*, а также сооружение из веточек модели чумов, для мальчиков были характерны игры, связанные с промыслами и оленеводством. Таким образом, игра, основываясь на имитации девочкой действий матери в ее повседневной деятельности, способствовала формированию в подсознании ребенка определенного стереотипа поведения в достаточно раннем возрасте [Рейнсон-Правдин 1949: 109-133]. С 10-12 лет начиналось более систематическое вовлечение в хозяйственную сферу, игра уступала место производственной деятельности. Примерно к 13-16 годам цикл обучения заканчивался, девочка овладевала всем комплексом женских работ и была готова приступить к их исполнению в семье мужа [ПМА].

На этом же этапе происходило приобщение ребенка к духовной системе ценностей, закладывалась основа для дальнейшего существования в традиционной культурной среде. Причем, процессы формирования в сознании ребенка общих мировоззренческих основ и половой модели поведения проходили параллельно. В этом возрасте девочки впервые принимали участие в женских обрядах, присутствовали во время родов, могли быть на медвежьих игрищах, где обучались женским танцам [Попова 2003: 106-107].

Несмотря на то, что до начала регул девочка воспринималась, как сакрально «чистое» существо, ей разрешалось ходить по мужской половине дома, пересекать черту между очагом и *сымзы* (шест, в чуме являющийся олицетворением духа очага), не покрывать голову, посещать священные места и жертвоприношения, уже в этом возрасте происходило первичное приобщение к сложному комплексу женских запретов. Поведение ее регламентировалось некоторыми правилами, которые, однако, еще не приобрели форму непререкаемых законов. Девочке нельзя было перешагивать через мужские вещи, ходить по постели, громко смеяться [Белич 1999: 49-57].

Половая зрелость наступала с момента появления менструаций, тогда девушка осознавалась совершеннолетней, способной рожать детей. Переход девушки в следующий период изменял отношение к ней со стороны других членов общества, выразившийся в восприятии ее как существа «нечистого». Ее новое состояние определялось термином – «*сымэй*» у ненцев, «*щехма нэ эви*» у хантов, «*торхтыглам аги*» – «подростая девушка» у манси.

Феномен крови присутствует практически во всех архаичных культурах. Кровь воспринимается, с одной стороны, как «биологическое начало жизни», с другой, является опасной [Чеснов 1998: 100]. Исключительность менструальной крови связывается с ее способностью выхода наружу из невидимого пространства, синонимичного потустороннему миру, хаосу. С этой идеей перекликаются представления хантов о женской утробе как «темном доме, где камлает шаман» [Перевалова 1992: 91]. Незнание происхождения менструальной крови *пэшем* породило в сознании человека естественный страх перед ней и перед женщиной, что вызвало формирование сложной системы запретов.

В эпитетах, употребляемых по отношению к девушке в период регул, отражалась особенность ее состояния. Во время менструаций о девушке говорили *ова йис* – «к двери пришедшая» (сынские ханты), *не 'нямна пирибтя* – «перешедшая переднюю часть чума» (ненцы) [Талигина 2000: 99-100; Харючи 2001: 243].

Изменялось положение девушки в пространстве жилища, символично переместившейся к двери. Большинство групп самодийцев и обских угров в прошлом практиковали ритуальную изоляцию на время регул в специальном помещении – «маленьком доме» [Карьялайнен 1996: 177].

С наступлением регул еще больше проявлялось противопоставление мужского и женского в быту: теперь свои вещи девушка хранила в отдельной нарте, считавшейся «поганой». В силу «нечистоты шага» девушке запрещалось переступать через предметы промыслов и оленеводства, постель, мужскую одежду. «Ноги женщинам нельзя показывать, в ныриках ходили» [ПМА]. Во время сна женщина должна была контролировать себя, чтобы ее ноги даже случайно не оказались на постели. В этот период особые предписания соблюдались при отпращивании естественной нужды, в частности, девушка манси должна была снять

обувь и верхнюю одежду и в таком виде выйти на улицу, похожий обычай отмечен у ненцев [Попова 2003: 144-145; ПМА].

В сферу табуации пищи включались некоторые виды рыб: осетр, щука, налим, стерлядь. Запреты распространялись на всю рыбу, выловленную в священных водоемах, а также на мясо священных животных – медведя и лося. Ограничение на священное выражалось в запрете посещения мужских культовых мест, жертвоприношений, места за домом, прикосновения к «чистым» нартам, где хранились божки, а также к предназначенным для этих нартов оленям.

Значимость первых регул для дальнейшей жизни девушки отмечена проведением посвященных обрядов-инициаций, корни которых С.А. Токарев видел в половозрастном разделении труда и отводил им важное место в системе религиозных верований [Токарев 1964: 216]. Женские возрастные инициации, в отличие от инициаций мальчиков, не включали в себя ни суровых испытаний, ни специально организованного обучения. Посредством данных обрядов девочки принимали новую социальную роль взрослой женщины, переходили в следующий репродуктивный период [Тендрякова 1992: 29].

У некоторых групп хантов тайна полового созревания находилась в ведении богини Земли *Мув анки*. Показательно, что в бытовавшем ранее обряде инициации во время первых месячных отражена плодоносящая сила земли, ее жизненная энергия. Девочку укладывали обнаженным животом на траву; прикосновение травяного и волосяного покрова, символизировало их тождественность. Таким образом, взрослеющая девочка обменивалась с землей силами – «*ма щемам нан вуе, нан йэрен манем мие*» – «*мою силу ты возьми, твою силу мне дай*». Теперь она навсегда семантически связывалась с землей (ей запрещалось подниматься на чердак и т.д.). Важную роль в подготовке подростков к физиологическим изменениям играли пожилые женщины. Во время инициации они уподоблялись самой Земле, посыпая голову сеном, символизировавшим ее волосы [Молданова 200: 45-47, 269].

Некоторые народы появление месячных кровотечений объясняют тем, что мужчина-Луна вступает в половое общение с созревшей девушкой. В мировоззрении обских угров также есть представления о луне как мужчине *Тылиц* и связи регул с луной. Наблюдение за менструациями женщины ведут по четырем фазам луны – новолуние, растущая, полная и убывающая луна [Талигина 2000: 99]. Манси половое созревание девочки связывают с вороной, прилеты и отлеты которой символизируют цикличность регул. Одним из важных моментов праздника Вороньего дня *Урин эква* (другое название – *Сянь хотал* – день Матери), который обязательно проводится в новолуние, является обряд перехода девочки в статус девушки, имеющей право выходить замуж и рожать детей. В обряде – *эква ялтынг хотал* – «священный день женщин» участвовали только пожилые женщины и девушки, имеющие регулы – *уринэква нахвосавес* – «которых ворона клюнула» [Попова 2003: 151].

Неотъемлемым атрибутом обрядов, связанных с наступлением регул, был *вороп* – менструальный нательный «кожаный пояс или повязка на половые органы, который носили все остячки с момента наступления половой зрелости» [Руденко 1914: 13]. Менструальный пояс имел важное функциональное значение, являясь универсальным видом нижней поясной одежды женщин, незаменимой в условиях Севера. Произнесение названия пояса вслух было запрещено, этим можно было оскорбить женщину. Хранился *вороп* отдельно от других вещей, чаще всего за очагом [Лукина 1988: 36]. Менструальный пояс нес также большую сакральную нагрузку, закрывая место отсутствовавшей у женщины пятой души [Перевалова 1992: 16]. Н.А. Миненко сообщает об интересном обычае, когда мужчины ханты приносили в жертву покровителю охоты (в образе сабли) «*вокишмы*» своих жен [Миненко 1975: 193].

Таким образом, женский нательный менструальный пояс был элементом глубоко сакральным, применяясь даже в некоторых ритуальных действиях и, вероятно, охранял «силу женского низа». Кроме этого *вороп* является вещью-маркером, символично выражающим переход девушки в следующую возрастную группу, приобретение иного статуса.

Следующим важным моментом в жизни девушки, изменявшим ее положение в обществе, являлось замужество. Статус девушки в семье отца был нестабильным в силу ее «внедомности», т.к. рано или поздно она должна стать достоянием «другого мира».

Уходя в семью мужа, девушка не могла забрать то, что составляет «голову» ее родного дома – деревянный черпак, гребень [Головнев 1995: 287]. Приданое же является тем комплексом вещей, которые находятся в тесной связи с личностью невесты. Обязательным его элементом у всех рассматриваемых народов была женская меховая сумочка *тутчан* (с игольником) для рукоделия, украшенная специальным орнаментом, называвшимся «лицо сумки» или «шишка» (шишка олицетворяет дом, а орехи членов семьи). На реке Вах женские сумочки назывались *янта кырых*, – «Первую сумку мама делала. Вставки на них изготовлялись из шкуры с подбородка оленя, сверху на сумку нашивался нестандартный кустарный бисер. Старые сумки хранили в лабазе» [ПМА].

Таким образом, сумочка для швейных принадлежностей, являясь вещью глубоко сакральной, своеобразным символом пола женщины, олицетворением ее души, сопровождает свою владелицу на протяжении не только всей жизни, но и после смерти (ее помещают в гроб умершей женщины) [Федорова 1999: 169].

Показательно, что в определенные моменты свадьба семантически повторяет похоронный обряд, а положение невесты и манипуляции, производимые с нею, аналогичны положению покойника. Временная смерть невесты выражена в ритуальном распускании волос, обвязывании рук платком при выходе из дома, в положении лежа на нарте во время переезда в дом жениха, сокрытии ее под пологом в доме будущего мужа. Переломным моментом свадьбы является сво-

еобразное «возрождение» невесты в новом качестве «при переезде через речку» [Головнев 1995: 287]. Она окончательно умирает для семьи отца и возрождается в семье мужа. В знак принадлежности новому очагу невеста приносит в жертву игольницу у порога дома жениха и «свою голову», кланяясь священному углу [Головнев 1995: 287].

Кроме того, молодая женщина, приехав впервые в дом мужа, бросала монету в огонь, чтобы хозяйка очага – богиня *Анки-Пугос* приняла ее и была к ней благосклонна. В каждой семье юганских хантов имела деревянная статуэтка, изображающая богиню, которая передавалась по наследству, право ее хранения принадлежало исключительно женщинам. Статуэтку тщательно скрывали от посторонних глаз и держали в священном амбаре за юртами [ПМА]. В честь Анки-Пугос делали приклады – ткани и платки, которые помещались в специальном мешочке *тыхэ тохэ кырэх* – «мешок для священной матери» [ПМА].

В семантическом измерении свадьбы значимым является ритуальное дарение платка невесте женихом или его матерью, как символического выражения ее замужнего состояния и переходом в сферу воспроизводства. С платком связан еще один важный обычай – избегания – «*емьльты*» – закрывание девушкой лица от старших родственников мужа. «Закрывались только от старших родственников мужа, с младшими заигрывали. Платок придерживали зубами» [ПМА]. Выполнение данного обычая распространялся на хантыйских и мансийских девушек, ненецкие девушки выполняли его только в том случае, если выходили замуж в роды хантыйского происхождения (Салиндер, Тибичи, Нядангы, Пандо, Поронгуй, Неркыгы, Лар). В мировоззрении обских угров сокрытие головы и лица связано с чужеродностью женщины в семье мужа, стремлением обезопасить свой мир от возможного вредного воздействия чужого мира.

С момента замужества усложнялся комплекс традиционных женских обязанностей в хозяйственно – бытовой сфере. На женщине лежала ответственность в организации жилого пространства, обеспечение нормального функционирования семьи.

Ян Чеснов отмечает, что изначальная идея жилища как примирения с природой ассоциировалась с женщиной, свидетельством чему являются фигурки палеолитических венер, найденные в очажных ямах [Чеснов 1998: 178]. Наиболее ярким примером примирения дома с природой выступает кочевое жилище ненцев, селькупов и хантов-оленьеводов. Важно, что основную роль в закладывании чума играет женщина. Именно она изготавливает нюки для чума, ставит шесты, натягивает на них покрывки, на ее «поганных» нартах перевозятся доски для пола и очажный лист жилища.

Непосредственная роль женщины в организации жилого пространства реализуется в обязанности охраны домашнего очага. Широко известна очистительно-охранительная функция огня в самодийской и обско-угорской культуре, отношение к очагу как центру дома, основному оберегу семьи. Женщина заботи-

лась о дровах, ревностно следила за выполнением всех должных правил поведения по отношению к очагу со стороны остальных домочадцев. В очаг нельзя было бросать мусор, втыкать нож или топор, колоть его острыми предметами; запрещалось небрежно втыкать дрова, брать их грязными руками. В случае нарушения норм существовали наказания, нашедшие отражение в фольклоре. Женщина должна была защищать очаг от влияния всего стороннего, чужого, сохранять его индивидуальную принадлежность родному дому. Передача огня чужаку грозила ей болезнью.

С заботой о домашнем очаге, как залоге семейного благополучия, тесно связана обязанность женщины в воспитании детей. В обско-угорской традиции женщина – это, прежде всего, мать.

Кроме того, в круг традиционных женских работ включалась помощь мужу в его промысловой деятельности, переработка продуктов промысла (заготовка впрок пищи, выделка шкур животных, шитье одежды), сезонные занятия – собирательство ягод, заготовка крапивы и коры деревьев для изготовления циновок и утвари.

Семейно-родильная функция девушки, начинающаяся еще в стадии невесты, непосредственно реализовывалась в данный период, и знаменовала окончательное признание женщины в роли продолжательницы рода и оформление ее статуса в самодийском и обско-угорском обществе.

Время беременности правомерно выделить в самостоятельный период и рассматривать как один из важнейших этапов жизни женщины. В традиционном представлении рассматриваемых народов рождение новой жизни находилось в ведении определенной богини-жизнеподательницы. В основе имен всех богинь лежит слово – мать, что прямо указывает на главную их функцию – материнство. У ненцев сила жизнеподания представлена в образе богини *Я-Нюбя* – «Мать земли, Вселенская мать»; у обских угров – *Калтац Анки* – «Божественная Мать». Одной из ипостасей богини *Калтац-Анки* выступала *Анки-Пугос* («Пуповины мать») или *Пугос-лунг* (мать-дух), образ которой фигурировал в мировоззрении восточных хантов. По представлениям юганских хантов, Анки-Пугос имела двух дочерей *Пуус-Ими* и *Кыс-Тас*, проживающих на реке Малый Юган. Общим названием их было *Ай-нинки* «девчонки», которые посылают женщинам детей [ПМА]. Изображения богинь в виде двух деревянных куколок хранились в лабазе на священном месте, располагавшемся в юртах Ачимовых. Хранительницей куколок является одна из женщин юрт Ачимовых, которая меняется каждые три года. На священном месте богинь оставляли в качестве прикладов мелочь, бисер, чагу. Если у женщины не было детей, сестрам на Малый Юган отправляли мешочки с материалами, платками, а также женские мешочки для рукоделия – йиньт. Богиням полагалось дарить два платка и два йиньт. Дары и подарки Пугос делали через три – пять лет, т. к. при ежегодных дарах «и дети будут рождаться ежегодно» [ПМА]. Каждый месяц

при новой луне хранительницей куколок осуществлялось ритуальное очищение лабаза, для которого использовался дым от пихтовой коры и чаги. По словам информаторов, «женщины дым туда таскали» [ПМА].

Сам факт беременности был глубоко сакральным и тщательно скрывался от посторонних. Термин, употреблявшийся по отношению к беременной женщине – *«лаврта ювм нэ»* – «тяжелой ставшая женщина», указывает на особенность ее положения, в силу чего на беременную накладывалось выполнение ряда запретов. Такая осторожность была обусловлена стремлением скрыть беременную и ее плод от влияния злых духов, селькупы в этом случае говорили – «это не мы ждем ребенка, это другие». Особенно следили за тем, чтобы женщина ни в коем случае не вступала в связь с миром умерших, ей запрещалось не только посещать, но даже смотреть в сторону кладбища, тем более посещать похороны. Если женщина все же шла на кладбище, она должна была держать в кармане коробок спичек – частицу очага, оберегавшую ее. На время беременности ужесточались ограничения на все священное. Считалось, что прикосновение селькупской женщины к вещам шамана может вызвать затруднения в процессе родов, употребление в пищу мяса с передней части медведя грозило потерей молока. Хантыйским женщинам не позволялось есть жертвенную пищу, выделывать камус лося, готовить нити из его сухожилий, переступать через собаку, пинать ее, носить носки из собачей шерсти. Круг общения беременной резко ограничивался, она не бывала в многолюдных местах. С желанием оградить ребенка от возможного вредного воздействия, сохранить здоровье ее и ребенка было связано выполнение репродуктивного табу в период беременности. Мужу запрещалось проходить за спиной жены, считалось, что ребенок будет обернут пуповиной. Нужно отметить, что в случае выкидыша ответственность лежала на женщине, – «ребенка скинула – сама виновата» [ПМА].

Традиционные нормы жизни самодийцев и обских угров предписывали, что роды должны проходить в специально отведенных для этого помещениях – *«ай хот»* у хантов, *«мань кол»* у манси, то есть за пределами «своего пространства». У различных групп хантов, в частности у ваховских хантов, были известны специальные приспособления для родов, так называемые качели – в виде двух жердей с поперечной переладиной, – «Мама рожала, две жерди с поперечиной ставили. Потом сразу уносили, ломали. Если потугов нет, дочку звали. Руку в рот, чтобы потуги начались» [ПМА]. Чтобы обезопасить роженицу и ребенка от естественной нечистоты родов, повитуха *пуклан анки* очищала их – мыла водой чагой, окуривала дымом от пихтовой коры, чаги или оленьего мускуса [ПМА]. Первое время после родов (до отсыхания пуповины) мать с новорожденным находилась в ритуальной изоляции в помещении, где проходили роды. Женщина в это время не меняла одежду, ела из отдельной посуды. По окончании периода отчуждения ребенок и мать вновь очищались, *пуклан анки* относила в лес и подвешивала на дерево одежду роженицы» и колыбель.

Переход в последнюю возрастную группу определялся моментом прекращения у женщины периодических естественных очищений. Теперь женщина осознавалась как «очистившаяся», «отмытая», в связи с чем освобождалась от большинства запретов – имела право пересекать место за священным шестом «*сьмзы*», петь священные песни, рассказывать легенды о происхождении рода и мира, участвовать в жертвоприношениях, камланиях. Кроме того, женщина играла большую роль в воспитании подрастающего поколения, передаче опыта, обучении девочек традиционным женским видам работ, формировании определенной модели поведения, принятой в обществе, основных мировоззренческих установок, сохранении и передаче традиций молодому поколению. На том этапе статус «отмытой женщины» практически приравнивался к статусу мужчины, с ней советовались в принятии каких-либо важных решений.

Из всего сказанного следует, что в процессе перехода женщины в следующую возрастную группу она принимала на себя новые социальные роли («чистая» девочка, девушка, готовая к воспроизводству потомства, замужняя женщина – хозяйка и мать, «очистившаяся женщина», т.е. вышедшая из репродуктивного возраста). На первом этапе происходило первичное усвоение норм полового поведения, приобщение к основным видам женских работ.

Факт появления регулярных очищений являлся центральным моментом в процессе формирования социального и сакрального статуса девушки.

Функциональными и мировоззренческими доминантами, определяющими достаточно высокий статус женщины в семье и обществе, являлись ее способность к репродукции, воспитанию подрастающего поколения, а также владение всем комплексом традиционных обязанностей, обеспечивавших механизмы жизнедеятельности семьи.

Особое положение женщины в традиционном обществе и мировоззрении самодийцев и обских угров, подтверждает тот факт, что женщины играли важную роль в культовой практике (выступая, в частности, в качестве хранителей изображений богинь).

Однако в силу физиологических особенностей статус женщины в традиционной культуре был неоднозначен. С одной стороны, она наделялась репродуктивными свойствами, осознавалась продолжательницей рода, с другой – оказывалась опасной для окружающих, связанной с Нижним миром, миром мертвых.

Примечания:

- Белич И.В. 1999. История становления учебно-воспитательных учреждений для детей народов Севера (на примере северных самодийцев). Дисс. кан. ист. наук. Тобольск.
- Головнев А.В. 1995. Говорящие культуры: традиции самоедов и угров. Екатеринбург.
- Карьялайнен К.Ф. 1996. Особое положение женщины // Религия югорских народов. Т.3. Томск. С.177.
- Лукина Н.В. 1985. Формирование материальной культуры хантов (восточная группа). Томск.

- Мартынова Е.П. 1992. Образ Калташ-Анки в религиозной традиции хантов // Модель в культурологии Сибири и Севера. Екатеринбург. С. 74 – 84.
- Миненко Н.А. 1975. Северо – Западная Сибирь в XVIII – п.п. XIX вв. Новосибирск.
- Молданова Т.А. 2001. Архетипы в мире сновидений хантов. Томск.
- Перевалова Е.В. 1992. Эротика в культуре хантов // Модель в культурологии. Екатеринбург. С.91.
- Попова С.А. 2000. Традиционный праздник манси «уринэква хотал» – вороний день // Этнография народов Западной Сибири: Сибирский этнографический сборник. Вып. 10. М. С.212-223.
- Попова С.А. 2003. Обряды перехода в традиционной культуре манси. Томск.
- Рейнсон – Правдин А.Н. 1943. Игра и игрушка народов Обского Севера // СЭ. 1943. №3. С. 109-133.
- Руденко С.И. 1914. Иностранцы Нижней Оби: Этнографический очерк. СПб.
- Талигина Н.М. 2000. Обряды очищения женщин у сынских хантов // Народы Северо-Западной Сибири. Вып.8. Томск. С.99-100
- Тендрякова М.В. 1992. Мужские и женские возрастные инициации // ЭО. № 4. С. 29-41.
- Токарев С.А. 1964. Ранние формы религии. М.
- Федорова Е.Г. 1999. Путь человека (по материалам этнографии манси) // Время и календарь в традиционной культуре. Спб.
- Харючи Г.П. 2001. Запреты у ненцев (традиции и инновации) // Самодийцы. Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск-Омск. С.243.
- Чеснов Я.В. 1998. Лекции по исторической этнологии. М.

Михаил Атаманов

Из истории формирования этнолингвистических групп удмуртов. Арская группа

Арская* (другое название: *завятская* или *приказанская*) группа занимает особое положение в истории удмуртского народа: территориально она занимает крайне юго-западную часть удмуртской эйкумены, а по происхождению, судя по воршудно-родовому составу, едина с нижнечепецкой – слободско-косинской группой, живущей на крайнем северо-западе удмуртской эйкумены. По современному состоянию языка, национального костюма арские удмурты ближе к южным удмуртам, хотя, если заглянуть в глубь веков с привлечением более широкого сравнительного материала, то окажется, что белые холщовые свадебные платья у них находят самые близкие аналоги в праздничной одежде косинской и слободской групп северных удмуртов-ватка (см. Косарева 2000) и в языковом плане имеются ряд общих черт в говорах кукморско-шошминских (арских) и северных удмуртов-ватка (см. Кельмаков 1998; Карпова 1997:187-188).

Но с самого же начала следует указать, что арская группа состоит из двух подразделений: *кукморско-мамадышской* – удмурты, живущие в Кукморском и Мамадышском районах Татарстана, и *шошминской* (балтасинско-карлыганской) – удмурты, живущие в Балтасинском р-не Татарстана, Мари-Турекском р-не Марий Эл, Малмыжском р-не (правобережная часть Вятки) Кировской обл.; сюда же входит д. Лельвиж Кукморского р-на Татарстана. У этих подразделений отдельные говоры, свой воршудно-родовой состав, есть небольшие различия в одежде, фольклоре; свое самосознание: кукморские балтасинских соседей называют *бырвыльёс*, а те кукморских именуют тем же, не совсем ясным термином – *бырвыльёс*: *быр* > ?выр 'холм, возвышенность' + *выл* 'территория; поверхность' – 'горные; живущие на холмах и возвышенной местности'.

Брачно-родственные связи между этими группами были довольно редки; общественные моления также проводились отдельно, – исключение составило моление в Арске (Арче), куда собирались не только арские удмурты, но сюда приезжали из Южной и Центральной Удмуртии, выходцы из Арской земли. После захвата Арска войсками Ивана Грозного еще очень долгое время, вплоть до 30-х годов XX в., выборные люди приезжали на моления под Арск, например, в д. Казанбаш (см. Атаманов 2001:198-200).

На территории кукморско-мамадышского куста живут следующие воршудно-родовые группы: *Зумья* (в 17 населенных пунктах), *Уча* (11), *Нёрья* (1), *Чабья* (1), *Лёзя* (1), *Турья* (1). Сразу же оговоримся: воршудные группы Турья и Лёзя

---

* *арским* мы называем по названию земли и одноименному княжеству, где с древнейших времен жили удмуртские родо-племенные группы, которых тюркские народы края называли *арам*.

в д. Пойкино Мамадышского р-на, скорее всего, переселились с бассейнов рек Шошмы (пр. пр. р. Вятки) и Казанки (л. пр. р. Волги).

Судя по отворшудным топонимам, на территории Кукморского, Мамадышского и в прилегающих к ним Арского, Сабинского, Пестречинского, Рыбно-Слободского, Высокогорского районов, жили еще такие воршудно-родовые группы удмуртов: *Куарса, Поколь, Чабья, Кибья, Кõпка, Ырга, Дурга, Уля*. В ходе исторического развития часть носителей этих родовых имен переселилась на другие земли – в Удмуртию, на Урал, а многие, приняв ислам, отатарились. Новообращенные в ислам удмурты с началом крещения татар и других народов края легко переходили в православие. Они явились ядром формирования крещенской народности, особенно мамадышского-пестречинско-елабужской группы. Процессы христианизации и исламизации в среде удмуртов шли параллельно, вплоть до начала Октябрьской революции 1917 г.

По данным В. К. Кельмакова и других последователей, только в самом конце XIX и в начале XX вв. удмурты-язычники деревень Шемордан, Коинсар, Яньль, частично из Важашур, Починок Сутер, Нижняя Русь, Новый Кукмор современного Кукморского р-на, приняв ислам, отатарились (Кельмаков 1982:140). По данным Н. А. Бобровникова, только в течение XIX в. из 25 тыс. удмуртов, проживающих в Казанской губернии, 15 тыс. перешли в ислам, как здесь говорили, «вышли в татары» (Бобровников 1899:47). «Приняв ислам, постепенно поглощались татарами, в свою очередь внося ряд черт и не только физических, в самих татар. Эти процессы, по-видимому, шли с очень древних времен и продолжались, можно сказать, почти до настоящего времени» – пишет Н.И. Воробьев (Воробьев 1930:26).

Антропологический состав населения северо-западной части Татарии – Арского, Высокогорского, Атнинского, Балтасинского и других районов Казанья, – как пишет Х. Г. Гимади, – очень пестр и сильно отличается от районов средней полосы Татарии. Здесь преобладают типы, характерные для населения Удмуртской и Марийской АССР. «Нет сомнения, что на формирование физического облика татар северных районов Татарии заметное влияние оказали угро-финны, нынешние соседи казанских татар – удмурты и мари» Он считал, что болгарская культура выросла на базе древних культур Прикамья. (Гимади 1948:220-223-207). По данным антрополога Т.А. Трофимовой, 24,5% татар Поволжья имеет сублапоноидный тип, характерный для удмуртов и других финно-угров Волго-Камья. (Трофимова 1949:231).

Современные татарские языковеды-топонимисты: Г.Ф. Саттаров, Ф.Г. Гарипова, Л. Ш. Арсланов и другие – находят массу географических названий удмуртского происхождения во всех северо-западных районах Татарии, где ныне живут татары (Саттаров 1980; Гарипова 1976; Арсланов 1993).

По преданиям кукморских, мамадышских удмуртов, «их предки пришли из-под Арска (иногда: «из-под Казани», «с берегов Камы») лет 500 и более тому

назад; «*Арчалан удмурт эксэй пукиз*» (В Арске сидел (восседал) удмуртский царь); в Арче же было общеудмуртское моление; была война с татарами (или русскими) и удмурты ушли из-под Казани и Арска за Вятку, часть осталась на этой земле» (см. Атаманов 1997:80-109).

С. К. Кузнецов писал: «... под чисто татарским давлением удмурты подались на восток – в Мамадышский, Елабужский уезды Вятской губернии. На старых местах осталось всего 8-10 родов, из которых роды Юмья (Зумья) и Нырья (Нөрья), как хранители местной удмуртской святыни – священного *Быдз-ым Луда*, расположенного на древнем, обширном и обнесенном рвами городище, притом как роды многолюдные, образовавшие по несколько деревень, ни за что не хотели выселиться из родных пределов» (Кузнецов 1905). Данное утверждение соответствует только отчасти, ибо подавляющее большинство членов этих родовых групп ушло за пределы Татарии.

Территория Кукморского и Мамадышского районов как бы разделена между двумя крупнейшими удмуртскими воршудно-родовыми группами – *Зумья* и *Уча*.

Родовая территория *Зумья-выл* охватывает 17 селений Кукморского р-на, родовой деревней считается Старая Юмья – Вужгурт, которая стояла на этом месте уже в эпоху существования Казанского ханства; такими же древними являются Ошторма-Юмья, Верхняя Юмья, Старая Кня-Юмья, Верхний Кумор, образованные в конце XVI в. выходцами из Вужгурта – Старой Юмьи (см. Кельмаков 1982:142-143).

Следует сказать, что *Зумья* в среде 70 удмуртских воршудно-родовых групп по величине и по расселению занимает третье место, – ее следы выявлены в 86 населенных пунктах на территории 17 районов, – практически во всех регионах проживания удмуртов. Нижнекамско-поволжский регион был древней пратерриторией воршуда *Зумья*. Члены этого сильнейшего рода занимали главенствующее положение в жизни Арского княжества. После ее падения члены этого древнего воршуда расселились по всей удмуртской эйкумене. На территории Алнашского и Увинского районов им удалось создать новые родовые гнезда *Зумья-выл* (Атаманов 1982:90-94; 2001:53-58).

Родовая территория воршуда *Уча* – *Уча-выл* охватывает 8 селений Кукморского и 3 селения Мамадышского районов. История Учи во многом сходна с *Зумья-ей*. В более древние времена эта воршудно-родовая группа заселяла притоки нижних течений правобережья рек Вятки и Камы; еще в XV в. по Ногайской дороге, на р. Ирге и Яче имелись деревни под названием *Уча* (см. Чернышев 1971:277, 289). После падения Казанского ханства и Арского княжества, с началом карательных операций войск Ивана Грозного против восставшего населения Арской земли, многие учинцы ушли за Вятку, на Урал; немалая часть, оставшаяся на старой прародине учинцев, ассимилировалась в среде казанских татар.

На территории современного Можгинского и Малопургинского районов им удалось создать новые родовые гнезда – *Уча-выл*. По нашим данным, следы вор-

шуда *Уча* выявлены в 46 населенных пунктах на территории 17 районов, практически во всех регионах, где живут удмурты, за исключением Нижней Чепцы.

Со стороны Вятки – Мамадыша – к родовым гнездам *Ѕумья-выл* и *Уча-выл* примыкали селения одного из самых крупных и древних удмуртских воршудов – *Чабыя*. Его следы выявлены в 91 населенном пункте, практически у всех групп удмуртов. По величине уступает только воршуду *Пурга*, который населяет 171 населенный пункт, а по количеству районов расселения нет ему равных – встречается в 20 районах.

К сожалению, членов воршуда *Чабыя* на Нижней Вятке не осталось, за исключением нескольких семейств в д. Нижний Кузьмес Кукморского р-на; значительная их часть здесь отатарилась. Об этом говорят такие от-этнонимические названия татарских деревень, как *Новая Чабыя* в Кукморском р-не, *Старая Чабыя* в Мамадышском р-не, *Чабыя-Чурчи* в Сабинском р-не, *Чабыя* в Нижнекамском р-не, – во всех них ныне живут как татары-кряшены, так и татары-мусульмане. Но следует полагать, что основная масса чабынцев после политических катаклизмов в Поволжье, связанных с появлением тюрков и с образованием их государственных объединений – Булгарского государства, затем на ее руинах – Золотой Орды, потом – Казанского ханства, а в конце концов их разрушения, ушла с Нижней Вятки во все удмуртские регионы. Особенно этого воршуда много в бассейне Чепцы, в среде северных удмуртов-ватка.

Не исключено, что вместе с чабынцами на Чепцу ушли бесермяне (чуваши), ибо и те и другие жили вперемешку по Зюрейской дороге, которую еще иначе называли Чувашской. Исторические документы показывают, что эта загадочная народность – чуваша-бесермяне еще в XVII в. жила в д. Люга (8 дворов) и Малая Вошторма Кукмора на территории современного Кукморского р-на (см. Кельмаков 1982:136). В среде ясачных иноверцев, приписанных к корабельным работам, по второй ревизии в Казанской губернии числится 836 бесермян (см. Фирсов 1879:361-362).

Шошиминская группа удмуртов занимает более обширную территорию – Балтасинский и часть Кукморского районов Татарии, крайне южную завятскую часть Кировской обл., северо-восточный угол Марий Эл. Она еще более пострадала в Казанскую войну и в период разрушения Арского княжества. Здесь ни одному воршуду не удалось создать родового гнезда – *выл*, более того, здесь в каждой деревне живет отдельный воршуд, а есть селения, где живут 2-3 воршудные группы. Так, в д. Старый Кушкет Балтасинского р-на отдельными улицами расселены воршудно-родовые группы *Пышья*, *Салья*, *Чола*; в деревнях Верхний и Нижний Кетег Малмыжского р-на Кировской обл. живут семьи, принадлежащие к воршудам *Турья*, *Кöнка*, *Ѕатча*.

Среди балтасинских удмуртов еще в 70-е годы XX в. мне удалось почти в каждой деревне записать предания об Арске, об удмуртском царе (*эксэй*), о сражениях и отступлениях из-под Арска. Вопреки историческим свидетельствам,

в среде местных удмуртов держится мнение о том, что война была между татарами и удмуртами и что из Арска их предков вытеснили татары. Возможно, это еще отголоски более древних эпох, когда на берегах Волги и Камы появились первые тюрки и начались столкновения за место жительства.

Следует заметить, что несмотря на внешнюю смиренность, удмурт – в душе человек гордый, он не терпит подавления его «Я», он лучше все оставит, уйдет и скроется где-нибудь в глуши от глаз своего неприятеля, не будет лебезить перед ним, даже пойдет на самоубийство, но душой не будет кривить, не сдастся его обидящему просто так. Его скрытая обида живет до конца его жизни. Он своих обидчиков, будь то татарин или русский, будет неприязненно терпеть, но любви к ним не будет. Не случайно, в удмуртском фольклоре едва ли найдешь положительный образ представителей этих народов, не считая выдуманных произведений из эпохи дружбы народов. Возможно, этим можно объяснить появление рассказов о войне с татарами.

Шошминская группа удмуртов представлена такими воршудно-родовыми группами: *Лөзя* (живут в 4 селениях), *Пышья* (3), *Чола* (3), *Чабья* (3), *Чипья* (2), *Көнка* (2), *Жатча* (2), *Дурга* (1), *Уча* (1), *Салья* (1).

За заключением *Жатча* и *Көнка*, все воршудно-родовые группы шошминских удмуртов являются общими с северными удмуртами-ватка, особенно с нижнечепецкой группой, из них такие крупные воршудные объединения, как *Чола*, *Чипья*, *Чабья*, *Дурга* в среде калмезов не встречаются; *Чабья* и *Дурга* в среде южных удмуртов появились в очень позднее время – в XVII-XVIII вв. из Арской земли. Воршудные группы *Жатча* и *Көнка* фиксируются только в 2-х привятских деревнях шошминских удмуртов, они сюда переселились с левобережья, из среды южных удмуртов и калмезов довольно в позднюю эпоху.

Воршуды *Уча*, *Чабья*, *Дурга* являются общими с кукморско-мамдышской группой, т. е. общими для всей арской группы. В соседнем Арском р-не несколько татарских деревень: Корса, Нижняя Корса, Средняя Корса, Смак-Корса – в своем составе содержат удмуртский микроэтноним *Куарса*. В Высокогорском р-не имеется селение под названием *Уля*, восходящим к названию удмуртского воршуда *Уля* (<'пекарь').

По нашему мнению, арская группа удмуртов формировалась на основе пянборско-азелинского населения с включением полемско-чепецкого населения, переселившегося в VIII-IX вв. н. э. в Волго-Камье, например, воршудная группа *Уля*, основная территория формирования и жительства которой находится на Верхней Чепце. Без сомнения, были тесные связи с южными удмуртами, проникали сюда и калмезы. Так, перепись 1781-82 годов фиксирует гидроним *Калмес* в бассейне р. Казанки (л. пр. р. Волги), на территории современного Арского р-на.

Без сомнения, в состав арских, как и южных удмуртов, в большом количестве влились бесермяне (чуваши), поселения которых фиксируют документы

еще XVII-XVIII вв. В среде нижекамско-нижневятского населения шло обудмуртивание этого крупного и до сего времени загадочного этноса, жившего совместно с удмуртами в составе Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства. В середине II тыс. н. э. вместе с нижневятскими удмуртами и с омусульманившимися арскими князьями по невыясненным нами причинам берсеряне переселяются на Нижнюю Чепцу, в среду слободских удмуртов, а оставшаяся часть ассимилировалась в среде татар и удмуртов.

Древнейшие памятники арских удмуртов, соотносимые с азелинской культурой, расположены по нижнему течению рек Вятки и Камы, вплоть до среднего течения Волги, например, городища; Гремячключинское, Черепашье, Тарасова Пристань и др., могильников: Нармонский, Усть-Брыскинский, Рождественский, Гремячкинский, Айшинский и др.

В районах распространения азелинских памятников, даже на правом берегу Волги и левобережье Камы, в пределах бывших Свияжского, Цивильского, Чистопольского и других уездов, по рекам Свияге, Шешме сохранились географические названия, связанные с *удмуртами-арами-отьяками (вотьяками)*. Так, в книге «Акты исторические и юридические и древняя царская грамоты Казанской и других соседственных губерний, собранные Степаном Мельниковым» (т. 1, Казань, 1859) находим такие сообщения: «... а от Волги реки по суходолу... до речки *Отяка* (курс наш – М. А.)», «... стоит на большой Шешминской дороге... за Ошу реку, на *Воцкой лог* (курсив наш – М. А.), а с того логу черным лесом на старую *Ошу*, а та *Оша* река впала в Шешму реку», «... а та речка *Отяк* впала устьем в исток Подгорного озера» (с. 112-113; 164; 161). Кстати, гидроним *Ош* тоже имеет древнеудмуртские корни – во всех древних территориях расселения южных удмуртов и калмезов мы находим названия с этим апеллятивом: *Ошма, Ошторма, Ошлань, Ошняк, Ошнюк, Ошмос; Ош-Ош* по-удмуртски звучит река Иж; этот же апеллятив входит в состав гидротермина *ошмес (ош+мес)* 'родник, ключ.

В «Сказании о царстве Казанском» (М., 1959) также находим упоминание этнопотонима, связанного с удмуртами: «Воеводы же преидоша поле великое многими денми, а не ведающе побитых людей на Волге, и внидоша в землю Казанскую, и приближишася к речке Свияге, на поле *Отяково*» (курсив наш – М. А.) (глава 18, с. 53). С *поля Отякова* началась осада войсками Ивана Грозного Казанской крепости. Кстати, в Казани имеется и *Арское поле*.

Известный татарский топонимист Г. Ф. Сатаров пишет, что этноним *отяки*, превратившись в гидроним *Отяк* (речка, впадающая в Волгу около Буртасовского затона) и в названиях населенных пунктов Зеленодольского р-на, сохранился до наших дней: в нижнем течении р. Свияги расположены татарские деревни *Утяк на Свияге, Большой Утяк* (офиц. Городище), *Малый Утяк* (офиц. Тенибеково) и русская деревня *Утяково* (Сатаров 1969:187). Без сомнения, *утяк* – это татаризованная форма русского названия удмуртов* *отяк>вотяк*.

В Чистопольском уезде находим такие названия деревень: *Утяково* при речке Бахте; *Малое Утяково* при речке Шентале; Вершина речки Емшанки (*Вотьяково*) при безымянном ручье (Список населенных мест по сведениям 1859 года. – СПб, 1866. – С. 170)

Поселения древних удмуртов-аров доходили до восточных пределов Чувашии. Так, в бывшем Цивильском уезде выявлен гидроним *Ар*, в Свяжском – *Глухой Ар*, в Чебоксарском уезде имелась деревня *Ар-касси*, в Козьмодемьянском – *Ар-Сентер*.

Известный татарский историк, богослов, ученый широкого профиля Ш. Марджани сообщает очень интересный, но не совсем ясно и отчетливо раскрытый факт: в чувашском селе Хужа Хасан (Хужа Сан), население которого даже после принятия христианства говорило *на арском* (курсив наш – М. А.) и тюркском языках, хотя одежда и обычаи их остались чувашскими (см. Юсупов 1981:202).

До какого времени *ары-отяки-удмурты* жили и говорили на родном удмуртском (арском) языке на правом берегу Волги и левобережных районах Прикамья? Исторически (археологически, этнографически), лингвистически эта проблема никогда не решалась и даже не поднималась. Только куцые, фрагментарные, но интереснейшие сведения мы получаем из материалов переписей, исторических документов и из работ дореволюционных авторов. Современные казанские ученые к ним не прикасаются. Ищут легендарных угров, самодийцев, древних тюрков, славян и другие этносы, но не древнейших обитателей Волго-Камья – удмуртов. Есть все сведения об их жительстве в Волго-Вятском междуречье и Нижнем Прикамье – археологические, антропологические, этнографические, лингвистические (в первую очередь, топонимические), народные предания, исторические документы.

Счастливым исключением являются работы топонимистов – специалистов по языку Земли, – из Чувашии, Марий Эл, Удмуртии, Татарии в лице М. Р. Федотова, И. С. Галкина, Д. Е. Казанцева, Ф. Г. Гариповой, Г. Ф. Саттарова, Л. Ш. Арсланова, изучающих географические названия Чувашии, Марий Эл, Заказанья и Закамья.

Многие десятки этнопонимов *Ар*: (*Арск (Арча), Арбаи, Артаи, Ар елга-лары, Ар чиммэлэре, Ар болыннары, Ар урамы, Ар таулары, Ар зираты* и др. охватывают все прикамские районы Татарии, доходят до Приуралья (см. Саттаров 1969:162-196; Гарипова 1975; Атаманов 1997). Причем, они встречаются там, где ныне нет уже удмуртов, молодому поколению уже не известен сам этноним «ар». Тем не менее, это наиболее убедительные факты, свидетельствующие и подтверждающие наши выводы.

Н. А. Спасский, как и другие дореволюционные ученые-краеведы, с горечью писал: «В XIV, XV, XVI веках вотяки или ари заселяли нынешние Казанский, Мамадышский и отчасти Царевококшайский уезды; был народ *ари, Арская волость, Арский городок*, с которыми имели дело воеводы царя Ивана Гроз-

ного. Но магометанство поглотило вотяков, переименовав их в татар»; в Казанской губернии от многих вотских селений остались лишь названия *Ари, Арск, Арино, Арбан* и т. п. (Спасский 1913:40; 134).

Многочисленные археологические памятники – городища (*кар*), селища (*гуцин*), могильники (*шай*) Волго-Камского региона разных эпох – от ананьино до позднего средневековья, имеющие четкие этнодифференцирующие признаки – лепную круглодонную керамику, содержащую в своем составе толченную ракушку; погребения (труположения) в неглубоких ямах с преобладающей северной, реже западной или восточной (в зависимости от родовых традиций) ориентировкой, с сопровождающим инвентарем, жертвенным комплексом, – связаны с далекими и близкими предками удмуртского народа.

Вещевой материал, погребальные традиции населения нижекамско-поволжского региона первой половины I тыс. н. э. находят наиболее близкие аналоги в худяковско-азелинских памятниках Вятки, а также в полемско-чепецких памятниках Северной Удмуртии, в пьяноборско-чегандинских и последующих за ней археологических культурах Камско-Бельского бассейна I тыс. н. э., вплоть до середины II тыс. н. э. Это и закономерно, ибо создателями тех древних и самобытных культур были ананьинские и последующие за ней пьяноборские племена, явившиеся основой формирования всех этнолингвистических групп удмуртов. В середине I тыс. н. э. с берегов Камы и Волги азелинские племена, предки арских удмуртов, были оттеснены пришлыми именковскими племенами в глубинные, таежные районы Волго-Вятского междуречья. В конце I тыс. н. э. на берегу р. Казанки, л. пр. р. Волги постазелинские племена создали укрепленный племенной центр, который стал известен арабским путешественникам, миссионерам под названием *Арса-Арта-Артаб-Арсай* (ср. рус. *Арск, Арский городок*; тат. и удм. *Арча*). В период расцвета Волжской Булгарии удмурты-ары находились в подчинении этого государственного образования и платили в их казну джизью. По преданиям кукморско-шошминских (арских) удмуртов, по сообщениям арабских источников в Арсе-Арче «сидел» их царь (*удмурт эксэй*). Даже из такой дали, как вавожский Дёкъя-выл, расположенный на берегах р. Валы (бассейн р. Кильмези), судя по преданиям, их предки ходили на общественные моления и к царю в Арск (*Арча сюрес кузя* 'по Арской дороге').

Как пишет известный историк Поволжья, автор книги «Очерки истории Казанского ханства» (Казань, 1923) М. Г. Худяков, в составе Казанского ханства существовало удельное Арское княжество. Ни одно важнейшее событие в ханстве не проходило без участия арских князей, особенно это ярко проявилось в дни Казанской войны с русскими войсками. Местные инородческие князья входили в состав признанной знати Казанского ханства; имена некоторых из них упоминают русские летописи эпохи Казанской войны: *Богодан, Яеуи* (Худяков 1923).

В последний и решающий период войны с Казанским ханством Иван Грозный, прежде чем приступить к осаде Казани, послал три лучших полка к Арско-

му городку для защиты своих тылов. Это было 6 сентября 1552 г. Через два дня после ожесточенных боев Арская крепость пала: 5000 оставшихся в живых защитников крепости, в том числе 12 арских князей, были уведены в плен для принятия присяги на подданство Русскому государству; многие аряне были умерщвлены. В 1553 г. вспыхнуло мощное восстание в Арской (удмуртской) и Луговой (марийской) стороне. С 1553 вплоть до конца 1557 года шли карательные походы русских войск на Арскую землю, пока народное восстание не было потоплено в крови и оставшаяся в живых часть не бежала в таежные завятские, закамские, приуральские леса. В конце XVI – начале XVII вв. этнонимы *Вотяки* ~ *Отяки* появились даже на севере Пермской области, на западе Свердловской области.

В этот тяжелейший период в истории удмуртского народов начались массовые переселения удмуртских воршудно-родовых групп всех удмуртских регионов. В результате этих переселений опустели одни территории, например, южная и центральная часть Арской земли, районы по Вятке, особенно вокруг Хлынова, Котельнича, Уржума, зато образовались новые, особенно в Приуралье: буйско-таныпский, татышлинский, илишевский, красноуфимский кусты, со своими говорами и диалектами.

Интересно заметить: воршудно-родовые группы кукморско-мамадышского ареала для переселения большей частью избирали завятские земли, территорию современных южных и центральных районов Удмуртии. Известны и их имена: *Ѕумъя*, *Уча*, *Нёръя*, *Поколь*, *Ырга*, *Куарса*, *Кибъя*. Конечно, не все воршудно-родовые группы дожили до наших дней, многие погибли в горниле войн, а оставшаяся часть ослабевших родовых групп ассимилировалась в среде татар. Во многих названиях татарских аулов: Арского, Сабинского, Мамадышского и других северо-западных районов Татарстана – отразились и сохранились воршудно-родовые имена удмуртов, например: с. Верхняя Корса ~ тат. Югары Курса (<*Куарса*) Арского р-на; с. Улля (<*Уля*) Высогорского р-на; с. Ципья ~ тат. Чепья (<*Чипья*) Балтасинского р-на; с. Копки ~ тат. Купка (<*Кöпка*) Кукморского р-на; д. Новая Ырга ~ тат. Яна Ырга (<*Ырга~Урга*) Рыбно-Слободского р-на; д. Чабья-Чурчи (<*Чабья*), д. Пукаль (<*Поколь*), с. Большие Кибя-Кози (<*Кибья*) Сабинского р-на и многие другие названия.

К настоящему времени остатки того древнего, легендарного населения нижнекамско-средневолжского региона, потомков пьяноборско-азелинских племен, создателей Арского княжества, разгромленного в середине XVI в. войсками Ивана Грозного, живут на северной окраине того княжества, – более чем в 70 населенных пунктах Балтасинского, Кукморского, Мамадышского районов, Татарии, Мари-Турекского р-на Марий Эл и юга Кировской области.

Литература:

Арсланов Л. Ш., Казаков Е. П., Корепанов К. И. Финны, угры и самодийцы в Восточном Закамье (III в. до н. э. – XIV в. н. э.). Елабуга, 1993.

- Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье. Казань, 1984.
- Атаманов М. Г. История Удмуртии в географических названиях. Ижевск, 1997.
- Атаманов М. Г. По следам удмуртских воршудов. Ижевск, 2001.
- Бобровников Н. А. Инородческое население Казанской губернии. Казань, 1899. – Вып. I. – С. 45-57.
- Воробьев Н. И. Материальная культура казанских татар. Казань, 1930.
- Гарипова Ф. Г. Гидронимия Заказанья Татарской АССР (бассейнов рек Ашит, Казанки, Мёши, Шошмы): Автореферат канд. дис. Казань, 1975.
- Гарипова Ф. Г. Финно-угорский пласт в гидронимии Заказанья Татарской АССР // Материалы IV конференции молодых научных работников. Казань, 1976. – С. 128-130.
- Гимади Х. Г. Народы Среднего Поволжья в период господства Золотой Орды // Материалы по истории Татарии. Казань, 1948. – С. 185-225.
- Гришкина М. В. Удмурты: этюды из истории IX-XIX вв. Ижевск, 1994.
- Карпова Л. Л. Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка. Тарту, 1997.
- Кельмаков В. К. К истории удмуртов Правобережья Вятки // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1982. – С. 128-144.
- Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии. Ижевск, 1998.
- Косарева И. А. Традиционная одежда периферийных групп удмуртов. Ижевск, 2000.
- Кузнецов С. К. Общинные порядки у вотяков Мамадышского уезда Казанской губернии // Этнографическое обозрение, Москва, 1904. – №4. – С. 24-49.
- Населенные пункты Республики Татарстан. Казань, 1997.
- Саттаров Г. Ф. Топонимия края и некоторые вопросы этногенеза казанских татар // Татар тел белеме мэсьэлэре. II китап. Казань. 1969. – С. 162-196.
- Саттаров Г. Ф. Этнотопонимы Татарии // Советская тюркология. Баку, 1980. – № 1. – С. 32-49.
- Сказание о царстве Казанском. Москва, 1959.
- Спасский Н. А. Очерки по родиноведению. Казанская губерния. Казань, 1913.
- Список населенных мест Казанского уезда с кратким их описанием / Составитель Износков И. А. Казань, 1885.
- Старостин П. Н. Этнокультурные общности предбулгарского времени в Нижнем Прикамье // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. – С. 37-54.
- Трофимова Т. И. Этногенез татар в свете данных антропологии // Труды Института этнографии АН СССР. – III 7. – М. – Л., 1949.
- Фирсов Н. А. Инородческое население прежнего Казанского ханства в новой России до 1762 г. – Казань, 1869.
- Худяков М. Г. Очерки истории Казанского ханства. Казань, 1923.
- Чернышев Е. И. Селения Казанского ханства // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. – С. 272-291.
- Юсупов Г. В. Булгаро-татарская эпиграфика и топонимика как источник исследования этногенеза казанских татар // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. – С. 217-231.
- Юсупов М. Х. Шигабутдин Марджани как историк. Казань, 1981.

Леонид Арсланов

Финно-угорские элементы в топонимии Альметьевского района Республики Татарстан

Топонимия Альметьевского района в основном представлена названиями тюркского и славянского (русского) происхождения. К тюркскому пласту можно отнести, например, названия населенных пунктов (ойконимы): Альметьево (Элмэт), Абдрахманово (Абдрахман), Маметьево (Мэмэт), Кульшарипово (Колшэрип), Ак Чишма, Байлар, Бикасаз, Ирекле, Юкеле и др. Большая часть названий населенных пунктов славянского происхождения по происхождению являются антропонимами: Васильевка, Борискино, Владимировка, Новотроицкое, Петровка, Каменка, Полянка и др.

В формировании топонимической системы Альметьевского района принимали участие и финно-угорские народы, следы пребывания которых обнаруживаются в гидронимах, оронимах и ойконимах. Среди них выделяются пермские, поволжско-финские (мордовские, марийские) и угорские элементы. К пермским (удмуртским, коми-зырянским, коми-пермяцким) топонимам мы относим ойконимы Новое Каширово (Яна Кешер), Нолинка, гидронимы Вятка, Шушма. Гидроним Эрьзя, ороним Мукшы чокыры (Мокшинский овраг), название Мукшы Эрэмесе (Мокшинская Урема), ойконим Кэлэй (Калейкино) оставили, как мы полагаем, представители мордовского этноса (мордва-мокши и мордва-ерьзи).

Название же татарской деревни Чупаево (Чупай) и речки Чупай мы связываем с марийцами – переселенцами.

Новое Каширово (Яна Кешер) – на р. Урсала правого притока р. Степной Зай. Деревня известна с 1747 года (1, с. 53). Судя по первому компоненту, деревню основали, по-видимому, татары из д.д. Старый Кашир (Иске Кашер), Средний Кашир (Урта Кашер) Сармановского района Республики Татарстан. Компонент Кэшер состоит из двух топооснов: кэ «камень» + шер (шур, шор) «речка», «река». Близкий в фонетическом отношении ойконим Кушэр (Кошар) имеется в Атнинском районе Республики Татарстан. Вариант Кишер встречается в Коми Республике. По мнению Г.Ф. Саттарова, название Кэшер обозначает «каменка», «каменистая река» (Гашлы елга) (2, с. 212-213). Ойконим Кэшер мы считаем относительно древним и оставлен пермским этносом.

Нолинка – название русской деревни. Основана в начале XX века. Топонимические параллели представлены названиями д. Нолинка Менделеевского района Республики Татарстан и районным центром Нолинка одноименного района Кировской области.

Шушма – название реки, левого притока Камы. Гидронимическая параллель Шушма (Шошма) – правый приток Вятки – имеется в Кировской области и в Балтасинском, Арском районах Республики Татарстан. Гидроним состоит из хант., манс. шош «ручей» + ма (ва) –«речка» (3, с. 80). Название дали, возможно, татары

– переселенцы с реки Шушма во время освоения закамских земель в связи со строительством Закамской защитной линии во второй половине XVII века.

Вятка – название речки, правого притока р. Шешма у д. Самарканд. Название Вятка, по мнению большинства исследователей, связано с удмуртским микротопонимом Ватка. Этимология этнонима восходит к тотемическому имени древних удмуртов. Она связана с удмуртским вад «выдра», диал. бобр + ка аффикс (4, с. 19, 20).

В топонимии Альметьевского района оставили след и марийцы. О проживании марийцев на территории района свидетельствуют и данные С.И. Матвеева «По справке губернской канцелярии... переписанными подушными книгами... написаны в подушной оклад, а именно в д. Буга Черемис шестнадцать». Это было в 1733 году (5, с. 14).

О былом присутствии марийцев на территории района напоминает название татарской деревни Чупаево (Чупай) на р. Чупаевка (левый приток р. Кичуй). Известна с 1747 года. Первоначально деревню основали, по всей вероятности, переселенцы марийцы из д. Чупаево Мензелинского уезда, которые оставили деревню и обосновались в марийской деревне Чупай (Чопай) Недыровской волости Казанской дороги Уфимского уезда (6, с. 25).

Во второй половине XVI – первой половине XVIII веков часть марийцев переселилась с поволжских уездов на башкирские земли... Марийцы припущенники проживали в селениях Недыровой волости Казанской дороги. Так, в команде старшины Ю. Янтемирова Недыровой волости отмечена марийская деревня Чопаево. Топонимические параллели представлены названием марийской деревни Чупаево (Чупай) на р. Мушуга Мензелинского, названием русской деревни на правом притоке р. Юкачи, бассейна Вятки и названием речки Чупай елгасы в д. Шадчи Мамадышского районов Республики Татарстан. Аналогичное название Чупай (Чопай) имеется в Марий Эл. Из пяти деревень под названием Чупай в трех живут марийцы.

В топонимии Альметьевского района представлены и топонимические элементы мордовского происхождения. К ним мы относим следующие.

Эрзя – название речки на автомобильной дороге Набережные Челны – Альметьевск недалеко от д. Верхний Акташ, заселенной мордовским населением.

Мукшы чокыры (Мокшинский овраг) на территории д. Маметьево. Мукшы эрэмэсе (Мокшинская урема) в д. Кама Исмагилово (7, с. 42).

Названные выше микротопонимы возникли, надо полагать, на рубеже XVII – XVIII вв. в связи с переселением части мордовского населения в Закамье вместе с татарами – мишарями из Темниковского, Алатырского и других уездов.

С мордовским этносом связано, возможно, название д. крещённых татар Калейкино (Колей). Село основано в первой половине XVIII в. (8, с. 51). По данным И.Р. Габдуллина, татары д. Калейкино были крещены в первой половине XVIII в. Они сначала проживали в д. Акташ Альметьевского района. После крещения были переведены в д. Калейкино (9, с. 68). Деревню Калейкино основали, на наш взгляд, выходцы из д. Каляй Темниковского района Мордовии. Среди переселенцев наряду с татарами-мишарями могла быть и мордва, которая в силу определенных социально-политических причин отатарилась.

Деревня Каляеве отмечена в Темниковском уезде, в которой живет мордва – мокша. И.К. Инжеватов название Каляй связывает с дохристианским именем Каляй (10, с. 68).

Случаи обрусения мордвы, отатаривания чувашского этноса были нередки в Восточном Закамье, в частности, и на территории Альметьевского района (11, с. 124-125).

К финно-угро-самодийскому элементу следует отнести название речки Кичуй, ойконимы – название русской д. Кичуй, татарской д. Кичучат (Кичучатово).

Гидроним Кичуй, по мнению Р.И. Куряевой «состоит из двух компонентов: венг. ко «камень» + самод. чу «река» (12, с. 79).

Следы пребывания марийцев, мордвы, удмуртов подтверждаются материалами П. Ерусланова (13), З. Рахимова (14, с. 86; 15, с. 142 – 146; 16, с. 193).

Таким образом, в формировании топонимической системы Альметьевского района принимали участие и носители финно-угорских языков: марийцы, удмурты, мордва – мокши, мордва – эрзи (17, с. 42 – 43).

Примечания:

1. Населенные пункты Республики Татарстан. Казань, 1997.
2. Сагтаров Г.Ф. Атамалар доньясына сзяхэт. Казань, 1992.
3. Арсланов Л.Ш. Казаков Е.П., Корепанов К.И. Финны, угры и самодийцы в Восточном Закамье (III в. до н.э. – XIV в н.э.) Елабуга, 1993.
4. Атаманов М.Г. Удмуртская ономастика. Ижевск, «Удмуртия», 1988.
5. Матвеев С.И. О крещёных инородцах Уфимской Епархии. Уфа, 1910.
6. Иванов А.Г. Марийцы Поволжья и Приуралья. Йошкар-Ола, 1993.
7. Сагтаров Г.Ф. Финно-угорские этно- и антропотонимы Татарии // Советская тюркология. № 1, Баку, 1990.
8. Населенные пункты Республики Татарстан. Казань, 1997.
9. Габдуллин И.Р. Движение крещёных татар по возвращению в ислам в Альметьевском районе // Альметьевский регион: проблемы историко-культурного наследия. Тезисы выступлений научно-практической конференции. Альметьевск, 1999.
10. Инжеватов И.К. Топонимический словарь Мордовской АССР. Саранск, Мордовское книжное издательство, 1987.
11. Эхмэтжанов М.И. Элмэт тебэге эпитафиялэре // Альметьевский регион: проблемы историко-культурного наследия. Тезисы выступлений научно-практической конференции. Альметьевск, 1999.
12. Куряева Р.И. Взаимосвязь между гидронимами и ойконимами бассейна р. Казанки // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Труды международной конференции в 3-х томах. Т.1, Казань, 1992.
13. Ерусланов П. Эрвел мари да тудын йылмыже. Черемисско-русский словарь восточного наречия // Ончыко. № 3, Йошкар-Ола, 1992.
14. Рехимов Ж. Шегер авылы // Мирас. № 12, 1992.
15. Рехимов Ж. Нефть ягы авыллары // Мирас. № 7, 1993.
16. Рахимов З. Шугур – край соковиц. 1997. ТОО «Стар».
17. Арсланов Л.Ш. Следы пребывания марийцев в Восточном Закамье // Финно-угроведение. № 1, Йошкар-Ола, 1997.

Раиса Иванова, Евгений Казаков, **Вера Шаландина**

Характеристика стратиграфических слоев Приустьевского Закамья с использованием археологических и биологических методов

Один из богатейших регионов Европы по биоресурсам расположен при слиянии рек Волги и Камы. С глубокой древности здесь проживали племена собирателей, рыболовов, охотников, скотоводов и земледельцев. Они оставили сотни памятников различных эпох. Особенно насыщен древними памятниками южный угол, разделяющий Волгу и Каму в Спасском районе¹. Здесь в низовьях р.Ахтай у с.Измери, начиная с 1964 г., проводились исследования десятков памятников, катастрофически разрушаемых Куйбышевским водохранилищем. Среди них уже смытое городище «Девичий городок», Измерское селище – важнейший памятник волжских болгар и др.

Под воздействием штормовых волн в этом районе края надпойменных террас в настоящее время на протяжении многих километров представляют собой береговой обрыв высотой от 4 до 10 м. В нем четко прослеживается природная стратиграфия: чернозем – до 100 см, слой переходный от чернозема к суглинку – до 110-120 см. Ниже идет материковый суглинок.

При многолетнем исследовании археологических памятников в этом районе, в том числе при широких раскопках, четко определена колонка залегания культурных слоев. Так, в слое материкового суглинка на глубине 150-160 см спорадически встречаются кости мамонта эпохи палеолита. В слое, переходном от чернозема к суглинку, на глубине 110-130 см отмечены находки костей животных и кремневые изделия эпохи мезолита. Керамика срубной культуры эпохи бронзы, относящаяся к середине II тыс. до н.э., встречена в слое чернозема на глубине 80-90 см. На глубине 60-70 см, также в слое чернозема, отмечены предметы раннего железного века. На глубине 40-45 см фиксируются находки именковской культуры VI-VII вв. н.э. И всего на глубине 30-35 см отмечается слой булгарского времени XI-XII вв. н.э.

По всем этим слоям была произведена выборка грунта и на биофаке КГУ выполнены работы по выявлению споро-пыльцевого состава в соответствующие периоды.

В спектрах, соответствующих палеолиту, преобладание пыльцы травянистых растений над древесными свидетельствует о лесостепном типе растительности. В группе пыльцы деревьев преобладает пыльца березы и широколиственных пород. На водоразделе северо-запада Закамья росли широколиственные леса с доминированием дуба и в меньшей мере березы повислой, в понижениях рельефа – березы пушистой. Сходная растительность существовала в микулинское межледниковье (зона М₄ В.П. Ричука). Район запада Закамья от центра

Русской равнины, где история растительности в плейстоцене подробно изучена, отличался отсутствием граба в широколиственных лесах. Небольшие острова лесов чередовались с открытыми пространствами с мезофильными разнотравно-злаковыми ассоциациями.

Спектры мезолитических слоев памятника также лесостепного типа. От предыдущих спектров они мало отличаются содержанием пыльцы основных лесообразующих пород. В палеолитических спектрах среднее содержание пыльцы березы 59,7%, широколиственных пород – 31,8%, в мезолитических спектрах – соответственно 58,1% и 31,4%. Климат раннего голоцена (бореальный период схемы Блита-Сернандера) считается сухим. Вероятно, свидетельством этого является усиление эдификаторной роли дуба – обычной лесообразующей породы лесостепи и роли полыни – растения, распространившегося в северные районы из пустынной зоны. В составе лесных формаций мезолитического времени повышается роль и других широколиственных пород – вяза обыкновенного и ольхи серой. Травянистые фитоценозы были представлены в то время полынно-разнотравными ассоциациями.

О сильной обезлесенности запада Закамья в эпоху неолита свидетельствует соотношение пыльцы древесных и травянистых растений, хотя благоприятные климатические условия первой половины среднего голоцена должны были способствовать распространению лесов, судя по содержанию пыльцы, обильно разрастался орешник. Травянистый покров стал мезофильнее: преобладали разнотравно-злаковые ассоциации.

Спонтанное восстановление лесов (за счет липы) в районе памятника наблюдается в эпоху бронзы. В травянистых ценозах преобладают разнотравные ассоциации и полынные группировки.

Споро-пыльцевые спектры эпохи железа отличаются максимальным за все время (палеолит – современность) содержанием пыльцы дуба. Вероятно, это – один из пунктов тех коренных дубрав Закамья, которые М.В.Марков в 40-х годах обнаружил всего в 8 районах Закамья. Распространение, очевидно, получили и агрофитоценозы, непременным компонентом которых был василек синий.

В период существования болгарского государства данный район располагался в зоне интенсивной хозяйственной деятельности человека. Известно, что в южных районах человеком для хозяйственных нужд выбирались предпочтительно широколиственные породы: в спектре болгарского времени – пониженное содержание пыльцы широколиственных пород и, в первую очередь, дуба. Линияки, по-видимому, вторичного происхождения (в предыдущем спектре пыльца липы отсутствовала). Часть открытых пространств была занята марево-полынными группировками, другая – разнотравьем.

Ландшафты района исследуемых памятников отличаются от той картины развития растительности, которая получена по данным изучения торфа. Ближайшим разрезом торфяных отложений является разрез у д.Арбузов Баран Аль-

кеевского района, он является эталонным для запада Закамья. Различия в развитии растительности в значительной степени объясняются антропогенным влиянием в рассматриваемом районе.

Полученные результаты открывают уникальные возможности вычисления скорости образования чернозема и глинистых напластований в зависимости от изменения природных условий в различные исторические эпохи. Новые данные получены по характеристике хозяйства древнего населения. Так, биолог КГУ Р.Г.Иванова,, определив состав зерна из хозяйственной ямы имениковской культуры, относящейся к периоду Первого Тюркского каганата, отметила, что рожь составила 12,27%, ячмень двурядный – 5,34%, полба двузернянка – 63,39% и пшеница мягкая – 19%.

Приведенные здесь лишь в тезисном варианте результаты свидетельствуют о перспективности дальнейшего совместного сотрудничества специалистов различного профиля для исследования уникального в природно-историческом отношении приустьевое Закамья.

Примечания:

¹ Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье. Казань, 1986.

Критика и библиография

Таисия Останина

Рецензия на книгу «История Удмуртии (конец XV – начало XX века)». Ижевск, 2002 г.

Рецензируемая работа состоит из «Введения», двух крупных частей, хронологическим рубежом которых является Великая реформа 1861 г. Они, в свою очередь, разделены на 9 глав общим объемом 38 п. л. Актуальность написания фундаментального труда по истории Удмуртской Республики на сегодняшний день очевидна. С одной стороны, единственная научно-популярная книга «Очерки истории Удмуртской АССР» (Ижевск, 1958) на уровне современных знаний морально устарела и является библиографической редкостью, с другой стороны, в краеведческой и преподавательской работе школ и вузов УР ощущается острая необходимость в разработке подобного типа исследовательского труда. Здесь важно отметить и резкий рост интереса к истории края у широкого круга читателей, наметившийся в начале XXI века. За более чем 40-летний период от написания «Очерков...» выявлен огромный источниковедческий материал, защищены диссертации по различным проблемам истории Удмуртии, написаны монографии и множество научных статей, поэтому назрела необходимость все имеющиеся данные ввести в единую систему историко-краеведческих знаний.

Опираясь на труд своих предшественников и на свои собственные исследования, научные сотрудники отдела истории Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН, доктор исторических наук М.В. Гришкина и кандидат исторических наук Н.П. Лигенко, на наш взгляд, успешно справились с этой задачей. Исторический материал подается авторами в хронологическом порядке в едином литературном стиле, согласно хорошо разработанной структуре каждой части, главы. Во всех хронологических этапах, а их определено 4, присутствуют сквозные темы: «Население», «Органы управления», «Социально-экономическое развитие», «Подать и повинности», «Классовая борьба». При этом авторы умело вводят в текст новые темы, раскрывающие изменения в обществе и своеобразии региона.

Помимо хорошо уже отработанного исторического материала, авторы впервые вводят в текст книги много нового, полученного ими в результате длительных научных изысканий.

Впервые в изучении истории удмуртского края XV-XVI вв. так полно и логично прослежен процесс вхождения всех групп удмуртов в состав Русского централизованного государства, а также дано описание последующих событий (ряда вооруженных выступлений против русских войск). В раскрытии данной, довольно щепетильной темы, автор не навязывает свою точку зрения на оценку этого сложного периода в истории удмуртского народа. Читатель сам на приведенных в книге исторических фактах решает вопрос, каким образом вошли уд-

мурты в состав Русского централизованного государства (добровольно или насильственно?).

Впервые авторам удалось проследить социально-экономическое развитие края (от натурального хозяйства к капиталистическому производству), эволюцию землевладения и землепользования, изменение органов управления в довольно длительный промежуток времени (XV – нач. XX в.).

Впервые так полно и на широком историческом фоне раскрыты формы протеста населения края, начиная с Казанской войны и кончая революциями начала XX в. Известные по истории России Крестьянские войны (Ив. Болотникова, Ст. Разина, Е. Пугачева) дополнились событиями и конкретными именами участников – жителями «удмуртских уездов». У читателя складывается мнение отнюдь не о пассивных и аполитичных жителях края, а наоборот куда более активном и пассионарном местном населении, внесшем свою лепту в общую историю России.

Впервые в исторической науке края так полно и четко раскрыта тема «Великая реформа 1861 г. и последующие реформы Александра II». И эту оценку со словом «впервые» еще можно долго продолжать.

Следует положительно отметить и тот факт, что при достаточно большой информации, приведенной авторами в монографии, у читателя не создается впечатления перегрузки именами «исторических героев», хронологическими датами. Последние довольно удачно внесены в Приложение книги.

На мой взгляд, удачно выбран исследовательский прием «вплетания» истории края в историю народов Прикамья и Поволжья и России в целом. Текст заставляет читателя глубже подать историю народов России через историческое прошлое удмуртского народа, поэтому книга будет интересна населению других регионов Российской Федерации (Кировской, Пермской областей, Республик Мари Эл, Татарстана).

Авторы смогли добиться четкости в изложении материала, выделить главное, основное, не «утонуть» в большом количестве фактов. Работа носит академический характер. При изложении содержания книги нет запутанных текстов и повторов. Авторы довольно много работали над его улучшением, что проявляется в точности мысли, в изложении даже очень сложных тем и вопросов. В тексте чувствуется желание авторов, чтобы он был понятен как специалисту-историку, так и широкому кругу читателей.

Приведенный исследователями значительный ссылочный материал еще раз подтверждает и доказывает объективность изложенных фактов и дает возможность читателю при желании глубже вникнуть в содержание темы.

Хотелось бы обратить особое внимание на морально-этический аспект предложенного научного труда. Авторы не навязывают свою точку зрения на события, явления, с уважением дают и другие подходы и позиции иных исследователей со ссылкой на их работы.

Для удобства пользования книгой я рекомендую сделать более подробное «Оглавление», включив не только название частей и глав, но и вопросов, которые рассматриваются в той или иной главе. При внимательном прочтении предложенного текста мною были сделаны на полях пометки по его улучшению, уточнению событий, которые можно быстро исправить при современной издательской технике.

Исходя из проведенного анализа, книгу авторского коллектива Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН «История Удмуртии (конец XV – начало XX века)» необходимо одобрить и рекомендовать к печати. Она дает новый импульс к активизации исторических исследований в Удмуртии. Книга окажет большую помощь в преподавании истории и краеведения учителям школ и даст значительную информацию студентам вузов и музейным работникам. Ее издание необходимо приветствовать и пожелать, чтобы хорошему и интересному тексту соответствовало и прекрасное художественное оформление, и высокий уровень полиграфического исполнения.

Андрей Астайкин

Критический разбор карты «Войны Киевской Руси в 9 – нач. 12 вв.» // Атлас офицера. М., 1984. С. 260 *

При несомненном наличии целого ряда достоинств этой, смею надеяться, одной из центральных карт «Атласа», в настоящей работе хотелось бы сделать акцент именно на критической стороне разбора.

Визуальное впечатление. Как продукт академической картографии советского времени, рассматриваемая карта полностью соответствует требованиям своей эпохи. С точки же зрения сегодняшних требований рынка, когда особое внимание обращается именно на «смотрибельность», то есть художественную манеру подачи визуального материала, необходимо сразу же заметить следующее: 1) центр карты значительно перегружен; 2) периферия, напротив, практически освобождена от информации; 3) на карте имеются устаревшие данные¹; 4) отсутствует единая логика в написании названий городов, племен, географических обозначений и т.д.²

Цель и средства. В силу вышеперечисленного возникает необходимость проверки содержания (информационного наполнения) карты. Этой цели послужит обширный картографический материал, наработанный исторической наукой за последние 40 лет,³ серьезные и заслуживающие доверия монографии последнего времени, а также логические построения, позволяющие дать некоторые рекомендации для исправления ошибок или устранения небольших шероховатостей.⁴

Способ разбора. В целях удобства анализа карты предлагается разбить ее на несколько информационных слоев («Географические обозначения», «Города», «Племена» etc), рассматривая их по отдельности, а при необходимости – в комплексе с остальными.

Слой «Географические обозначения»

Общие замечания. Этот слой максимально соответствует стандарту «старый (новый)». Единственный большой недостаток заключается в отсутствии географических обозначений на территориях современных Скандинавии, севера России и Западного Казахстана.

Проверка написания терминов. Правильность подавляющего большинства названий карты несомненна, за исключением обозначения левого притока Тисы Муреша (на карте – «Марош»). Речь, конечно, идет о современном названии).

Слой «Города»

Общие замечания. Этот слой содержит ряд устаревших чтений, что, вероятно, восходит к более ранним изданиям «Атласа офицера» (Роскилле, Червень, Ардануч, Ошель и пр.). Сами названия не приведены в единую систему. Об этом говорит одновременное существование на карте «Стар. Руссы» (современ-

* См. в приложении к номеру авторский вариант карты «Войны Киевской Руси в IX – середине XI вв. (до 1054 г.)» с учетом критических замечаний .

ное имя города, начальное – Руса), «Саркела (Белой Вежи)» (на первом месте хазарское название, в скобках – древнерусское в современной передаче), «Болгар (Булгара)» (варианты восточного наименования), «Жукотина» (русское название, не указано «Джукетау»), «Доростола» (русское без указания греческого эквивалента «Силистрия») и, напротив, «Адрианополя» (греческое название без указания русского «Одрин»).

Неправомерно, на мой взгляд, объединять в одной подписи два совершенно разных понятия, как это сделано в случае «Итиль (Саксин)». Столица Хазарского каганата Итиль (или Атил, Эдиль), как известно, разрушена Святославом в 965 г., а Саксин возник значительно позже, где-то в непосредственной близости от развалин первого. По словам большого знатока хазарской проблемы А.П.-Новосельцева, «в устье Волги в XI– начале XIII в. существовал город Саксин, но был ли он расположен на месте Атиля – неизвестно».⁵

На карте некоторые вопросы вызывает размещение пунсонов Саркела, Смоленска, Москвы, Суздаля, Ярославля и других. На территории Руси проверить данные по локализации населенных пунктов позволяет вышедшая в 1989 г. и ставшая классической работа А.В.Кузы,⁶ а по другим районам на помощь может прийти обширный картографический материал. Проблема отсутствия точной информации о местонахождении Итиля и Семендера на рассматриваемой карте не освещена.⁷

Вызывают возражение пунсоны столиц Итиля и Плиски, которые к началу XI в. (как это явствует из пункта легенды о границах государств) таковыми не являлись, а Итиль уже более 60 лет как не существовал. С другой стороны, некоторые города, нанесенные на карту в качестве обычных населенных пунктов, являлись для своего времени центральными – это Карс в царстве Вананд и Дербент в одноименном эмирате.

Отсутствуют на карте столица Шведского королевства Упсала и ряд важнейших городов эпохи раннего средневековья – Висби, Мосул, Севастия (их, а также «произведенный в столицы» Тавриз предлагается обозначить на исправленном варианте карты в связи с соображениями, изложенными в разделах «Границы» и «Торговые пути»).

Проверка расположения. Пунсоны городов Саркела, Перемышля, Смоленска, Москвы, Суздаля и Ярославля не соответствуют данным карт А.В.Кузы, выполненным на основе информации археологов и, соответственно, более точных. Пунсоны Пересечена, Роскильде, Ростока, Софии, Прилепа, Фаселиды, Синопа, Артануджи, Суvara и Болгара не совпадают с данными других заслуживающих доверия источников. Соответственно предлагается переместить их в новом варианте карты.

Хронологическая проверка имеет целью ответить на вопрос: существовали ли реально в IX – нач. XII вв. те города, которые значатся на карте «Войны Киевской Руси»? В этом смысле претензий нет. Есть одно пожелание. Поскольку отмеченные картой Итиль и Семендер уничтожены в 965 г. и не существуют ни в нач. XI в. (на

это время показаны границы государств), ни в нач. XII в. (крайний предел хронологического охвата карты), этот момент необходимо особо оговаривать в подписи.

Проверка написания. Здесь следует говорить лишь об одной досадной ошибке. Название города Роскильде на карте обозначено «Роскилле» (ссылку на источники, которые знают только «Роскильде», смотри в *Таблице 1*). Все остальные изменения, помещенные в «Рекомендациях», имеют целью дополнить названия, привести их в соответствие с общепринятыми в исторической картографии чтениями и введенным нами стандартом «старый (новый)».

Проверка столиц. При проверке столичного статуса того или иного поселения буду исходить из одного простого соображения: раз легенда карты говорит о границах государств в начале XI в. (точнее – ок. 1035 г. Смотри об этом в слое «Границы»), именно на это время и производится проверка. В силу этого приходится вновь упомянуть Итиль и Плиску. Первый, как уже упоминалось, в нач. XI в. не существовал. Плиска же, действительно, была столицей Болгарского государства, но в самый ранний его период – при хане Аспарухе (681-701 гг.),⁸ Позднее столица была перенесена в Великую Преславу (или Преслав),⁹ а с включением первого Болгарского царства в состав Византии (1018 г.), когда «Болгария была полностью лишена какой бы то ни было самостоятельности и превращена в пограничную византийскую провинцию»,¹⁰ говорить об административном и политическом центре самостоятельного Болгарского государства,¹¹ тем более помещать его на историческую карту с границами около 1035 г. – грубая ошибка.

Напротив, к этому времени являлись столичными города Карс и Дербент, что на карте не указано (ссылки на источники смотри в *Таблице 1*).

И, наконец, немного о Тавризе. Как было упомянуто, периферия карты, к которой относится и ее юго-восточный угол (небольшие части современных Сирии, Ирана, Ирака и Саудовской Аравии), почти полностью освобождена от нагрузки. В помещенных ниже разделах «Границы», «Территории», «Подписи государств» предлагается ее заполнить, в частности, обозначив на территории современного Южного (Иранского) Азербайджана государство Раввадидов со столицей в Тавризе.

Слой «Торговые пути»

Общие замечания. К обозначенным на карте путям сообщения претензий нет, хотя понятно, что указаны они далеко не все (как подчеркивает легенда – лишь «Важнейшие торговые пути IX-XII вв»). Заметным недостатком этого слоя является почти полное отсутствие отмеченных картой торговых дорог за пределами Руси. Это в значительной степени информационно обедняет карту и упрощает, даже примитивизирует историческую ситуацию (так, по карте маршрут из Киева на запад через Владимир-Волынский обрывается в Сандомире, хотя известно, что он шел далее к Кракову, Праге и в Центральную Германию).¹² Поэтому основное внимание в рассматриваемом слое необходимо уделить не-

Таблица 1. Торговые пути.

На карте	Предлагается дополнить	Источник
[отсутствует]	--- Сандомир – Краков – Прага	по: ЭЦТПЕ XI-XIII; ТО 188; НГТС IX-X (фрагм.); НГВЕ IX-X (фрагм.).
[отсутствует]	--- Краков – Вроцлав – Щецин	по: ЭЦТПЕ XI-XIII.
[отсутствует]	--- Киев – Галич – Ужгород – Буда	по: ЭЦТПЕ XI-XIII; ДР 411; ТО 186.
[отсутствует]	--- Буда – Эстергом – по Дунаю	по: ЭЦТПЕ XI-XIII; ТО 188.
[отсутствует]	--- Буда – Ниш – София – Адрианополь – Константинополь	по: ЭЦТПЕ XI-XIII; ТО 188; КИВ 114-115.
[отсутствует]	--- Гданьск – Гнезно – Познань	по: ЭЦТПЕ XI-XIII.
[отсутствует]	--- Ниш – Скопье – Фессалоники – Адрианополь	по: ЭЦТПЕ XI-XIII; ТО 188; КИВ 114-115.
[отсутствует]	--- по Адриатике – Крит – Кипр	по: ЭЦТПЕ XI-XIII.
[отсутствует]	--- Галич – по Днестру	по: ЭЦТПЕ XI-XIII; ДР 408, 411.
[отсутствует]	--- Константинополь – Анкара	по: ЭЦТПЕ XI-XIII; КИВ 114-115.
[отсутствует]	--- Константинополь – Никея – Иконий	по: ЭЦТПЕ XI-XIII; ДР 404; ТО 188; КИВ 114-115.
[отсутствует]	--- Саркел – Итиль	по: П 147, 146; ДР 400.
[отсутствует]	--- Саркел – Дербент	по: П 147, 146.
[отсутствует]	--- Булгар – Арал	по: СС 42-43, НГВЕ IX-X; ТО 188; КИВ 114-115; НГТС IX-X.
[отсутствует]	--- Анкара – Тигр	по: СС 42-43, НГВЕ IX-X.
[отсутствует]	--- Иконий – Тарс – Тигр	по: СС 42-43; ДР 404; КИВ 114-115; НГТС IX-X.
[отсутствует]	--- Риони – Кура	по: СС 42-43; ДР 400, 404; НГТС IX-X; СЗ IX-X; СГТИСС XI.
[отсутствует]	--- Киев – Булгар	по: Р 291; ТО 188.
[отсутствует]	--- Семендер – Дербент – Шемаха – Бердаа	по: СГТИСС XI; ДР 400, 404; НГТС IX-X; СЗ IX-X; НГВЕ IX-X.
[отсутствует]	--- Тарс – Эдесса – Нисибин	по: СГТИСС XI.

[отсутствует]	--- Халеб – Дамаск	по: СГТИСС XI; ДР 404; КИВ 114-115; НГТС IX-X.
[отсутствует]	--- Трапезунт – Тавриз – на юг	по: СГТИСС XI; ГЗ44-345 (фрагм.); СЗ IX-X.
[отсутствует]	--- Амис – Севастия – Мелитина	по: СГТИСС XI; КИВ 114-115.
[отсутствует]	--- севернее Каспия	по: НГВЕ IX-X; ДР 404; НГТС IX-X; СА X.
[отсутствует]	--- Кипр – Антиохия – Евфрат	по: СС 42-43; ДР 400, 404; НГТС IX-X; СЗ IX-X; СГТИСС XI.
[отсутствует]	--- Буг – Припять – Киев	по: ЭЦПЕ XI-XIII.

которым дополнениям, улучшающим карту (пунктир в представленной *Таблице 1* следует понимать как «торговый путь»).

Рекомендации для изменения (смотри *Таблицу 1*).

Слой «Племена»

Общие замечания. Этот слой имеет некоторые недостатки и нуждается в изменениях. Во-первых, на карте наличие подписи «варяги (норманны)» является крайне спорным – и то и другое, как известно, не является этнонимами.¹³ Во-вторых, названия племен даны по-разному и также нуждаются в корректировке.¹⁴ В-третьих, этносы на карте указаны далеко не все, а размещение уже имеющихся иногда необходимо изменять на основе обширного пласта археологической литературы, посвященной этническим проблемам. В-четвертых, есть несовпадения в хронологии размещения племен, что относится главным образом к кочевникам степной полосы и будет подробнее разобрано ниже.

Проверка написания терминов. Кроме указанного случая с термином «варяги (норманны)», замечаний практически нет. Вся проверка в этом разделе фактически сводится к изменению подписей по стандарту «старый (новый)» и замене некоторых названий («бодричи», «лужичи») на равнозначные, но более употребительные синонимы (подробнее смотри в *Таблице 2*).

Проверка географии размещения этнонимов. Её позволяет осуществить обширная археологическая литература и, в частности, вышедший в 1987 г. отдельный том из серии «Археология СССР» о финно-уграх и балтах.¹⁵ Помещенный в работе богатейший материал, обобщающий достижения археологов в этой области за несколько десятков лет, несомненно полезен в исторической картографии для проверки старых и составления новых карт по истории России феодального периода. На ее основе необходимо внести коррективы в имеющиеся на карте подписи «марийцы», «пермь», «эсты» и «ятвяги».

Ареал расселения марийцев («черемисов» русских летописей), по данным археологов, на западе не заходил за Унжу, как обозначено на рассматриваемой карте.¹⁶ Племена летописной «перми», под которыми следует понимать вымскую

археологическую культуру древних коми-зырян (так называемую Пермь Малую) и родановскую культуру предков современных коми-пермяков (Пермь Великую),¹⁷ распространялись значительно далее на юго-восток, нежели указано картой «Войны Киевской Руси», и населяли притоки Камы Обву, Иньву и Косьву (расположены в верховьях Камы примерно у основания «камской петли»). Эсты или чудь уже в железном веке заселили Моонзундский архипелаг (острова Сааремаа, Хийумаа и пр.), что тоже не отражено на разбираемой карте; подпись «эсты» здесь размещена только на материке.¹⁸ Ятвяги или же «судава (судины)» западноевропейских источников также занимали более значительную территорию, включающую верховья Нарева, все течение Десны и почти доходили до современного Бреста.¹⁹ На мой взгляд, в исправленном варианте будущей карты имеет смысл развернуть подпись «ятвяги» на 90° и слегка продлить ее на юго-восток.

Подобную ситуацию видим и в случае с подписью «башкирь». Археологически проблема расселения этих племен не считается разрешенной окончательно (это замечание в большей степени относится к степным районам современного Башкортостана), но, без сомнения, кочевья предков современных башкир простирались по меньшей мере до междуречья Белой и Урала (на разбираемой карте – до водораздела Белой и Уфы).²⁰

Особняком стоит так называемая «буртаская проблема». Хотя о «буртасах (барадасах)» сообщают многие источники X-XIII вв. (Ибн Хаукаль, Идриси, Гардизи, Ибн Русте, Марвази, «Худуд ал-Алам», Низами, «Слово о погибели Русской земли»), мы знаем подробности их экономического быта, социального устройства и даже этнической истории,²¹ археологические памятники буртасов неизвестны, а также отсутствует единое мнение о локализации этого населения.²² Эту тонкость необходимо учитывать при составлении исправленного варианта карты «Войны Киевской Руси» – на рассматриваемой карте она никак не отражена.

Проверка хронологии размещения этнонимов. Большой хронологический промежуток, которому посвящена рассматриваемая карта, вынудил ее составителей ввести временные указания к местоположению кочевых племен степной полосы («половцы (IX в.)», «печенеги (до середины IX в.)», «половцы (с 1056)», «печенеги (до серед. XII в.)»). Чтобы разобраться в правильности этих обозначений, необходима краткая справка по степной истории рассматриваемого периода. Рассказ начнем с печенегов.

Формирование племенного союза печенегов (беченегов, пащинаков, пачинакитов или баджнаков) произошло, по мнению С.А.Плетневой, не ранее второй половины IX в. в заволжских степях. Именно «там началось формирование как политического объединения, так и печенежского этноса с общей для него материальной культурой».²³ В конце IX – начале X вв. теснимые огузами печенеги переправились за Волгу, нанеся ощутимый удар Хазарии, а затем изгнав мадьяр из страны Ателькузу (Северное Причерноморье). В 915 г. они подошли к южным границам Руси, а «к середине X в. печенеги заняли в степях от Волги

до Дуная громадные территории».²⁴ Они фактически уничтожили Хазарский каганат и разрушили его экономику: «большинство богатых земледельческих поселков степной и лесостепной зон Подонья было сметено с лица земли... Кроме того, печенеги разрушили некоторые города на [черноморском] побережье и поселения в Восточном Крыму».²⁵ В 1036 г. у стен Софийского собора в Киеве Ярослав Мудрый разгромил огромную печенежскую армию и фактически устранил для Руси опасность набегов этих беспокойных соседей.²⁶ После поражения основная масса печенегов откочевала в Византию, часть перешла на пограничную службу к русским, а остальные остались на местах прежних кочевков и позднее смешались с подошедшими с Востока гузами (торками).²⁷

Традиционными местами кочевания предков современных туркмен и турков гузов (узов, огузов, торков) издавна были приаральские степи, где у них с IX в. существовала собственная государственность. С конца X в. они стали проникать в степи северного Прикаспия, а к середине XI в. под их контролем находилось почти все Заволжье.²⁸ Первое знакомство русских с торками произошло в 985 г., когда они в союзе выступили против болгар (вероятно, волжских).²⁹ Затем отдельные представители этих кочевников стали переходить на русскую службу (торком был, например, повар муромского князя Глеба Владимировича (1015 г.), однако в массовом порядке торки проникают на Русь под давлением кипчаков-половцев не ранее 1055 г. Именно к этому времени относится замечание С.А.Плетневой, что «подавляющее большинство оставшихся в степях торков вместе с печенегами подкочевало к границам Руси и перешло на службу к русским князьям, за которую им были выделены земли для кочевков на пограничных со степью землях».³⁰ К потомкам этих торко-печенежских переселенцев относятся упоминаемые позднее русскими летописцами берендеи, ковуи, турпей и черные клобуки.³¹

Племена, известные под именем кипчаков (варианты: кифчаги, куны, плавки, валаны или блавены. Часто их смешивают с родственными кипчакам куманами (команами). На Руси известны как половцы), своими корнями восходят к сирам (IV в. н.э.) и сеяньто (IV-VII вв.). Этноним «кипчак/кыпчак» появляется с VIII в., когда эти кочевые племена передвинулись из Внутренней Азии в Прииртышье. Последующие триста лет кипчаки входили в сферу политического влияния государства кимаков (с последними обычно связывают сrostкинскую археологическую культуру VIII – нач. XIII вв. в верховьях Оби и Ишима, а также по среднему Иртышу).³² В конце VIII в. кипчаки занимают земли в междуречье Иртыша и Тобола, а в IX-X вв. они кочуют чересполосно с огузами на территориях между Южным Приуральем, Аралом и Каспием, не заходя на западе за рр. Урал и Эмбу.³³ В начале XI в. (примерно в 20-30-е гг.) в связи с ослаблением Кимакского государства происходит массовое переселение части кипчаков на запад. В 1055 г. они оказываются в непосредственной близости от Киева и с этого момента начинается почти двухвековая история русско-половецких культурных, политических и этнических контактов.³⁴

Рекомендации для изменения. С целью заполнения пустот старой карты рекомендовал бы дополнить ее некоторыми названиями племен (удмуртов, словенцев, сербов и проч.). Сразу несколько оговорок о форме, в которой предлагаются эти изменения.

Удмурты впервые упоминаются русскими источниками в XV в. под названием «арские люди», позднее – «вотяки»,³⁵ хотя «народ серв» ал-Гарнати упоминал еще в середине XII в.³⁶ Существование удмуртов в IX-XII вв. с несомненной очевидностью доказали археологи, зафиксировав в бассейне Чепцы так называемую чепецкую археологическую культуру IX-XV вв.³⁷ В силу того, что измененный вариант карты «Войны Киевской Руси», как и ее предшественницы, не будет сугубо научным, предлагается не учитывать тонкости названия народа и именовать его по традиции, сложившейся в исторической картографии, – «вотяки (удмурты)» (ссылку смотри в *Таблице 2*).

Предлагается добавить отсутствующую на нашей карте подпись «хазары». Существование хазарского этноса для всего рассматриваемого периода с IX по XII вв. бесспорно. Поход русского князя Святослава, а также многочисленные печенежские, болгарские и огузские нападения хоть и разрушили каганат, но не привели к исчезновению хазарского народа. Начиная со второй половины X в., последние сконцентрировались в северо-западном углу Каспия и известны в источниках вплоть до начала XIII в.³⁸

Из двух племен, составивших литовскую народность, на анализируемой карте указаны только жемайты (нет аукшайтов). В силу того, что русским летописцам была известна исключительно литва (ссылки смотри в *Таблице 2*), на новую карту предлагаются названия в форме «литва-аукшайты» и «литва-жемайты».

Нечто подобное имеет смысл сделать с мордвой, указав в исправленном варианте ее более дробное деление («мордва-эрьзя» и «мордва-мокша»).

Как уже говорилось, указание карты на существование торков у южнорусского пограничья относится ко времени середины XI в. и позже, что никак картой не оговорено (вероятно, по причине отсутствия свободного места). Предлагается подпись снять.³⁹

Необходимо изменить и не совсем точную, на мой взгляд, подпись «поляки». Это название современное и подразумевает единый народ. Русским же летописцам были известны только ляхи, причем под этим именем понималась некая общность племен: **«Словени же ови пришедше сѣдоша на Висле и прозвашася Ляхове, а от тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне. Ляхове друзии Лутичи, ини Мазовшане, ини Поморяне»**.⁴⁰ К указанному на карте периоду не существовало ни единой народности, ни, тем более, нации поляков. Говорить можно только о польских племенах и союзах племен (к перечисленным ПВЛ добавлю кувявов, серадзян, силезян, вислян, в полянском союзе – гоплян, дедошан и слензан, у поморян – приссан, волынян и кашубов)⁴¹ и поэтому подпись разумно было бы изменить на «ляхи (польские племена)».

Таблица 2. Этнонимы.

Итак:

Подпись на карте	Предлагается изменить на	Источник или соображение
мордва	мордва-мокша мордва-эрьзя	по: Лавр. Стб. 4,11,280,390 и др.; Ипат. Стб. 4,8,96 и др.; Н1Л С. 19; НГТС IX-X, X-XII, XII-XIII; НГВЕ IX-X; СРС 239; Т 32-33,58; Р 375, 471; Н 203; ВБ IX-XIII; ВЕ IX-XI; ВИ 242; ДГ XI; ФУБЭС 8-9,99.
марийцы (черемисы)	черемисы (марийцы)	по: Лавр. Стб. 11; Ипат. Стб. 8; НГТС IX-X, X-XII, XII-XIII; НГВЕ IX-X; СРС 239; Р 375, 471; ВБ IX-XIII; РКЗ XII; ВЕ IX-XI; ВИ 242; Т 32-33; ДГ XI. В соответствии со стандартом «старый (новый)». ФУБЭС 8-9, 110.
касоги	касоги (черкесы)	по: Лавр. Стб. 65,146,166 и др.; Ипат. Стб. 53,134,155 и др.; Н1Л С. 62,117,185. НГТС IX-X, X-XII, XII-XIII; Е IX-XI; НГВЕ IX-X; Р 375; ИСВ 228; ВЕ IX-XI; ВИ 213, 242; Т 32-33.
[отсутствует]	мещера	по: НГТС IX-X, X-XII; ДГ XI; ФУБЭС 8-9, 82.
пермь	пермь	по: Лавр. Стб. 4,11; Ипат. Стб. 4,8; НГТС IX-X, X-XII, XII-XIII; НГВЕ IX-X; РКЗ XII; ВЕ IX-XI; Т 32-33; ДГ XI; ФУБЭС 8-9, 123, 145, 154.
эсты	чудь (эсты)	по: Лавр. Стб. 4, 11, 19, 22, 29, 76, 121, 149 и др.; Ипат. Стб. 4, 8, 13, 16, 21, 64, 106 и др.; Н1Л С. 20, 22, 23, 26, 35, 36, 39, 40, 52, 57, 61, 66 и др.; НГТС IX-X, X-XII, XII-XIII; ЕС IX, XII; НПСЗ XIII; Е IX-XI; НГВЕ IX-X; СРС 362; Т 58; Р 375, 471; ИСВ 160-161, 428-429, 489; СС 9; ВЕ IX-XI; ВИ 242; ДГ XI; ФУБЭС 8-9, 16. В соответствии со стандартом «старый (новый)».
жемайты	литва – жемайты литва – аукшайты	по: Лавр. Стб. 4, 11, 153, 301; Ипат. Стб. 4, 8, 141, 294 и др.; Н1Л С. 37, 40, 44, 46, 51 и др.; НГТС X-XII, XII-XIII; ГВР XII-XIII; НПСЗ XIII; Е IX-XI; НГВЕ IX-X; Р 471; СС 9; ВИ 242.
[отсутствует]	лопь (саамы)	по: НГТС XII-XIII; НПСЗ XIII; ОИС I. С. 318, 696-698, 704-705, 839, 841-842, 888-890.
башкиры	прабашкиры	по: НГТС IX-X, X-XII, XII-XIII; НГВЕ IX-X; ВБ IX-XIII; ВЕ IX-XI; СБЭС 257, 283.
самоядь	самоядь (ненцы)	по: НГТС XII-XIII; ОИС I.С. 739.
[отсутствует]	вотяки (удмурты)	по: НГТС XII-XIII; ВБ IX-XIII; ФУБЭС 8-9, 137.

Подпись на карте	Предлагается изменить на	Источник или соображение
бургасы	бургасы (?)	по: НГТС IX-X, X-XII, XII-XIII; НГВЕ IX-X; СРС 187; Т 58; ФУБЭС 8-9, 99.
[отсутствует]	емь (между Ладожским и Онежским озерами)	по: НГВЕ IX-X; Е IX-XI.
[отсутствует]	хоругане (словенцы)	по: Лавр. Стб. 6; Ипат. Стб. 5; НГТС IX-X; ЕС IX; ИСВ 199; ВЕ IX-XI.
[отсутствует]	сербы	по: Лавр. Стб. 6; Ипат. Стб. 5; НГТС IX-X; ЕС IX; ВЕ IX-XI; ИСВ 228; СРС 153.
[отсутствует]	хазары	по: НГТС IX-X, X-XII; ГЗ X; НГВЕ IX-X; СГТИСС XI; СЗ IX-X; СРС 187; НГК X-XI; ВЕ IX-XI.
варяги (норманны)	[снять]	см. прим. 13.
[отсутствует]	свеи (шведы)	по: Лавр. Стб. 4, 19; Ипат. Стб. 4, 14; Н1Л С. 26, 31, 77 и др.; НГТС IX-X; Е IX-XI.; НГВЕ IX-X; СС 9; ВЕ IX-XI..
[отсутствует]	урмане (норвежцы)	по: Лавр. Стб. 19; Ипат. Стб. 14; Н1Л С. 77 и др.; СС9.
[отсутствует]	геты	по: Лавр. Стб. 19; Ипат. Стб. 14; Н1Л С. 22, 39; Е IX-XI; СС9.
[отсутствует]	юты	по: СС9.
[отсутствует]	скалвы	по: СС9; ФУБЭС 8-9, 382, 410.
[отсутствует]	мазовшане	по: Лавр. Стб. 6, 153, 155; Ипат. Стб. 5, 141, 143 и др.; Н1Л С. 181; НГТС IX-X; ВЕ IX-XI.; СРС 49, 354; СС9; ИСЭ 201.
ятвяги	ятвяги	по: Лавр. Стб. 82, 153, 289; Ипат. Стб. 69, 141, 273, 702 и др.; Н1Л С. 20, 130; НГТС IX-X, X-XII, XII-XIII; ГВР XII-XIII; НПСЗ XIII; Е IX-XI.; ВЕ IX-XI; ДГ XI; СРС 354, 362; Р 375; РКЗ XII; СС9; ФУБЭС 8-9.
поляки	ляхи (польские племена)	по: Лавр. Стб. 4, 6, 12, 25, 81, 84 и др.; Ипат. Стб. 4, 5, 9, 18, 69, 71 и др.; Н1Л С. 130, 131, 167 и др.; НГТС IX-X; СРС 49; ИСВ 201; ВЕ IX-XI.
валахи	валахи (волохи)	по: Лавр. Стб. 4, 6, 25; Ипат. Стб. 5, 9, 18; НГТС IX-X, X-XII, XII-XIII; ГВР XII-XIII; НГВЕ IX-X; СРС 362; Р 471; ИСВ 228; ВЕ IX-XI; ВИ 213, 242.

торки	[снять]	по: Лавр. Стб. 84, 162 под 1054 г. См. С. 14, 163, 204, 221, 227, 234 и др.; Ипат. Стб. 11, 12, 25, 29, 43, 45, 67, 270-271, 273, 280 и др.; НЛ С. 132, 173, 183.
бодричи	ободриты	по: НГТС IX-X, X-XII, XII-XIII; ЕС IX, XII; Е IX-XI; СРС 49; НСВ 160-161, 201, 428-429; СС9; ВЕ IX-XI.
лужичи	лужичане	по: НГТС IX-X, XII-XIII; ВЕ IX-XI; ИСВ 199, 201.
[отсутствует]	югра	по: Лавр. Стб. 4, 235; НЛ С. 38, 40, 41. 97 и др.; НГТС IX-X, X-XII; НГВЕ IX-X; ВЕ IX-XI; Т 32-33; Р 536-537.
аланы	ясы (аланы)	по: Лавр. Стб. 65, 291, 446, 504, 525; Ипат. Стб. 53; НГТС IX-X, X-XII, XII-XIII; ГЗ X, XII-XIII; Е IX-XI; НГВЕ IX-X; СЗ IX-X; НГК X-XI; ВЕ IX-XI; Р 375; ИСВ 64-65, 228; Т 32-33; ВИ 213; НЛ С. 62, 117.
половцы (IX в.)	[снять]	См. прим. 33.
[отсутствует]	торки (огузы) [в заволжских степях]	См. прим. 28.
печенеги (до сер. IX в.)	печенеги (кон. IX в.)	См. прим. 23.
половцы (с 1056 г.)	половцы (с 1055 г.)	по: Лавр. Стб. 162 под 1055 г.; Ипат. Стб. 151 под 1055 г.; НЛ С. 182 под 1055 г.
печенеги (до сер. 11 в.)	печенеги (до 1036)	по: Лавр. Стб. 151 под 1036 г.; Ипат. Стб. 138 под 1034 г.

Слой «Исторические области»

Общие замечания. По географической, хронологической и терминологической проверке подписей этого слоя замечаний немного:

Во-первых. Область Гилян на карте показана не совсем точно (заходит на севере в Тальши). На самом деле она была чуть южнее и занимала территории по побережью Каспия от современного Ардебилля до Кызылузена.

Во-вторых. Область Дайлем (Дейлем) располагалась вдоль течения реки между ее резкими поворотами на запад и юг.

В-третьих. Необходимо специальное пояснение к подписи «Азербайджан». То, что нам известно под этим названием сейчас, в историческом смысле означает некую совокупность территорий Албании (Алуанк, ар-Ран или Арран), Ширвана и Карабаха.⁴² Изначально Азербайджаном считался только современный Южный (или Иранский) Азербайджан. С античных времен эта территория

называлась Атропатеной и постепенно термин трансформировался в «Атурпатакан» (при Сасанидах), «Адарбайган» (в арабскую эпоху) и «Азербайджан». Во времена Сефевидов понятие стало географически расширяться на север, но окончательно утвердилось в современном понимании (Азербайджан = Северный Азербайджан) не ранее XIX в.⁴³

Слой «Военные походы»

Общие замечания. Сразу оговорюсь, что проверке в этом слое подверглись все нанесенные на разбираемую карту военные события, за исключением похода русов на остров Эгину в 813 г.: какой-либо информации о нем мне обнаружить не удалось. По результатам проверки в некоторых случаях необходимо подкорректировать географические маршруты походов, указанные для них даты и значки крупнейших военных столкновений (кстати, в легенде этот символ никак не оговаривается). Подробнее об этом ниже:

Географическая проверка. Карта объединяет под одной стрелкой несколько походов русских на Константинополь (860, 907, 941, 944 и 1043гг.). Если с обозначением первых трех событий согласиться можно и должно, то в случае с войнами 944 и 1043 годов это не совсем так. Для пояснения процитирую источники. Лаврентьевская летопись в статье под 944 г. говорит: «Игорь же [с армией в 8 тысяч человек – А.А.] ... поиде на Греки въ лодьях и на коних... Се слышавъ царь, посла к Игорю лучие бояре, моля и глаголя: не ходи, но возьми дань, юже ималъ Олегъ, придамъ и еще к той дани... Игорь же, доше Дуная, созва дружиню и нача думати...» После того, как было принято решение об отказе от военных действий, князь «повеле Печенегомъ воевати Болгарьску землю, [а] самъ вземъ оу Грекъ золото и паволоки и на вся воя и възратися въспяты и приде къ Киеву въ своя си».⁴⁴

Читаем там же о походе 1043 г.: «Посла Ярославъ сына своего Володимера на Грькы и вда ему вон много... и поиде Володимеръ в лодьях и придоша в Дунаи [и] поидоша к Цесарюграду и бысть буря велика и разби корабли Руси и князь корабль разби ветръ..., прочин же вон Володимери ввержени быша на брегъ... И бысть вестъ Грькомъ, яко извило море Русь и пославъ царь именемъ Мономахъ по Руси оляди 14. Володимеръ же, видевъ с дружиною, яко идут по немъ, въспятивъся, изви оляди Гречьская, и възвратися в Русь, сседавшися в корабле свое...».⁴⁵

То есть, князя Игорь и Владимир Ярославич не достигли своей цели и были вынуждены повернуть назад где-то между Константинополем и Дунаем; столкновение Владимира с 14 греческими кораблями-преследователями, отмеченное картой специальным значком «х 1043», не могло иметь место в районе северо-западного побережья Анатолии и было настолько незначительным, что не заслуживает особого символа.

Далее. Поход Игоря 941 г. не ограничивался только окрестностями византийской столицы, как это показано на разбираемой карте. По известиям Повес-

ти временных лет (вариант Лаврентьевской), «иде Игорь на Греки... и почаша воевати Вифанския страны и воеваху по Понту до Аръклея (в Ипатьевской – «до Ираклия» // Ипат. Стб. 33 – А.А.) и до Фафлогоньски земли и всю страну Никоидинскую попленише и Бѹдѹ весь пожьгоша». После того, как византийцы подтянули войска из внутренних районов, произошла неудачная для русов стычка на суше, а ночью греческий флот Феофана «сѹсрете я въ лядехѹ со огнемѹ и пѹщати нача трѹбами огонь на лодье Руския. И вьсть видети страшно чюдо. Русь же видящи пламянь, вметахѹся въ воду морьскую, хотяще оубрести. И тако прочии възвратишася въ своя си. Тем же, пришедшимѹ въ землю свою и поведахѹ каждо своимѹ о бывшемѹ и о ладнемѹ огни, якоже молонья рече иже на небесехѹ, Грьци имѹтъ оубо се и се пѹщающа же жагахѹ насѹ, сего ради не одолехомѹ имѹ». ⁴⁶

Как становится понятно из летописного сообщения, в 941 г., двигаясь обычным путем от Дуная в виду Черноморского побережья, русский флот выжег ближайшие предместья византийской столицы, но штурмовать город не стал и направился на восток. По пути следования особые десанты грабили незащищенные селения. Где-то между Ираклией и Амастридой произошли как сухопутные, так и морские сражения с подоспевшими византийскими силами. ⁴⁷ Эти события на исправленном варианте карты необходимо отразить.

И еще несколько слов о большом походе русов на Каспий в 913-914 гг. Сообщения о нем сохранились только у мусульманских историков – ал-Масуди (X в.), в анонимной «Истории Табаристана» (XIII в.), «Истории Руйана» (XIV в.), в хронике Захир ад-Дина Мараши (XV в.) – и хорошо известны. ⁴⁸ Процитирую одно из академических изданий: «По сообщению современника – арабского писателя ал-Масуди, в 913-914 гг. русы появились на Каспии на 500 судах, по 100 человек в каждом. Миновав Дагестан, они заняли один из островов вблизи г. Баку; остров получил название Русского. Многие месяцы русские господствовали на море. В это же время другой отряд русских, возможно отделившийся от главных сил, действовавших на западном берегу, предпринял поход к юго-восточному берегу Каспия и высадился близ Ферахабада. Описывая этот поход русских, ал-Масуди добавляет, что «никто, кроме них, не плавает по этому морю (Каспию)». Поход русских затронул Гилян, Дайлем, Табаристан, Абесгун и Азербайджан. Возвращаясь домой с большой добычей, русские войска около устья Волги подверглись нападению хазар и были разбиты. ⁴⁹ При взгляде на разбираемую карту видно, что стрелка похода 913-914 гг., начиная с Апшерона, не совсем соответствует описанию источников и нуждается в корректировке.

Хронологическая проверка. Хронологию указанных на карте походов в отдельных случаях можно уточнить. Речь идет, во-первых, о нападении новгородского князя Бравлина (Бравеленина) на крымский город Сурож (или Сугдею), описанный в так называемом «Житии св. Стефана Сурожского» (X в.). ⁵⁰ Леген-

да карты «Войны Киевской Руси» поясняет, что событие произошло в конце VIII или начале IX вв. Дату можно обозначить точнее – между 800 и 825 гг.⁵¹

Во-вторых. Созданное до 842 г. «Житие св. Георгия Амастридского» рассказывает о нападении русов на Амастриду, когда они, «начав разорение от Пропонтиды [Босфора] и посетив прочее побережье, достигли, наконец, и до отчества святого».⁵² Поход отражен на рассматриваемой карте и датирован 842 г. Хронология уточняется, как и в первом случае: события имели место между 825 и 840 гг.⁵³

В-третьих. Походы новгородцев на югру обозначены на карте под 1079 и 1092 гг. Почему эти даты связаны с военными событиями, мне совершенно непонятно. Югра впервые упоминается в летописи под 1096 г. в таком контексте (цитирую Ипатьевскую): «**Се же хоцю сказати, яже слышахъ преже сихъ 4 летъ, яже сказа ми Гүрята Роговичъ Новгородецъ, глаголя сице яко послахъ отрока своего в Печеру люди, иже сугъ дань дающе Новгороду. I пришедши отрокү моему к нимъ и оттүде иде въ Оүгрю. Оүгра же сугъ людье языкъ немъ и съседятъ съ Самоедью на полунощныхъ сторонахъ**».⁵⁴ К какому событию относится дата «1079», также неясно,⁵⁵ поэтому предлагаю поправить даты новгородских походов на более нейтральное «конец XI – начало XII вв.»⁵⁶

Поход Святослава на Хазарию. Выделяю эту тему в особый раздел, поскольку здесь необходимо говорить об одновременной географо-хронологической корректировке. Литература по вопросу восточного похода Святослава огромна,⁵⁷ хотя рассказывают о событии лишь два источника: Повесть временных лет и географическое сочинение Ибн Хаукаля.⁵⁸ Каждый из них сообщает только свою часть информации, что позволяет историкам интерпретировать их по-своему. Эти тексты необходимо процитировать. ПВЛ (по Лаврентьевской летописи): «**В лето 6472... и иде [Святослав] на Окү рекү и на Волгү и налезе Вятичи и рече Вятичемъ: кому дань даете? Они же реша: Козаромъ по щлягү и от рала даемъ. В лето 6473. Иде Святославъ на Козары. Слышавше же Козари, изидоша противү съ княземъ своимъ Каганомъ и състүпишася битъ, о бивши врани, одоле Святославъ Козаромъ и град ихъ и Белү Вежю взя [и] Ясы победи и Касогы. В лето 6474. Вятичи победи Святославъ и дань на нихъ възложи**».⁵⁹ Ибн Хаукаль в переводе А.П.Новосельцева: «Булгар – маленький городок, и нет у него большого числа округов. Он был известен как пристань для этих государств [кочевых – кимакского и др. – А.А.] и опустошили его русы, а (затем) пошли на Хазаран, Самандар и Атиль в 358 г. [968-969 гг.]. И отправились сразу после этого в страну ар-Руми и ал-Андалус, разделившись на две группы... В Самандаре были мечети, церкви и синагоги, и совершили они (руссы) свой набег на всех, кто обитал на берегу реки Атиля из хазар, болгар, бургасов, и овладели ими, и искали люди Атиля убежище на острове Баб ал-Абваб, и укрепились они там, а некоторые на острове Сийах-кух [Мангышлак и Устюрт – прим. А. Н.], и оставались они там в страхе... Не осталось в наше время почти ничего от болгар, бургасов и хазар, так как напали на них русы и захватили все их области, те

же, кто спасся, рассеялись по соседним областям, надеясь, что (русы) заключат с ними договор и они смогут вернуться, (поселившись) под их властью».⁶⁰

Из приведенных отрывков понятно, насколько скудны наши знания о хазарской кампании Святослава. Мы не знаем, сколько походов совершили русские на восток, их точных маршрутов, у нас нет достоверных дат событий, сведений о точном месте сражения с войском хазарского кагана, мы не можем быть уверенными в том, брал ли лично Святослав Итиль и прочие города хазар. Поэтому, пытаясь отразить события на исторической карте, мы должны иметь в виду, что здесь не обойтись без той или иной их интерпретации. Критерием правдоподобия для нее должно служить максимальное приближение к сообщаемой источниками информации (далеко не идеальной, но другой просто нет), знание военно-политической ситуации того времени в Хазарии, на Руси и в Византии, логика и здравый смысл.

Взглянем с этой точки зрения на разбираемую карту. Она обозначает отдельной стрелкой поход Святослава на Саркел и сражение под городом в 965 г. (год указан, как в ПВЛ, но по летописи он далее двигается на юг к касогам (предкам черкесов) и аланам и, не вступая в конфликт с основным противником – хазарами, – спокойно возвращается в свою столицу (если верить Ипатьевскому списку). Затем следует большой поход на восток, когда киевский князь проходит через земли вятичей (по ПВЛ это произошло за год до взятия Саркела), далее идет по Волге до Булгарии, где под 966 г. на карте обозначено крупное сражение (источники о нем не говорят), спускается к Итилю, захватывает Семендер, возвращается назад и, двигаясь Кумой и Кубанью, заканчивает поход в Тмутаракани. Карта датирует эти события 966-967 гг., пытаясь, вероятно, примирить хронологию источников (по ПВЛ – 965-966 гг., но Ибн Хаукалю – 968-969 гг.), и таким образом не соответствуя ни одному из них. И таких несовпадений, как видно, в этой реконструкции событий предостаточно.

Возникает вопрос: какая интерпретация хазарского похода Святослава могла бы нас удовлетворить? Из уже имеющихся в исторической литературе, на мой взгляд, наиболее убедительную версию высказал М.И.Артамонов в начале 60-х гг. Она не идеальна, но снимает большую часть противоречий. Если принять в качестве исходной посылки, что общерусская летопись могла поместить сведения об одном длительном походе Святослава под двумя-тремя погодными записями, то, по мнению историка, получается следующее. Русско-хазарская война началась в 964 г. экспедицией Святослава в землю вятичей, затем в 965 г. он двинулся по Волге и нанес поражение булгарам и буртасам, разграбил Итиль, Семендер, Хазарасп и повернул на запад, где покорил ясов и касогов, дошел до Тмутаракани и Саркела, а затем вернулся в Киев. На следующий 966 г. князь окончательно покорил вятичей.⁶¹ Эта интерпретация была принята многими историками, в том числе академиком Б.А.Рыбаковым, который сделал к ней важную поправку. Цитирую: «Описание хазарского похода Святослава в летописи с двух сторон обременено упоминанием вятичей, плативших ранее дань

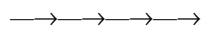
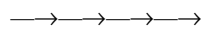

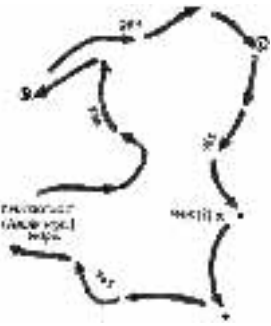
(проездную пошлину?) хазарам. Это в какой-то мере определяет маршрут похода, во время которого русские войска воевали в Волжской Болгарии, в земле буртасов и в Хазарии, где взяли Итиль и древнюю столицу каганата – Семендер на Каспийском море. Затем были покорены народы Северного Кавказа... Поход был закончен по Таманском полуострове, который с этого времени стал русской Тмутараканью. Очевидно, на обратном пути был взят Саркел («Белая Вежа») на Дону, и Святослав оттуда пошел не прямо в Киев, а обходным вятическим путем на север (поэтому земля вятичей упомянута дважды под 964 и под 966 гг.), для того чтобы миновать приднепровские кочевья печенегов.⁶²

На новом варианте карты предлагается поместить эту версию событий. Повторюсь, она не идеальна, но в значительно меньшей степени противоречит источникам, нежели имеющаяся.⁶³

Рекомендации для изменения⁶⁴.

Таблица № 3. Хронология военных походов.

На карте	Предлагается изменить на	Источник или соображение
813 ←-х-х- [поход русов на Эгину, 813 г.]	???	???
860,907,941,944,1043 ←←←←←←←←←← [походы русов на Константинополь, 860, 907, 941, 944, 1043 гг.]	860,907,941 ←←←←←←←←←←	по: Лавр. Стб. 45-46; Ипат. Стб. 34-35; Лавр. Стб. 154; Ипат. Стб. 142; ДРСЛ 8,12; КР 44; СХ9; ИБПО 17-18; ОПС 84.
[отсутствует]	944 ←←← [поход Игоря к Дунаю, 944]	по: Лавр. Стб. 45-46; Ипат. Стб. 34-35; ДРСЛ 8; КР 44; СХ9; ИБПО 17-18; ОИС 84.
[отсутствует]	1043 ←←←←← [поход Владимира по Черному морю, 1043 г.]	по: Лавр. Стб. 154; Ипат. Стб. 142; ДРСЛ 12.
28.4 – 22.7 [в Болгарию]	23.4 – 22. 7	по: ОИС IX-XIII С. 91.
х 1043	[снять]	по: Лавр. Стб. 154; Ипат. Стб. 142; См.С. 19.
[отсутствует]	941 941 х →→→→ [поход Игоря к Ираклии и Амастриде, 941 г.]	по: Лавр. Стб. 44-45; Ипат. Стб. 33; ДРСЛ 8; КР 43; СХ 8-9; ОИС 84.

На карте	Предлагается изменить на	Источник или соображение
 <p>[поход русов на Каспий, 913-914гг.]</p>		по: ОИС 82-83; НГВЕ IX-X.
<p>1079, 1092</p> <p>(походы новгородцев на югру, стрелка в районе Сухоны)</p>	<p>кон. 11 – нач. 12 вв.</p> 	по: Лавр. Стб. 199, 234-235; Ипат. Стб. 140, 224-225; Н 80, 113-114.
		По: Лавр. Стб. 64-65; Ипат. Стб. 52-53; ХГ 221-231; ИХ 426-429; Р 376-377; ПХ71; С. 21-24.

Слой «Границы»

Общие замечания. Карта «Войны Киевской Руси в 9 – нач. 12 вв.» содержит в себе 7 типов границ, из них полностью меня удовлетворяют только две (граница Священной Римской империи и областей, зависимых от Византийской империи). Остальные 5 нуждаются в корректировке. Впрочем, за исключением Волжской Булгарии, она будет иметь только уточняющий характер. Основной недостаток этого слоя – отсутствие государственных границ к востоку от Византии.

Чтобы сократить и упростить дальнейшее изложение, обозначу типы границ особыми символами. Названия приведены так, как они значатся в легенде:

- Границы Киевской Руси в X в. – первой половине XI в. (----).
- Границы Киевской Руси во второй половине XI в. – начале XII в. (===).
- Приблизительные границы земель феодальных княжеств, сложившихся на территории Киевской Руси во второй половине XI – начале XII вв. (____).
- Границы Болгарского царства в середине X в. (.....).

е) Границы других государств в первой половине XI в. (-.-.-.-).

Датированы они достаточно широко и, если в первых трех случаях с этим можно условно согласиться, то датировку последних двух необходимо уточнить. Граница *d* имеет в виду, конечно, максимальные размеры Болгарского царства, достигнутых при Симеоне (893-927 гг.). При царе Петре (927-969 гг.) центральная власть в стране начала ослабевать, были потеряны Македония и область по реке Струме (напомню: границы Болгарии на карте датированы серединой X в.). В 972 г. восточно-болгарские области были захвачены Иоанном Цимисхием, а в 1018 г. она окончательно вошла в состав Византийской империи.⁶⁵ Поэтому границу *d* необходимо датировать 927 годом или несколько ранее.

Границы *e* используются на карте значительно чаще, нежели прочие. Их необходимо (и возможно) датировать точнее – именно на это время надо будет достраивать границы, отсутствующие в юго-восточном углу карты. Судя по тому, что Червен и Перемышль на рассматриваемой карте включены в состав Галицко-Волынской земли (потеряны Польшей в 1031 г.),⁶⁶ а Ширакское царство еще не завоевано Византией (1041-1045),⁶⁷ речь в ней идет о границах не просто первой половины, а 30-х гг. XI в., которые в последующем будем условно датировать временем около 1035 г.⁶⁸

Проверка границы *a* (X – перв. пол. XI вв.). На северо-западе (район Финского залива) граница включает в состав Киевской Руси финноязычное племя водь. Это не совсем верно. Ижорское плато, населенное водью, вошло в состав Новгородской земли несколько позже: в XI – нач. XII вв. По наблюдениям А.В.Кузы, например, в X – нач. XI вв. «территории, занятые водью, ... не были освоены [новгородцами], поскольку водь вместе с Всеславом Полоцким еще в 1069 г. нападала на Новгород».⁶⁹ А.Н.Насонов замечал, что «источники не хранят никаких признаков существования в Водской земле местных властей, местных «старейшин» как вассалов Новгорода».⁷⁰ Наконец, этот вывод подтверждает и археология. Так, В.В.Седов утверждает: «До X-XI вв. северо-западная окраина Новгородской земли была еще собственно водской... Однако уже в XI-XII вв. на Ижорском плато и в восточном Причудье расселяются значительные массы древнерусского населения. В результате водь в культурном отношении сближается со славянами».⁷¹

На северо-востоке граница *a* практически подходит к современному Нижнему Новгороду и далее следует правобережьем Волги до реки Костромы. И хотя в таком виде границы Ростово-Суздальской земли историками-картографами изображаются достаточно часто,⁷² думается, более прав В.А.Кучкин, реконструировавший пределы древнерусского Северо-Востока в специальной монографии. По его наблюдениям, даже к концу XI в. восточная граница ростовских земель шла по течению Нерли и Которосли и практически не выходила за линию Суздаль-Ростов-Ярославль. Источники не сообщают никаких сведений об активности русских князей к востоку от этой линии вплоть до начала XII в. Ситуация изменилась в 1107 г. в связи с большим походом волжских булгар на Суздаль. Ко времени

около 1108 г. исследователь приурочивает постройку двух новых крепостей – Ярополча на Волге и Владимира на Клязьме.⁷³ Дальнейшая борьба северо-восточных князей – Юрия Долгорукого, Всеволода Большое Гнездо и др. – по устранению внешней угрозы путем освоения всего междуречья Оки и Волги была закончена, как известно, постройкой Нижнего Новгорода в 1221 г.

Проверка границы *b* (вторая половина XI – начало XII вв.). Северо-восточный участок границы *b* исключает из состава Руси мерянские территории по Костроме, что противоречит заключениям В.А.Кучкина.⁷⁴ На западе граница *b* признает русскими часть лагальских племен, а также земли в верхнем течении Швянтойна. Это – отражение ситуации конца XII – начала XIII вв., и поэтому не совсем верно.⁷⁵ На юго-востоке граница *b* захватывает территории верховьев Ворсклы и Северского Донца, хотя известно, что они до самого Псла запустели в конце X – начале XI вв. Русское население вернулось сюда не ранее XII в. в связи с успехами в антиполовецкой борьбе.⁷⁶

Проверка границ *c* (вторая половина XI – начало XII вв.). В исторической науке вопросу о границах между русскими землями-княжествами посвящена огромная литература.^{77а} Свообразным итогом многочисленных дискуссий стала карта А.К.Зайцева «Древнерусское государство в XI в.», подготовленная в Институте истории СССР (1984 г.), но, к сожалению, не изданная. Карта «Войны Киевской Руси» имеет с ней некоторые расхождения (границы между Новгородом и Полоцком, между Смоленском и Новгородом, Ростовом и Черниговом), которые рекомендуется снять, опираясь на прошедшую научную апробацию и признанную ведущими русскими медиевистами карту А.К.Зайцева.

Проверка границы *d* (927 г.). На севере эта граница показана по Дунаю, что далеко не так. Болгария в начале X в. контролировала также и часть современной Румынии по рекам Буззу, Яломице, Арджешу и Олту (в его равнинной части) вплоть до Турну-Северина и даже чуть западнее.^{77в}

Проверка границ *e* (около 1035 г.). Граница *e* обозначает юго-восточные пределы Венгерского королевства примерной линией Турну-Северин-верховья Муреша – притоки Кереша – междуречье Тисы и Прута. На самом деле в указанное время земли вплоть до южных и восточных отрогов Карпат контролировались именно Венгрией.⁷⁸

Северная (дунайская) граница Византийской империи типа *e* на карте указана лишь схематически. Поскольку находящийся в этом месте участок границы *d* рекомендуется снять, восстановить византийский рубеж 1035 г. не составит труда.

Особо следует остановиться на проблеме границы государства волжских болгар. Изображенный нашей картой фронтир Булгарии восходит к классической для своего времени работе А.П.Смирнова, изданной в 1951 г.⁷⁹ Подозреваю, что с тех пор в различных изданиях «Атласа офицера» он оставался неизменным и не учитывал новых работ по истории предшественницы Казанского ханства. А между тем, этот вопрос в последние годы активно разрабатывается

историками, казанскими в частности.⁸⁰ Новейшие работы по истории волжско-камских булгар убедительно доказывают: в IX-X вв. (и, вероятно, в первой трети XI в.) их коренная территория была значительно меньшей, чем это представлено картой «Войны Киевской Руси». Она охватывала течение Камы в районе современной Алабуги до слияния последней с Волгой, небольшой участок в среднем течении Свияги, доходила до Самарской Луки, включала все течение Большого Черемшана, кроме его верховьев, а также низовья Зая.

Рекомендации для изменения. Как уже неоднократно упоминалось, желательно поместить историческую информацию в нижний правый угол анализируемой карты. Предлагается заполнить его, главным образом, границами типа *e* для обозначения Фатимидского халифата, государств Буидов, Газневидов, Шеддадидов и т.д.

Слой «Территории»

Общие замечания. Рассматриваемая карта, к сожалению, не придает этому слою особого значения. В ее легенде помещены только два пункта, связанные с фоновой заливкой. Первый («Территория древнего культурного и политического центра восточных славян») отражен картой вполне адекватно, но с его формулировкой вряд ли можно согласиться. Восточные историки, как известно, сообщают о трех восточнославянских центрах или союзах племен – Куявии (Куябе), Славии и Артании – Арсании. Сошлюсь для примера на хрестоматийное сообщение арабского географа Ибн-Хаукаля, который в этом отрывке передает ситуацию конца IX в.: «И русов три группы. (Первая) группа, ближайшая к Булгару, и царь их в городе, называемом Куйаба, и он больше Булгара. И группа самая высшая (главная) из них, называют ее ас-Славийа, и царь их в городе Салау. (Третья) группа их, называемая ал-Арсанийа, и царь их сидит в Арсе, городе их».⁸¹ Понятно поэтому, что формулировку требуется слегка изменить.

В визуальном воплощении второго пункта легенды («Территории, осваиваемые русскими во второй половине XI – начале XII в.») есть одна неточность: в указанное время русская колонизация не затрагивала нижнего и среднего течения Унжи и Вычегды, а также земель удмуртов. Ее крайними пределами, как это обозначает академическая карта «Народы и государства на территории СССР с конца X до середины XII вв.», были верховья Унжи, Юг и Сухона до места слияния с Вычегдой, Пинега в среднем течении и Северная Двина.

И, наконец, об основном недостатке слоя «Территории». Значительные участки карты вообще не снабжены никакой фоновой заливкой. Эти «белые пятна» визуально ухудшают карту, обедняют ее в смысле наполненности исторической информацией⁸² и невольно создают представление о Руси, существующей в некоем географическом «безвоздушном пространстве». Предлагаю заполнить свободные места, тем более что специальная литература это вполне позволяет. Заранее оговорю одну тонкость. При нанесении фоновой заливки со стопроцентно точным следованием данным археологии и картографии возникает си-

туация, не совсем привычная современному восприятию. Выясняется, что различные археологические культуры, племена, даже целые государства отделялись друг от друга не границами в их теперешнем понимании, а пустынными пространствами неосвоенных или труднодоступных земель; как правило, это относится к государствам кочевников и археологическим культурам. Зрительно это воспринимается с большим трудом, и поэтому, где возможно, буду такой ситуации избегать. В компьютерном варианте карты эти территории, как впрочем и остальные, не «скрепленные» границами, рекомендуется делать с осветлением фонового цвета от центра к периферии. Этот прием заложен в возможностях любой версии Corel Draw, Free Hand или Adobe Illustrator.

Слой «Государства и земли»

Общие замечания. Информацию этого слоя необходимо в единичных случаях подкорректировать. Во-первых, подпись «Венгерское королевство (с 1000)» не совсем точна. Первый король страны Стефан Иштван получил корону и титул от папы Сильвестра II еще при рождении, но официально вступил на престол в 997 г.⁸³ С этого момента и следует считать Венгрию королевством. Во-вторых. За последние годы все чаще можно услышать вопрос, удалось ли Святославу в 965 г. уничтожить Хазарский каганат как государство (смотри подпись «Хазарский каганат до 966»). Отрицательно на него отвечает, например, А.П.Новосельцев: «Утвердившийся в историографии тезис об уничтожении хазарской государственности в 60-е годы X в. неточен... Из рассмотренного материала можно заключить, что хазарское государство существовало еще в 90-е годы X в., хотя мы не можем ничего конкретного сказать ни о его территории, ни о каких-либо событиях, с ним связанных... Можно высказать гипотезу, что Хазарское государство окончательно было ликвидировано в ходе бурных политических событий 50-60-х годов XI в.»⁸⁴

Рекомендации для изменения.

Таблица 4. Подписи государств.

Подпись на карте	Предлагается изменить на	Источник или соображение
Королевство Венгрия (с 1000)	Королевство Венгрия (с 997)	по: ВИ III. С. 443.
Хазарский каганат (до 965)	Хазарский каганат (до кон. X в.)	по: ХГ С. 230-231.
[отсутствует]	государство огузов	по: НГКСА XI.
[отсутствует]	владения Хамданидов	по: ВЕ 213; АЕН 73.
Полоцкая земля	Полоцкая земля [сдвинуть подпись вправо]	по причине сдвинутой вправо границы (см. с. 95 данной статьи, имеется в виду фраза "Карта «Войны Киевской Руси» имеет с ней некоторые расхождения...").

Изменения в легенде.

Ввиду высказанных выше соображений необходимо произвести некоторые изменения в легенде карты (текст приводится целиком).

Таблица 5. Прочие подписи.

Пункты легенды	Предлагается изменить на	Соображения
– Племенные объединения восточных славян	[без изменений]	
– Другие племена и народы	– Другие племена и союзы племен	
– Территория древнего культурного и политического центра восточных славян	– Территория южного культурного и политического центра восточных славян в VII-IX вв.	См. с. 96 данной статьи, имеется в виду абзац " <u>Общие замечания.</u> "
– Граница Киевской Руси в 10 в. – первой половине 11 в.	– Максимальная граница Киевской Руси в IX – первой половине XI в.	
– Граница Киевской Руси во второй половине 11 в. – начале 12 в.	– Максимальная граница Киевской Руси во второй половине XI в. – начале XIII в.	
– Приблизительные границы земель феодальных княжеств, сложившихся на территории Киевской Руси во второй половине 11 в. – начале 12 в.	[арабские цифры изменяются на римские]	
– Главные города княжеских земель.	[без изменений]	

Таблица 6. Маршруты военных походов.

Пункты легенды	Предлагается изменить на	Соображения
– на Сугдею (Сурож) (конец 8 в. или начало 9 в.), о.Эгину, Амастриду (до 842 г.)	– на Сурож (Сугдею, между 800-825 гг.), Амастриду (между 825-840 г.)	См. с. 89 данной статьи, абзац " <u>Хронологическая проверка.</u> " и с.90, абзац "Во-вторых." Стандарт «Старый (новый)».
– на Константинополь: русов (860 г.), князей: Олега (907 г.), Игоря (941 и 944 г.), Владимира Ярославича (1043 г.).	– на Византию: русов (860 г.), князей: Олега (907 г.), Игоря (941 и 944 г.), Владимира Ярославича (1043 г.)	См. с. 88-89 данной статьи, начиная с абзаца " <u>Географическая проверка.</u> " до фразы "Эти события на исправленном варианте карты необходимо отразить."

– к о. Абесгун, п-ову Анджиле, на Сари и в Дайлем	– к о. Абесгун, п-ову Анджиле, на Сари и в Дайлем (880, 908-910 гг.)	
– в Гилян, Дайлем и Табаристан	– в Гилян, Дайлем и Табаристан (913-914 гг.)	См. с. 89 данной статьи, абзац "И еще несколько слов о большом походе русов на Каспий..."
– в Бердаа	– в Бердаа (943-944 гг.)	
– князя Святослава на хазар, волжских болгар и Византию	– князя Святослава на волжских болгар, хазар, Северный Кавказ и Византию	См. с. 90-92 данной статьи, начиная с абзаца " <u>Поход Святослава на Хазарию</u> ." до фразы "На новом варианте карты предлагается поместить эту версию..."
– князя Владимира на червенские города и Херсонес (Корсунь)	– князя Владимира на червенские города и Корсунь (Херсонес)	стандарт «старый (новый)».
– новгородцев на Югру	– новгородцев на югру	См. с. 90 данной статьи, абзац "В-третьих."
– на половцев	[без изменений]	
– Походы византийцев под руководством Иоанна Цимисхия	[без изменений]	
– Основные направления набегов половцев на русские земли	– Основные направления набегов половцев на Русь и Болгарию	как на карте

Таблица 7. Границы.

Пункты легенды	Предлагается изменить на	Соображения
– Граница Священной Римской империи с 962 г.	[без изменений]	
– Граница Болгарского царства в середине 10 в.	– Граница Болгарского царства к 927 г.	См. с. 94 данной статьи, абзац "Датированы они..."
– Границы областей, зависимых от Византийской империи	[без изменений]	
– Границы других государств в первой половине 11 в.	– Границы государств ок. 1035 г.	См. с. 94 данной статьи, абзац "Границы <i>e</i> используются...", прим. 68.
– Важнейшие торговые пути в 9-12 вв.	[арабские цифры изменяются на римские]	

Высказанные выше предложения по изменению карты (более 200), будучи принятыми, сделают ее логичной, цельной, отвечающей сегодняшнему уровню исторических знаний и, наконец, гармоничной. Однако и они не решают всех проблем. Если сравнивать картографический материал «Атласа офицера», непосредственно касающийся русской феодальной истории, выясняется: между картой «Войны Киевской Руси IX – начала XII вв.» (С. 260) и последующей «Монголо-татарские нашествия на Русь и Восточную Европу, 1223-1242 гг.» (С. 261) имеется хронологический разрыв величиной не менее 100 лет. События XII – начала XIII вв. в «Атласе» почти не отражены, а они, между тем, представляют значительный интерес для историка, в том числе военного. Именно в это время русские в борьбе с булгарами значительно продвигаются в волжском регионе, активно осваивают северные территории, воюют с финскими племенами и Швецией (походы новгородцев и карел на емь в конце XII в., в Сигтуну 1187 г.), достигают успехов в Прибалтике (княжества Кукейнос и Герцике), тесно контактируют со странами Восточной Европы – Польшей, Венгрией, – населением южнорусских степей – половцами (знаменитый поход 1185 г. Игоря Святославича, воспетый «Словом о полку Игореве»), Кавказом. К 1216 г. относится одно из крупнейших событий раннерусской военной истории – Липицкая битва. Русь окончательно осваивает свои внутренние территории, в стране формируются полностью самостоятельные княжества, в том числе Владимиро-Суздальское – предшественник Московии. Любое серьезное историко-картографическое издание не просто должно - обязано отражать эти события. Поэтому предлагаю увеличить хронологический «захват» рассмотренной карты и разделить ее надвое: «Войны Киевской Руси, IX – середина XI вв. (до 1054 г.)» и «Войны Киевской Руси, вторая половина XI – начало XIII вв.». При таком подходе, кстати, удастся «разгрузить» центр уже имеющейся карты и избавиться от неудачного, на мой взгляд, картографического приема – использования штриховки (смотри на карте раздел «Земли Киевской Руси, завещанные Ярославом Мудрым в княжение своим сыновьям»). Штриховка дает весьма приблизительное представление о предмете и занимает nepозволительно много места).

Примечания:

- ¹ Смотри, например, в Венгрии: «Марош», а не современный «Муреш», в Скандинавии «Роскилле», «Бьергвин» вместо современных чтений «Роскильде», «Берген» и пр. Подробнее см. ниже.
- ² См. на карте: «Итиль» (Волга) – т.е. дано устаревшее название и в скобках современное и одновременно «Яик» (отсутствует «Урал»), «Русское море» (нет «Черное»), «Мтквари» (не указано «Кура»); «Марийцы (Черемисы)» – т.е. дано современное название и в скобках устаревшее и одновременно «поляки» (современный этноним, устаревшее «ляхи» не обозначено) и т.д. Более полный разбор см. ниже.
- ³ Ограничусь следующими работами: Всемирная история. М. 1957. Т. 3. С. 213 карты «Византийская империя в IX – начале XI вв.», «Болгария в VII – нач. X вв. (далее – ВИ

213); С. 429 карта «Чешское государство во второй половине XIII в.» (далее – ВИ 429); С. 436 карта «Польша в XII – первой половине XIII вв.» (далее ВИ 436); С. 442 карты «Южнославянские государства в конце XII – начале XIII вв.», «Венгрия, Трансильвания, Молдавия и Валахия в XIII в.» (далее ВИ 442); а также карты в специальном приложении к 3-му тому «Всемирной истории»: «Народы и государства Восточной Европы в IX-X вв. (до 980 г.)» (далее – НГВР); «Европа в конце IX – начале XI вв.» (далее – Е IX-XI); «Страны Закавказья в IX-X вв.» (далее – СЗ IX-X); «Сельджукское государство на территории Ирана и сопредельных стран в конце XI в.» (далее – СГТИСС XI); «Средняя Азия в X в.» (далее – СА X); Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М. 1972. Вклейка между С. 344-345. Карта «Саманидское и Газневидское государства» (далее – Г); Древняя Русь. Город, замок, село // Археология СССР. М. 1985. С. 400 карта «Распространение серебряных сосудов Ирана и Средней Азии VI-VIII вв. на Кавказе и в Восточной Европе» (далее – ДР 400); С. 401 карта «Клады куфических монет на территории Восточной Европы» (далее – ДР 401); С. 402 карта «Распространение восточных изделий из металла X-XIII вв. в Восточной Европе» (далее – ДР 402); С. 404 карта «Распространение поливной и стеклянной посуды Востока в Восточной Европе» (далее – ДР 404); С. 406 карта «Распространение находок скандинавских фибул на территории Древней Руси» (далее – ДР 406); С. 408 карта «Произведения византийского художественного ремесла X-XIII вв., обнаруженные в Восточной Европе» (далее – ДР 408); С. 411 карта «Распространение произведений западноевропейского художественного ремесла XII-XIII вв. на территории Восточной Европы» (далее – ДР 411); История культуры Древней Руси. М.-Л. 1951. Ч. 1. Вклейка между С. 320-321, карта «Схема торговых путей XI-XIII вв. (далее – ИКДР); История средних веков. М. 1951. Т. 1. карты-вклады «Европа и Средиземноморье в конце IX в.» (далее – ЕС IX); «Европа и Средиземноморье в XII в.» (далее – ЕС XII); «Экономические центры и торговые пути Европы в XI-XIII вв.» (далее – ЭЦТПЕ XI-XIII); История средних веков. М. 1952. Т. 1. С. 199 карта «Великоморавское государство в кон. IX в.» (далее – ИСВ 199); С. 201 карта «Польша в кон. X – нач. XI вв.» (далее – ИСВ 201); С. 228 карта «Византийская империя в IX-XI вв.» (далее – ИСВ 228); С. 428-429 карта «Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в XII-XV вв.» (далее – ИСВ 428-429); С. 489 карта «Дания в первой половине XIII в.» (далее – ИСВ 489); Куза А.В. Малые города Древней Руси. М. 1989. Карты-приложения «Древнерусские летописные города X-XIII вв.», «Археологическая изученность древнерусских городищ» (далее – Куза); Курбагов Г.Л. История Византии. М. 1984. С. 114-115 карта «Экономическая карта Византии X-XI вв.» (далее – КИВ 114-115); С. 142-143 карта «Византия XI в.» (далее – КИВ 142-143); С. 146-147 карта «Византия и крестовые походы» (далее – КИВ 146-147); С. 150-151 карта «Византия и IV крестовый поход» (далее – КИВ 150-151); Греков Б.Д. (отв. ред.). Очерки истории СССР. М. 1953. Ч. 1. IX-XIII вв. (далее – ОИС), карты-приложения «Галицко-Волынская Русь в конце XII и первой половине XIII в.» (далее – ГВР XII-XIII); «Народы и государства на территории СССР в IX-X вв. (до 980-х гг.)» (далее – НГТС IX-X); «Народы и государства на территории СССР с конца X до середины XII вв.» (далее – НГТС X-XII); «Народы и государства на территории СССР в XII – начале XIII вв. и татаро-монгольское завоевание» (далее – НГТС XII-XIII); «Народы Прибалтики и Северо-Западная Русь в XIII в. (борьба за независимость)» (далее – НПСЗР); «Государства Закавказья в кон.

XII – нач. XIII вв.» (далее – ГЗ XII-XIII); Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М. 1951. С. 64-65 карта-вклейка «Киевская земля» (далее – Н 64-65); С. 80-81 карта-вклейка «Новгородская земля. Основная часть» (далее – Н 80-81); С. 96-97 карта-вклейка «Новгородская земля» (далее – Н 96-97); С. 120-121 карта-вклейка «Новгородские пятины» (далее – Н 120-121); С. 136-137 карта-вклейка «Галицко-Волынская земля» (далее – Н 136-137); С. 160-161 карта-вклейка «Смоленская земля» (далее – Н 160-161); С. 184-185 карта-вклейка «Ростово-Суздальская земля» (далее – Н 184-185); Плетнева С.А. Саркел и «шелковый путь». Воронеж. 1996. С. 147 карта «Дороги, идущие от Саркела на юг, восток и запад» (далее – П 147); С. 149 карта «Дороги, идущие от Саркела на север и северо-запад» (далее – П 149); Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М. 1982. С. 291 карта «Русь начала IX в. и ее внешние связи» (далее – Р 291); С. 317 карта «Полнодье киевских князей в первой половине X в. по данным императора Константина Багрянородного» (далее – Р 317); С. 375 карта «Киевская Русь X – XII вв. Схема» (далее – Р 375); С. 417 карта «Общая схема русских княжеств в XII в.» (далее – Р 417); С. 536-537 карта «Новгородская земля» (далее – Р 536-537); Сказкин С.Д. (отв. ред.) История Византии. М. 1967. Т. 3. С. 24-25 карта-вклейка «Латинская империя» (далее – СИБ 24-25); С. 209 карта «Византийская империя в 1025 г.» (далее – СИБ 209); Славяне и скандинавы. М. 1986. Сб.ст. С. 9. карта «Племена и народы Балтики в эпоху раннего средневековья» (далее – СС 9); С. 42-43 карта «Торговые пути раннесредневековой Европы» (далее – СС 42-43); Степи Европы в эпоху средневековья // Археология СССР. М. 1981. С. 251 карта «Волжская Болгария в домонгольское время (X – начале XIII вв.)» (далее – СЕЭС 251); С. 257 карта «Восточноевропейские степи в половецкий период» (далее – СЕЭС 257); С. 282 карта «Степи в VIII – начале X вв.» (далее – СЕЭС 282); Толочко П.П. Киевская Русь. Киев. 1987. С. 58 карта «Древнерусское государство в середине XI в.» (далее – Т 58); Толочко П. Київська Русь. Київ. 1996. С. 188 карта «Міжнародні торговельні шляхи київської Русі» (далее – То 188); Финно-угры и балты в эпоху средневековья // Археология СССР. М. 1987. С. 8-9 карта «Финно-угры и балты в раннем средневековье» (далее – ФУБЭС 8-9); С. 16 карта «Расселение эстов» (далее – ФУБЭС 16); С. 24 карта «Памятники ливов» (далее – ФУБЭС 24); С. 36 карта «Археологические памятники води, корелы и ижоры» (далее – ФУБЭС 36); С. 54, 55 карты «Памятники веси X-XII вв.» (далее – ФУБЭС 54, 55); С. 65 карта «Памятники чуди заволочской» (далее – ФУБЭС 65); С. 70 карта «Характерные украшения мери» (далее – ФУБЭС 70); С. 72 карта «Поселения и грунтовые могильники мери» (далее – ФУБЭС 72); С. 99 карта «Археологические памятники мордвы VI-XV вв.» (далее – ФУБЭС 99); С. 110 карта «Археологические памятники марийцев VI-XIII вв.» (далее – ФУБЭС 110); С. 123 карта «Распространение основных памятников вымской культуры» (далее – ФУБЭС 123); С. 137 карта «Распространение основных памятников чепецкой культуры» (далее – ФУБЭС 137); С. 145 карта «Размещение основных памятников харино-ломоватской культуры» (далее – ФУБЭС 145); С. 154 карта «Распространение основных памятников родановской культуры» (далее – ФУБЭС 154); С. 362 карта «Памятники латышских племен» (далее – ФУБЭС 362); С. 382 карта «Памятники литовских племен» (далее – ФУБЭС 382); С. 400 карта «Памятники пруссов» (далее – ФУБЭС 400); С. 410 карта «Памятники куршей и скалвов» (далее – ФУБЭС 410); С. 412 карта «Памятники ятвягов» (далее – ФУБЭС 412); комплекс карт, подготовленных

Институтом истории СССР в начале 80-х годов и не изданных: карта «Волжская Булгария в IX – первой половине XIII вв.». М. 1983 (далее – ВБ IX-XIII); карта А.К. Зайцева «Древнерусское государство в XI в.». М. 1984 (далее – ДГ XI); карта «Восточная Европа в IX-XI вв. (до 1054 г.)» (далее – ВЕ IX-XI); «Восточная Европа в XII и перв. пол. XIII в.» (далее – ВЕ XII-XIII); «Народы и государства Казахстана и Средней Азии в XI в.» (далее – НГКСА XI); Илюстрованая храналогія гісторыі Беларусі. Мінск. 1995. С. 16 карта «Крывічы» (далее – ИХИБ 16); С. 17 карта «Дрыгавічы» (далее – ИХИБ 17); С. 21 карта «Старожытныя землі Беларусі у 11-13 ст.ст.» (далее – ИХИБ 21); Atlas of European History. London. 1994. P. 72-73 map «Feudal Europe» (далее – АЕН 72-73); P. 74 map «The Expansion of Poland Under Boleslaw the Brave, 992-1025» (далее – АЕН 74); Малый атлас мира. М. 1997. С. 20-21 карта «Российская Федерация. Север и северо-запад Европейской части» (далее – МАМ 20-21); С. 16 карта «Российская Федерация (далее – МАМ 16); С. 32-33 карта «Российская Федерация. Урал» (далее – МАМ 32-33); С. 58-59 карта «Норвегия, Швеция, Финляндия» (далее – МАМ 58-59); С. 64-65 карта «Германия» (далее – МАМ 64-65); с. 80-81 карта «Венгрия, Словения, Хорватия, Югославия, Босния и Герцеговина, Македония, Албания» (далее – МАМ 80-81); С. 88-89 карта «Западный и Центральный Казахстан» (далее – МАМ 88-89); С. 121 карта «Турция» (далее – МАМ 121).

⁴ В соответствии с ними, как минимум, необходимо введение единого стандарта нанесения названий для, надеюсь, улучшенного и исправленного варианта карты. В качестве такового предлагается следующее: подпись без скобок обозначает название IX-XII вв., так как оно было известно на Руси в то время, в скобках – вариант устаревшего названия или же современное (для краткости назову его стандарт «старый (новый)»). Разумеется, речь идет о современном произнесении и написании исторического термина, а не его точной передаче на старославянском языке, – на карте должно значиться «Смоленск», а не «Смоленескъ», «Смоленьск»; «Полоцк», а не «Полтськъ», «Полотьськъ»; «Русь», а не «Роусь» и т.д. Во-вторых. Под «устаревшим» или «историческим» термином (в нашем случае – «названием IX-XII вв.») будем понимать комплекс названий, сохранившихся в трех наиболее ранних русских летописях – Лаврентьевской (по изданию: Полное собрание русских летописей. М. 1997. Т. 1. Далее – Лавр.); Ипатьевской (Полное собрание русских летописей. М. 1998. Т. 2. Далее – Ипат.) и Новгородской 1 летописи старшего извода (М.-Л. 1950. далее – Н1Л). И, хотя в исторической науке широко распространен метод реконструкции исторической действительности IX-XIII вв. на основе летописного материала XV-XVIII вв., именно такой подход представляется более корректным и, что немаловажно, экономичным. Далее. Точное следование стандарту «старый (новый)» возможно только на географических территориях Руси и подконтрольных ей. На соседних землях первое место в подписи необходимо зачастую отдавать термину западноевропейского или восточного происхождения – писать, например, «Адриатическое море», а не «Андриатинская пучина»; «Адрианополь», а не «Одрин». В случае с рекой Волгой разумно поступать следующим образом: в границах Руси именовать ее этим именем, на территории степей добавлять восточный эквивалент названия («Итиль (Волга)»). В-четвертых. Всегда следует иметь в виду фактор свободного места на плоскости карты, который затрудняет точное следование стандарту: так, соблазнительно подпись «Мтквари» изменить по соображениям единого подхода ко всем названиям на «Мтквари (Кура)». Сделать же

это невозможно, ибо в данной географической проекции Кавказ занимает весьма не-большое пространство на листе бумаги.

- ⁵ ХГ С. 131; 22, 112, 133, 165; см. также: Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131-1153). М. 1971. С. 27-30, 65-66; Айтберов Т.М. Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала. 1986. Сборник. С. 22-25. В свете последних работ Саксин разумнее связывать с памятниками типа Самосдельного городища X-XIII вв. в дельте Волги. Смотри: Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., Зиливинская Э.Д. Городище Самосделка - памятник домонгольского периода в низовьях Волги // Степи Европы в эпоху средневековья. До-нецк. 2003. Т. 3. С. 83-122. [А.А., прим. 2005 г.]
- ⁶ Куза А.В. Ук. соч. Особую ценность представляют две карты, помещенные в специальном приложении, на основе которых проводится корректировка пунсонов.
- ⁷ Вновь процитирую А.П.Новосельцева о месте расположения Семендера: «Вопрос остается спорным до основательного археологического обследования северной части Приморского Дагестана, где много городищ хазарского времени» (ХГ С. 28); об Итиле: «К сожалению, археологи до сих пор Атиль не нашли. Л.Н.Гумилев, особенно много занимавшийся поисками хазарской столицы, полагал, что место Атиля он нашел, но остатки города не обнаружил, так как они, очевидно, смыты рекой» (ХГ С. 130-131). Подробнее см.: ХГ С. 125-134; Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. М. 1966. С. 27.
- ⁸ СРС С. 257, 258.
- ⁹ Р С. 380; ВИ Ш. С. 226.
- ¹⁰ ВИ Ш. С. 419.
- ¹¹ А именно это имеется в виду картой «Войны Киевской Руси», ибо в противном случае для 1035 г. Плиска обозначена как вторая столица Византийской империи. Разумеется, как и в случае с Итилем, профессиональный историк поймет, что столица Болгарии имеет отношение ко времени походов Святослава, но, во-первых, ею должен быть Преслав, а во-вторых, эту тонкость необходимо оговорить в легенде.
- ¹² Отсутствуют также торговые пути в Средней Европе, Анатолии, на Кавказе и в Прикаспии, с чем никак нельзя согласиться.
- ¹³ Подробно не вдаваясь в суть проблемы отмечу, что все современные толкования терминов «варяги» сводятся к обозначению вооруженного купца или наемника из Скандинавии без обозначения его этнической принадлежности. Это отмечено уже Повестью временных лет: «[И] идаша за море кь Варягомъ, к Рүсі, сице бо ся звяхүть и варязи сүть, яко се друзини зъвүтсѧ свое, друзини же Оүрмане, Анъ-гляне, друзин Гьте...» [«И отправились за море к варягам – Руси, так зовут тех варягов, как другие зовутся шведами, норвежцами, англами, готами...» – перевод мой – А.А.] – Лавр. Стб. 19. См. также: Гуревич А.Я. Походы викингов. М. 1966. С. 80-81; Кузьмин А.Г. Об этнической природе варягов // Вопросы истории. 1974. 11. С. 54; Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л. 1985; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М. 1964. Т. 1. С. 276; Херрман Йоахим. Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы. М. 1986. Сб. ст. С. 35. Прим. 64-66; Arbman H. The Vikings. London. 1969; Askoberg F. Norden och Kontinent. Uppsala. 1944; Oxenstierna E. Die Wikinger. Stuttgart. 1966; Riasanowsky A.V. The Varangian Question // Normanni e la loro Espansione. I. P. 171; Vasmer M. Schriften zur slawischen Ahertomskunde und Namenskunde. Berlin. 1971. Bd. II. S. 819; Vogel W. Wik-Orte und Wikinger // Die Stadt

des Mittelalters. Darmstadt. 1969. Bd. I. S. 197-200. Термин «норманны» примерно соответствует современному «скандинавы» и ни в коем случае не может применяться только к шведам, как это обозначено на карте.

- ¹⁴ Например, одновременно помещены подписи «угры (венгры)» и «марийцы (черемисы)». В первом случае древнерусское обозначение народа поставлено в начало, в скобках же сообщается современное. Во втором случае – наоборот.
- ¹⁵ Седов В.В. (отв. ред.). Финно-угры и балты в эпоху средневековья // Археология СССР. М. 1987 (далее – ФУБЭС).
- ¹⁶ Голубева Л.А. Марийцы // ФУБЭС С. 107-115. Карта С. 110.
- ¹⁷ Розенфельд Р.Л. Коми-зырянские племена IX-XI вв. Вымская культура; коми-пермяцкие племена в IX-XI вв. Родановская культура // ФУБЭС С. 122-129; 153-162; карты С. 123, 154.
- ¹⁸ Седов В.В. Эсты // ФУБЭС С. 13-23, карта С. 16.
- ¹⁹ Он же. Ятвяги // ФУБЭС С. 411-419, карта С. 412.
- ²⁰ Мажитов Н.А. Южный Урал в IX – начале XI вв. / Степи Евразии в эпоху средневековья // Археология СССР. М. 1981. С. 80-82, карта С. 257. См. также: Археологическая карта Башкирии. М. 1976; Мажитов Н.А. К изучению археологии Башкирии I тысячелетия н.э. // Археология и этнография Башкирии. Уфа. 1964. Т. 2; Он же. Происхождение башкир // Археология и этнография Башкирии. Уфа. 1971. Т. 4; Он же. Южный Урал в VII-XIV вв. М. 1977.
- ²¹ Так, А.П.Новосельцев говорит о земле буртасов, «т.е. финно-угров, предков мордвы и родственных ей племен» – ХГ С. 197. Смотри также в «Очерках истории СССР»: «Самыми многочисленными мордовскими племенами были эрзя и мокша. Источники называют соседнее и, по-видимому, родственное мордве племя буртасов» – ОИС I. С. 332.
- ²² Б.А.Рыбаков, анализируя данные «Худуд ал-Алам», приходил к выводу, что в X в. «Буртасия начиналась несколько севернее Саратова и простиралась почти до Волго-Донской переволки близ Волгограда, занимая пространство правобережья Волги примерно на 350-400 км» – Р С. 225, смотри также С. 206. А.П.Новосельцев не исключал того факта, что буртасы X-XIII вв. сместились на север под давлением кочевников – ХГ С. 239. Прим. 354. По данным археологии проверить это не представляется возможным – так на карте «Археологические памятники мордвы VI-XV вв.» (ФУБЭС 99) памятники последних не прослеживаются южнее современных городов Сызрани, Пензы и Аткарска Саратовской области (в верховьях реки Медведицы). По буртасской проблеме см. также: Алихова А.Е. Из истории мордвы конца I – начала II тысячелетия н.э. // Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск. 1959; Она же. Расселение мордовского народа по данным археологии // Этногенез мордовского народа. Саранск. 1965; Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья // Материалы и исследования по археологии СССР. М.-Л. 1964. Вып. 94; Жиганов М.Ф. Изучение археологических памятников мордовского народа за годы Советской власти // Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск. 1959; Седов В.В. Финно-угорская археология в 1970-1981 гг. (эпоха средневековья) // Краткие сообщения Института археологии. М. 1983. Вып. 175; Смирнов А.П. К вопросу о буртасах // Краткие сообщения Института истории и материальной культуры. М.-Л. 1951. Вып. 40; Он же. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // Материалы и исследования по археологии СССР. М.-Л. 1952. Вып. 28; Он же. Этногенез мордовского народа по

- данным археологии. I-XV вв. н.э. // Этногенез мордовского народа. Саранск. 1965; Степанов П.Д. Археологические памятники на территории Мордовии. Саранск. 1969; Третьяков П.Н. К вопросу об этническом составе населения Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н.э. // Советская археология. 1957. № 2.
- ²³ Плетнева С.А. Половцы. М. 1990. С. 9. (Справедливости ради отмечу, что печенего-кыпчакские племена известны еще в VII-VIII вв. на Сырдарье, а в VIII-IX вв. они контролировали и Приаралье).
- ²⁴ Там же. С. 12.
- ²⁵ Там же. С. 14. См. также: Плетнева С.А. Хазары. М. 1986. С. 62-74.
- ²⁶ «И бе сеча зла, и одва одолевь к вечеру Ярославь, и повегоша Печенеже раздно, и не ведахуся камо бежаче, и овни бегающе тоняху вы Ситолми, инен же во инеху рекаху и таки погнибоша, а прокъ ихъ провегоша и до сего дни» – Ипат. стб. 138-139. Перевод примерно такой: «И была злая сеча, и едва победил к вечеру Ярослав. И побежали печенеги в разные стороны, не зная, кто куда бежит. И одни, отступая, утонули в Сетомле, а другие в других реках, а остаток их скитается и до сего дня».
- ²⁷ По печенежскому вопросу см.: Артамонов М.И. История хазар. Л. 1962; Васильевский В.Г. Византия и печенеги // Труды. СПб. 1908. Т. 1; Голубовский П.В. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар // Университетские известия. Киев. 1883. № 1; Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // Материалы и исследования по археологии СССР. М.-Л. 1958. Вып. 62; Она же. Печенеги, торки, половцы // СЕЭС. М. 1981. С. 214; Она же. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М. 1982; Она же. Хазары. М. 1986; Она же. Половцы. М. 1990; Расовский Д.А. Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Венгрии // *Seminarium Kondakovianum*. Praga. 1933. VI.
- ²⁸ См.: НГКСА XI.
- ²⁹ Лавр. Стб. 84 под 985 г.; Ипат. Стб. 71 под 985 г.
- ³⁰ Плетнева С.А. Половцы. М. 1990. С. 25. Смотри на разбираемой карте в Южной Руси надпись «торки», которая, согласно легенде, должна относиться к первой половине XI в.
- ³¹ О берендеях см.: Лавр. Стб. 261 под 1097 г., 292 под 1120 г., 305 под 1138 г. и др.; Ипат. Стб. 240-241 под 1097 г., 257 под 1105 г. О ковуях: Ипат. Стб. 427 под 1151 г. О турпях: Лавр. Стб. 326 под 1150 г., Ипат. Стб. 427 под 1151 г. О черных клобуках: Лавр. Стб. 332 под 1152 г., 417 под 1202 г.; Ипат. Стб. 323 под 1146 г., 421, 426 под 1151 г. Как можно заключить из летописных упоминаний, это очень близкие племена: «Вячеславъ же, Изяславъ и Ростиславъ послушавше дружину своею и Киянгъ и Черныхъ Клобуковъ и тако отрядиша Володимера брата свое по веже с Торкы и с Кооуи и с Берендеи и с Печенеги, а сами поидоша къ Треполю» [«Вячеслав же, Изяслав и Ростислав послушали совета своей дружины, киевлян и черных клобуков, и отправили своего брата Владимира на становища (половцев) с торками, и ковуями, берендеями и печенегами, а сами пошли к Треполю» – пер. мой – А.А.] – Ипат. Стб. 427 под 1151 г.
- ³² Могильников В.А. Кимаки. Сросткинская культура // СЕЭС С. 43-45, карта С. 131.
- ³³ История Казахстана. Алматы. 1996. Т. 1. С. 329-333.
- ³⁴ О гузах, кипчаках, кимаках и торках см.: Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. Ашхабад. 1969; Ахинджанов С.М. Об этническом составе кипчаков средневекового Казахстана // Прошлое Казахстана по архео-

логическим источником. Алма-Ата. 1976; Он же. Из истории движения кочевых племен евразийских степей в первой половине XI в. // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата. 1978; Он же. Кипчаки в истории средневекового Казахстана. Алматы. 1995; Бартольд В.В. Кипчаки // Сочинения. М. 1968. Т. 5; Голубовский П.В. Половцы в Венгрии // Университетские известия. Киев. 1889. № 12; Он же. Об огузах и торках // Журнал Министерства народного просвещения. М. 1884. № 7; Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX-XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата. 1972; Он же. Арабские источники по истории кипчаков, куманов и кимаков VIII-XIII вв. СПб. 1994; Мец Н.Д. К вопросу о торках // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.-Л. 1948. Вып. 22; Расовский Д.А. Половцы // *Seminarium Kondakovianum*. Praga. 1935-1938. VII-X; Савинов Д.Г. Расселение кимаков в IX-X вв. по археологическим источникам // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата. 1976; Спицын А.А. Курганы киевских торков и берендеев // Записки Императорского Русского археологического общества. СПб. 1899. Т. XI. Вып. 1-2; Сум П. Историческое рассуждение об узгах и половцах // Чтения Общества истории и древностей российских. М. 1846. № 1.

Из вышеизложенного становится понятно, что подпись «кипчаки (9 в.)» на рассматриваемой карте практически лишена исторического смысла (в IX в. находятся значительные восточнее); подписи же «печенеги (до середины 9 в.)», «половцы (с 1056)», «печенеги (до серед. 11 в.)» нуждаются в уточнении.

- ³⁵ Хотя не исключено, что в XIII в. «Слово о погибели Русской земли» под термином «Вяда» имело в виду именно предков удмуртов.
- ³⁶ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131-1153). М. 1971. С. 31-34. См. также: Монгайт А.Л. Абу Хамид ал-Гарнати и его путешествие в русские земли в 1150-1153 гг. // История СССР. М. 1959. Т. 1. С. 172.
- ³⁷ Розенфельдт Р.Л. Чепецкая культура // ФУБЭС С. 135-144, карта С. 137.
- ³⁸ См.: Заходер Б.И. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М. 1962. Т. 1; 1967. Т. 2; Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента в X-XI вв. М. 1963; Пахомов Е.А. Дербентское княжество XII-XIII вв. // Известия Азербайджанского государственного научно-исследовательского института. Баку. 1930. Т. I. Вып. 2.
- ³⁹ Поскольку ниже предлагается разделить исправленный вариант карты надвое («Войны Киевской Руси в IX – середине XI вв.» и «Во второй половине XI – начале XIII вв.»), она может быть легко восстановлена на второй части.
- ⁴⁰ Лавр. Стб. 6. Мой перевод такой: «Славяне же, которые пришли и осели на Висле, назвались ляхами. А от тех ляхов назвались поляне. Другие ляхи – лютичи, мазовшане или поморяне» – А.А.
- ⁴¹ См.: ИСВ 201; СРС 49. Из-за отсутствия свободного места не предлагаю поступить точно так же с подписью «чехи».
- ⁴² Отдельные его части в разные времена назывались Арцахом-Карабагом, Сакасенной или Шакашенной, Сюником, Байлаканом, Санарией-Париссосом, Хаченом, Вайоццором и т.д., но это тема отдельного разговора.
- ⁴³ «Албания (Алпаниа, Агвания арм. источников), иначе Арран – первоначальное название Сев. Азербайджана; в XI-XII вв. и позднее Арраном именовалась часть Сев. Азербайджана между рр. Курой и Араксом и нынешним Карабахским хребтом на западе». – ОИС I. С. 642. Прим. 1. Смотри также С. 652. По вопросу смотри: Беляев Е.А. Арабы, ислам и Арабский халифат в раннее средневековье. М. 1966. С. 208-209. Карта-

вклейка «Багдадский халифат и Магриб при Харун ар-Рашиде»; Буниятов З.М. Азербайджан в VII-IX вв. Баку. 1965. С. 380-381. Карта-вклейка «Азербайджан в VIII-IX вв.»; Вейлиев С. Древний, древний Азербайджан. Баку. 1987; Всемирная история. М. 1956. Т. 2. Карты-приложения «Закавказье в I-IV вв. н.э.», «Иран и Средняя Азия в III-IV вв. н.э.», «Эллинистические государства в первой четверти III в. до н.э.»; Всемирная история. М. 1958. Т. 4. С. 560-561. Карта-вклейка «Государство Сефевидов в XVI – сер. XVII вв.», С. 569. Карта «Кавказ в XVI – первой половине XVII в.»; Мухелишвили Д.Л. Из исторической географии Восточной Грузии (Шаки и Гогарена). Тбилиси. 1982. Карты С. 31, 44, 50, 67; Очерки истории СССР. III-IX вв. М. 1958. С. 104-105. Карта-вклейка «Европа и Азия в VI в.», С. 784-785. Карта-вклейка «Европа и Азия в IX в.» (далее – ЕА IX); Очерки истории СССР. XIV-XV вв. М. 1953. Ч. 2. Карта-приложение «Средняя Азия и Кавказ с конца XIII до начала XV в.» (далее САК XIII-XV); ХГ С. 42 прим. 299-300, 173; Фрай Р. Наследие Ирана. М. 1972. Карта С. 348.

⁴⁴ «Игорь же... пошел на греков в ладьях и на конях. Услышав это, царь послал к Игорю лучших бояр, умоляя и говоря: «Не ходи, но возьми дань, какую брал Олег, и добавлю еще к той дани». Игорь же, дойдя до Дуная, созвал дружину и начал совещаться..., повелел печенегам воевать Болгарскую землю, а сам, взяв у греков золото и паволоки [драгоценные ткани] на всех воинов, повернул назад и пришел к Киеву со всеми своими» – Лавр. Стб. 45-46. Пер. мой – А.А. См. также: Ипат. Стб. 34-35.

⁴⁵ «Послал Ярослав [Мудрый] сына своего Владимира на греков и дал ему много воинов... И пошел Владимир в ладьях, и пришел к Дунаю, [и] пошел к Царьграду. И была великая буря, и разбила корабли Руси, и ветер разбил княжеский корабль..., остальные же воины Владимира были выброшены на берег. И была весть грекам, что море разбило русские корабли, и послал царь именем Мономах на них 14 ладей. Владимир же, увидев с дружиною погоню, вернулся и разбил ладьи греческие, и сев в свои корабли, вернулся на Русь». – Лавр. Стб. 154. Пер. мой – А.А. См. также: Ипат. Стб. 142; Н1Л С. 16 (без подробностей).

⁴⁶ «Пошел Игорь на греков... и начал воевать Вифинию и воевал по Черному морю до Ираклии, и до Пафлагонии, и всю страну Никомидийскую попленил и Суд [т.е. залив Золотой Рог в Константинополе] весь пожег». Феофан «встретил их в ладьях с огнем и начал пускать по трубам огонь на ладьи русские. И было видно страшное чудо: русские, видя огонь, прыгали в воду морскую, чтобы спастись. И так остальные вернулись восвояси. Те же, кто пришел в землю свою, рассказали своим о случившемся и о ладейном огне, подобном молнии на небесах, который есть у греков: пускали его и жгли нас, поэтому и не одолели их». – Лавр. Стб. 44-45. Пер. мой – А.А. См. также: Ипат. Стб. 33.

⁴⁷ См. маршрут русских (без указания даты) на НГВЕ IX-X.

⁴⁸ Напомню, что по поводу каспийских событий 909-914 гг. в литературе существует две точки зрения. Согласно первой, русских походов в этот регион было два – в 909-910 и 913-914 гг. См. Бартольд В.В. Сочинения. М. 1963. Т. 2. Ч. 1. С. 829-832 или Он же. Арабские известия о русах // Советское востоковедение. М.-Л. 1940. Т. 1; Дорн Б. Каспий. О походах русских в Табаристан // Записки Императорской Академии наук. СПб. 1875. Т. 26. Кн. 1. С. 5. В соответствии со второй точкой зрения поход был только один (909-910 гг.) и его с разной степенью детализации параллельно рассказывают ал-Масуди и «История Табаристана» – см. Минорский В.Ф. Ук. соч. С. 150; Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М. 1968. С. 99. См. также мнение о трех

- русских набегам в Южный Прикаспий (910-922 гг.): Алиев С.М. О датировке набегов русов, упомянутых Ибн Исфендияром и Амоли // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М. 1969. Вып. 2. С. 316-321 и об одном походе между 909 и 914 гг.: Новосельцев А.П. ХГ С. 212-215. Здесь будем следовать традиционному взгляду и говорить о двух походах, хотя противоположная точка зрения представляется вполне обоснованной. Текст ал-Масуди смотри: Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб. 1870. С. 130-131.
- ⁴⁹ ОИС I. С. 82-83.
- ⁵⁰ Текст смотри: Васильевский В.Г. Труды. Пг. 1915. Т. 3. С. 95-96.
- ⁵¹ Горский А.Д. (ред.). Материалы по истории СССР. М. 1985. Вып. 1. С. 263 (далее – М); Творогов О.В. Древняя Русь. События и люди. СПб. 1994. С. 6. (далее – ДРСЛ).
- ⁵² Цит. по: М С. 267.
- ⁵³ «Историки считают, что данный поход имел место между 820 и 840 гг.» – М С. 266; «Между 825 и 842 гг. флот русов опустошил Амастриду – город в византийской провинции Пафлагония, на северо-западе полуострова Малая Азия» – ДРСЛ С. 6. Выбираю крайние даты.
- ⁵⁴ «Хочу же сказать о том, что слышал за 4 года до этого и что рассказал мне новгородец Гюряга Рогович: послал он отрока своего в Печору, которые дают Новгороду дань. И пришел тот отрок к ним и оттуда шел в Югру. Югра же не знает русского языка и соседствует с самоедами на севере» [Пер. литературный – А.А.] – Ипат. Стб. 224-225, см. также Лавр. Стб. 234-235. То есть в 1092 г. летописец только слышал рассказ, когда же произошло событие – неизвестно. Основываясь на помещенных выше сведениях с равной долей убедительности можно говорить как о военном походе новгородцев на югру в 1092 г., так и о том, например, что «уже в конце XI в. бояре Новгородской республики за свой счет снаряжали экспедиции на Крайний Север».
- ⁵⁵ Единственное известие, хоть как-то затрагивающее далекие северные территории, помещено в летописи под 1078 г. и звучит так: **«В се же лето оубьенъ высть Глебъ Святославль сынъ в Заволочьи** (В этом же году был убит Глеб Святославич в Заволочье)» – Ипат. Стб. 190; Лавр. Стб. 199; НЛ С. 18 под 1079 г. Заволочье – область по Северной Двине между впадением в нее Вычегды на востоке и Водлозером на западе. Смотри: НГТС XII-XIII.
- ⁵⁶ Подробнее о взаимоотношениях новгородцев с югрой смотри: Н С. 80, 113-114.
- ⁵⁷ Ниже перечислены далеко не все работы: Артамонов М.И. История хазар. Л. 1962. С. 426-429; Берлин И. Исторические судьбы еврейского народа на территории Русского государства. Пг. 1919; Гадло А.В. Восточный поход Святослава (к вопросу о начале Тмутараканского княжения) // Проблемы истории феодальной России. Л. 1971. Сб.ст.; Он же. Этническая история Северного Кавказа, IV-X вв. Л. 1979. С. 207; Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. М. 1966; Он же. Сказание о хазарской дани // Русская литература. 1974. № 8. С. 171-173; Знойко. О походах Святослава на Восток // Журнал Министерства народного просвещения. 1908; Каргалов В.В. Полководцы X-XVI вв. М. 1989; Каргалов В.В., Сахаров А.Н. Полководцы Древней Руси // Жизнь замечательных людей. М. 1986; Калинина Т.М. Сведения Ибн-Хаукаля о походах Руси времени Святослава // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. М. 1976; Кожин В. Ольга и Святослав // Родина. 1992. № 11-12; Лебедев И. Войны Святослава // Исторический журнал. 1938. № 5. С. 47-61; Мавродин В.В. Очерки по истории феодальной Руси. Л. 1949; Новосельцев А.П.

Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шапов Я.Н. Древнерусское государство и его международное значение. М. 1965; Новосельцев А.П. ХГ С. 220-231; Оргиш В.П. Древняя Русь. Образование Киевского государства и введение христианства. Минск. 1988; Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М. 1968. С. 90-91; Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX-XI веков. Смоленск – М. 1995; Плетнева С.А. Хазары. М. 1986. С. 71-72; Рыбаков Б.А. Обзор общих явлений русской истории, IX – середина XIII века // Вопросы истории. 1962, № 4; Сахаров А.Н. Дипломатия Святослава. М. 1982. С. 97-99, 101; Он же. Восточный поход Святослава и «Записка греческого топарха» // История СССР. 1982. № 3. С. 86-104; Он же. Дипломатия Древней Руси. М. 1987; Dunlop D.M.H.M. The History of the Jewish Khazars. Princeton, New Jersey. 1954. P. 244, 250-261; Golden P. Khazar Studies. Budapest. 1980. Vol. 1. P. 82-85; Validi; Togan A.Z. Umumi turk tarihine giris. Istanbul. 1946. S. 319. О Святославе смотри также: Карышковский П.О. О хронологии русско-византийской войны при Святославе // Византийский Временник. 1952. Т. 5; Он же. К истории балканских войн Святослава // Византийский Временник. 1953. Т. 7; Приселков М.Д. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам // Ученые записки Ленинградского госуниверситета. 1941. Серия исторических наук. № 67. Вып. 7. С. 5-24; Тихомиров М.Н. Поход Святослава в Болгарию // Исторические связи России со славянскими народами. М. 1949; Чертков А.Д. Описание войны великого князя Святослава Игоревича против болгар и греков в 967-971 годах. М. 1843; Якубовский А.Ю. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX-X вв. // Известия Академии наук. М. 1946. Т. 3. № 5. С. 470-472.

⁵⁸ Опускаю сообщения ал-Мукаддаси, Ибн Мискавейха и Ибн ал-Асира, как имеющие к событиям только косвенное отношение.

⁵⁹ «В год 964 ... и пошел [Святослав] на Оку реку и на Волгу, и встретил вятичей и спросил их: кому дань даете? Они же ответили: хазарам даем по шелягу от сохи [термин не выяснен – А.А.]. В год 965. Пошел Святослав на хазар. Услышали об этом хазары и вышли навстречу с князем своим каганом, и сошлись на бой. И было сражение – победил Святослав хазар и город их Белую Вежу взял, [и] ясов победил, и касогов. В год 966. Вятичей победил Святослав и дань на них возложил» [древнерусский текст с ошибками, пер. мой – А.А.] – Лавр. Стб. 64-65. См. также Ипат. Стб. 52-53: текст идентичный, однако после фразы о победе Святослава над ясами и касогами далее значится «и приде къ Киеву». текст Лаврентьевской дан без разбивки на годовые статьи намеренно – смотри ниже. Также смотри: НІЛ. С. 117, 438, 521.

⁶⁰ Цит. по: ХГ С. 221-222. Здесь воедино сведены три разные отрывка.

⁶¹ Ук. соч. С. 426-429.

⁶² Р С. 376-377. Историк датирует события осторожно – 965-968 гг.

⁶³ Несовпадение с датой Ибн-Хаукаля и, может быть, с фразой Ипатьевской о возвращении князя в Киев после покорения кавказских племен, но до войны с вятичами.

⁶⁴ Расшифрую некоторые аббревиатуры: КР – Вернадский Г.В. Киевская Русь. М.-Тверь. 1996; ПХ – Плетнева С.А. Хазары. М. 1986; ИБПО – Цепков А.И. (сост.) «И были полки Ольговы...» М. 1994; СХ – Цепков А.И. (сост.). Славянские хроники. СПб. 1996.

⁶⁵ Смотри: ВИ 213, 227; СРС 261; Е IX-XI; НГТС IX-X.

⁶⁶ Лавр. Стб. 150 под 1031 г.; Ипат. Стб. 137 под 1031 г.

⁶⁷ ОИС I. С. 560, 614; ВИ 213.

- ⁶⁸ Легко проверяется по: АЕН Р. 72-75; map «Feudal Europe.» Р. 72-73; смотри также: ВИ 213; СГТИСС XI; Е IX-XI. Выбор года определяется следующим соображением: королевство Норвегия на рассматриваемой карте показано как независимое государство. Как известно, оно вошло в состав Дании в 1028 г., но освободилось именно в 1035 г. Смотри: ВИ III. С. 197.
- ⁶⁹ Куза А.В. Новгородская земля // Древнерусские княжества X-XIII вв. М. 1975. С. 154; НІЛ С. 17.
- ⁷⁰ Н С. 80; Галзяцкий С.С. Вотская и Ижорская земля Новгородского государства // Исторические записки. М.-Л. 1940. Кн. 6. С. 131.
- ⁷¹ Седов В.В. Водь // ФУБЭС С. 41. Смотри также: Кёппен П. Водь и Вотская пяттина // Журнал Министерства народного просвещения. 1851. № 70; Седов В.В. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX-XIV вв.) // Советская археология. 1953. № 18; Он же. Этнический состав населения Новгородской земли // Финно-угры и славяне. Л. 1979; Он же. Водь // Новое в археологии СССР и Финляндии: Доклады Третьего советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии 11-15 мая 1981 г. Л. 1984.
- ⁷² См.: Е IX-XI; НГВЕ IX-X; НГТС IX-X; ДГ XI; Р 375; Т 32-33.
- ⁷³ Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X-XIV вв. М. 1984. С. 74. Карта «Ростовская земля конца XI в.» (далее – К 74). Смотри также: Кучкин В.А. О маршрутах походов древнерусских князей на государство волжских булгар в XII – первой трети XIII в. // Историческая география России XII – начала XX вв. М. 1975. С. 34-35.
- ⁷⁴ Ук. соч. С. 99. Карта «Суздальское княжество середины XII в.» (далее – К 99).
- ⁷⁵ Смотри: ВЕ IX-XI; ИХИБ 21; РКЗ XII.
- ⁷⁶ Смотри: НГТС IX-X, X-XII; Е IX-XI; НГВЕ IX-X; ВИ 242; ВЕ IX-XI.
- ^{77a} ДР X-XIII М. 1975 (по всей книге).
- ^{77b} Смотри, например, СРС 260-261.
- ⁷⁸ Смотри: АЕН 72-73; НГТС X-XII.
- ⁷⁹ Смирнов А.П. Волжские булгары. М. 1951. С. 48-49. Карта-вклейка «Восточная Европа XII-XIII вв.». Прошу обратить особое внимание на датировку.
- ⁸⁰ Смотри: Полубояринова М.Д. Русь и Волжская Болгария в X-XV вв. М. 1993; Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Болгарии. М. 1984; Халиков А.Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Болгария. Казань. 1994; Он же. Кто мы – булгары или татары? Казань. 1992. Смотри также карту Института истории СССР (1983 г.) «Волжская Болгария в IX – первой половине XIII вв.».
- ⁸¹ М С. 297. Под Куявией обычно понимают показанный картой киевский регион, под Славией – новгородский; идентификация Артании и Салау по сей день вызывает споры – в них видят Белоозеро, Ростов, Ярославль, Рязань и др. Подробный обзор литературы смотри: Р 172; также Монгайт А.Л. Рязанская земля. М. 1961.
- ⁸² Хороший пример – Поморье-Померания, где фоновый цвет отсутствует. Каким образом можно, например, понять, что западная часть региона вплоть до Одера, населенная ободритами и лютичами, с 982 г. попала в сферу влияния Священной Римской империи (ВИ III. С. 174; АЕН 70; НГТС IX-X), а восточная в рассматриваемое время оставалась независимой?
- ⁸³ ВИ III. С. 443.
- ⁸⁴ ХГ С. 230-231. В «Рекомендациях» предлагается более осторожная формулировка.

Список сокращений

АКИО	–	Ананьинская культурно-историческая общность
ВИ	–	Вопросы истории
КСИА	–	Краткие сообщения Института археологии
СА	–	Советская археология
САИ	–	Свод археологических источников

Сведения об авторах

Арсланов Леонид Шайхсултанович – доктор филологических наук, профессор Елабужского педагогического института.

Астайкин Андрей Анатольевич – заведующий отделом исторической картографии Издательско-продюсерского центра «Дизайн. Информация. Картография», г. Москва.

Агаманов Михаил Гаврилович – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и культуры народов Приуралья при Удмуртском государственном университете.

Вискалин Александр Викторович – кандидат исторических наук, доцент Ульяновского государственного университета.

Иванов Владимир Александрович – доктор исторических наук, профессор Уфимского пединститута.

Иванова Раиса Гавриловна – сотрудник биофака Казанского госуниверситета.

Казаков Евгений Петрович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории им. Ш.Марджани АНТ.

Останина Таисия Ивановна – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Национального музея Удмуртской Республики.

Пастушенко Игорь Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и истории первобытного общества Удмуртского госуниверситета.

Руденко Константин Александрович – доктор исторических наук, заведующий отделом археологии Национального музея РТ.

Уланов Геннадий Владимирович – краевед, г.Ульяновск.

Чижевский Андрей Алексеевич – кандидат исторических наук, ведущий специалист Главного управления охраны памятников Министерства культуры РТ.

Шаландина Вера Тимофеевна – кандидат биологических наук, сотрудник биофака Казанского госуниверситета.

Юнина Екатерина Александровна – старший научный сотрудник отдела этнографии Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника.